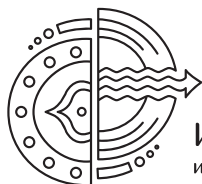

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1>

ISSN 2410-0765

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2023. Том 13, №1

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2023, vol. 13, no. 1

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–64142
от 25 декабря 2015 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2023

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2023

The journal was founded in 2011

FOUNDER and PUBLISHER:

State Budgetary Institution "Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences"
(420111, Kazan, Baturin Str., 7A)

Certificate of registration of the Mass Media ПИ № ФС77–64142
received from Roskomnadzor on December 25, 2015

Published four times a year

Editorial Office Address:

420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the journal materials are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Budgetary Institution "Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences", 2023

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2023

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Бушуева Людмила Александровна**, к.и.н., старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Бушуев Алексей Сергеевич**, к.и.н., ученый секретарь, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН, член-корреспондент РАН (Москва, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н., заместитель директора по науке и развитию, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

- Иштван Вашари**, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)
- Михаэль Кемпер**, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)
- Марискин Олег Иванович**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)
- Кабытов Петр Серафимович**, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)
- Пол Верт**, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)
- Таймасов Леонид Александрович**, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)
- Фахрутдинов Раиль Равилович**, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Scientific editor of the issue: **Liudmila A. Bushueva**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Center of history and theory of national education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Executive secretary of the issue: **Ishat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

English texts' editor: **Aleksey S. Bushuev**, Cand. Sci. (history), Academic Secretary, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (History), Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (history), Chief Researcher, Head of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history), Deputy Director for Science and Development, Chuvash State Institute for the Humanities (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

- Michael Kemper**, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)
- Oleg I. Mariskin**, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)
- Petr S. Kabytov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)
- Paul W. Werth**, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)
- Leonid A. Taimasov**, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)
- Rail R. Fakhрутдинov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Historical and Social Science Education, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Бушуева Л.А., Бушуев А.С. История высшего педагогического образования в Советской России как предмет исследования (вместо предисловия)	12
---	----

Статьи

Красовицкая Т.Ю. Ресурсы тюркско-татарского дискурса образовательного пространства Поволжья. Конец XIX в. – 1930-е гг.	23
Габдрафикова Л.Р. Провинциальные учителя дореформенной эпохи (на примере города Мензелинска Оренбургской губернии)	41
Синицын О.В. Исторический факультет Казанского государственного педагогического института / университета: тенденции становления, развития и взаимосвязи с вузами России	52
Бушуева Л.А. Восточный педагогический институт в структуре высшего образования Казани в 1920-е гг.	63
Шмелева Л.М. Педагогическое образование в Казани в 1920–1930-е гг. и деятельность С.П. и Д.П. Шестаковых	79
Леонтьев А.П. Чувашское отделение Восточного педагогического института (по материалам рукописного фонда Н.В. Никольского)	91
Першина А.И. Социально-экономическое положение студенчества Восточного педагогического института в 1920-е гг.	111
Абубикерова Э.Ф. Принципы формирования научно-педагогических кадров в 1920-е гг. (на примере вузов Саратова)	123
Мезит Л.Э. Региональная система подготовки учительских кадров в Приенисейской Сибири в 1920–1930-е гг.	133
Маторина И.В. Подготовка педагогических кадров для системы дошкольного образования в Тамбовском крае в 1920–1930-е гг.	140
Филимончик С.Н. Деятельность Карельского государственного педагогического института в 1930-е гг.	151
Номогоева В.В., Шойдонова А.М. Подготовка высших педагогических кадров в Советской Бурятии	156
Маслова И.В. Учебная повседневность студентов Елабужского учительского института в 1939–1941 гг.	164
Попов М.В., Суворов М.В. Высшее и среднее специальное педагогическое образование в Свердловске накануне Великой Отечественной войны	176

Крапоткина И.Е. От учительского института к педагогическому: исторический опыт подготовки педагогов в Елабуге в начале 1950-х годов	186
--	-----

Публикация источника

Исхаков Р.Р., Багаутдинова Х.З. Список окончивших курс воспитанников Казанской учительской семинарии (1875–1918 гг.)	192
---	-----

Новые книги, рецензии

Кореева Н.А. Рецензия на книгу: Экономическое положение сельского населения Заказанья (XIX – начало XX века): сборник документов и материалов (Казань, 2022)	217
---	-----

Научная жизнь

Исхаков Р.Р. «Дорогу осилит идущий». К 60-летию юбилею Ильдуса Котдусовича Загидуллина	226
--	-----

CONTENTS

Bushueva L.A., Bushuev A.S. The history of higher pedagogical education in Soviet Russia as a subject of research (instead of a preface)	12
---	----

Articles

Krasovitskaya T.Yu. Resources of the turkic-tatar discourse educational space of the Volga region. Late 19th century – 1930s	23
Gabdrifikova L.R. Provincial teachers of the pre-reform period (the case of the Menzelinsk city, Orenburg province)	41
Sinitsyn O.V. History faculty of the Kazan state pedagogical institute / university: the trends of formation, development and interrelation with the Russian institutes of higher education	52
Bushueva L.A. Eastern Pedagogical Institute in the structure of Kazan higher education in the 1920s	63
Shmeleva L.M. Pedagogical education in Kazan in the 1920s–1930s and the activities of S.P. and D.P. Shestakovs	79
Leontiev A.P. Chuvash department of the Eastern Pedagogical Institute (by the manuscript fund of N.V. Nikolsky)	91
Pershina A.I. The socio-economic status of students of the Eastern Pedagogical Institute in the 1920s	111
Abubikerova E.F. Research and pedagogical personnel formation principles in the 1920s (by the example of Saratov institutes of higher education)	123
Mezit L.E. Regional system of teacher training in the Yenisei Siberia in the 1920s–1930s	133
Matorina I.V. Training of teaching stuff for the system of preschool education in the Tambov region in the 1920s–1930s	140
Filimonchik S.N. Activities of the Karelian State Pedagogical Institute in 1930s	151
Nomogoeva V.V., Shoidonova A.M. Training of higher pedagogical staff in Soviet Buryatia	156
Maslova I.V. Educational everyday life of students of the Yelabuga Teacher’s Institute in 1939–1941	164
Popov M.V., Suvorov M.V. Higher and secondary special pedagogical education in Sverdlovsk on the eve of the Great Patriotic War	176

Krapotkina I.E. From a teacher's to a pedagogical institute: the historical experience of teacher training in Yelabuga in the early 1950s186

Publication of the source

Iskhakov R.R., Bagautdinova Kh.Z. The list of completed the course pupils of the Kazan Teachers' Seminary (1875–1918)192

New books, reviews

Koreeva N.A. Book review: The economic situation of the rural population of the Zakazany'e (19th – early 20th century): collection of documents and materials (Kazan, 2022)217

Scientific life

Iskhakov R.R. “The road will be mastered by the walking one”. To the 60th anniversary of Ildus Kotdusovich Zagidullin226

История высшего педагогического образования
в Советской России как предмет исследования
(вместо предисловия)

Л.А. Бушуева, А.С. Бушуев
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация

В работе обозначены основные историографические тенденции в области изучения истории высшего педагогического образования в Советской России, а также предложен обзор статей, представленных исследователями различных регионов РФ по итогам Всероссийской научной конференции «Исторический опыт подготовки педагогических кадров в Советской России», приуроченной к 100-летию Восточного педагогического института.

Ключевые слова: высшее педагогическое образование в РСФСР, педагогические институты, подготовка учителей, Восточный педагогический институт

Для цитирования: Бушуева Л.А., Бушуев А.С. История высшего педагогического образования в Советской России как предмет исследования (вместо предисловия) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.12–22. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.12-22>

Столетие назад, в 1922 г., в Казани был открыт Восточный педагогический институт – один из самых крупных центров подготовки педагогических кадров не только для Татарской АССР, но и для целого ряда регионов Среднего Поволжья. К этому юбилею была приурочена Всероссийская научная конференция «Исторический опыт подготовки педагогических кадров в Советской России», которая состоялась 6 октября 2022 г. в Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ. Предметом обсуждения на конференции стал целый комплекс вопросов, касающихся истории становления советского высшего педагогического образования и его роли в подготовке учителей для советских школ. В настоящем выпуске журнала «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья» публикуются статьи участников этого научного мероприятия.

Заявленная проблематика, безусловно, является актуальной в связи с тем, что функционирующая в настоящее время непрерывная система подготовки педагогов для разных типов учебных заведений во многом представляет собой порождение советской эпохи. До революции подготовка учителей носила разнородный характер. Преподавателей для гимназий и реальных училищ готовили, главным образом, историко-филологические и физико-математические факультеты университетов, которых в начале XX в. в Российской империи насчитывалось всего двенадцать. Учителей

для начальных школ выпускали учительские семинарии, а для городских и уездных училищ – учительские институты. Однако эти учебные заведения отнесены исследователями к категории «тупиковых учебных заведений», так как они не имели статуса вуза, а их окончание не давало права поступления в университеты [4, с.310]. Несмотря на то, что в начале XX в. предпринимались попытки создать специальные высшие педагогические учебные заведения, в дореволюционной России система подготовки педагогических кадров так и не сложилась. Российскую империю также отличала следующая особенность: в некоторых отдаленных регионах страны совсем не было педагогических учебных заведений [4, с.311].

Для большевиков, пришедших к власти в 1917 г., проблема подготовки учителей стала сродни проблеме создания «нового советского человека». Поскольку одними из главных принципов советской политики в области образования были «массовость» и «доступность», педагогические вузы, открывавшиеся в Советской России в первые годы советской власти, быстро стали важной частью системы высшей школы. Многие из них создавались в условиях крайней нехватки материальных средств, прошли через многочисленные реформирования и реструктуризацию: из учительских и педагогических институтов в высшие институты народного образования в первые годы советской власти, из педагогических институтов в индустриально-аграрные и инженерно-педагогические в годы «Великого перелома», в конце 1930-х гг. эти вузы вновь стали называться педагогическими институтами. Несмотря на то, что пединституты проигрывали по престижности техническим или медицинским высшим школам, в Советской России они стали одним из самых массовых типов высших учебных заведений. Учителя советских школ рекрутировались и из университетов, однако именно педагогические институты играли ключевую роль в сложившейся специализированной системе подготовки педагогических кадров, включавшей кроме них педагогические техникумы и педагогические училища.

В советский период изучением становления советского высшего педагогического образования занимались, главным образом, историки педагогики: К.И. Васильев [2], Ф.Г. Паначин [7], Ф.Ф. Королев [5] и другие. Их работы, безусловно, основательно фундированы, написаны с использованием широкого круга источников. На них до сих пор широко ссылаются исследователи. Однако в силу идеологических причин многие значимые аспекты становления педагогического образования в них не получили должного освещения. Поэтому история советского педагогического образования в настоящее время представляет собой широкое исследовательское поле.

На современном этапе российские исследователи активно изучают историю педагогических вузов различных регионов страны. Они включают в круг рассматриваемых вопросов самые различные аспекты институционального строительства пединститутов, особенности формирования педагогических коллективов, повседневную жизнь преподавателей и сту-

дентов, политические репрессии в отношении представителей педвузов и многое другое [1, 3, 6].

В настоящий тематический номер включены статьи ученых из Москвы, Казани, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Тамбова, Екатеринбургa, Елабуги, Улан-Удэ, Красноярска, Чебоксар. Представленные работы хорошо отражают сложный комплекс региональных особенностей, повлиявших на становление системы педагогического образования в различных уголках страны. В их проблематику вошел широкий круг вопросов, касающихся государственной политики в области педагогического образования, состояния педагогических вузов в эпоху социальных потрясений XX в., особенностей существования и формирования преподавательских составов педагогических институтов в различных регионах Советской России, повседневная жизнь студентов и другие.

Первый блок материалов посвящен изучению истории высшего педагогического образования в Казани, а авторы статей, вошедших в него, рассматривают широкий круг вопросов – от ресурсов тюрко-татарского дискурса образовательного пространства Поволжья в дореволюционный и ранний советский период, до специфики педагогической работы и жизни студентов Восточного педагогического института.

Статья доктора исторических наук *Т.Ю. Красовицкой*, открывающая раздел, посвящена рассмотрению проблемы культурной сложности восприятия имперским центром этнокультурного тюрко-татарского контента образовательного пространства Поволжья. Рассматривая специфику развития мусульманского дореволюционного дискурса, автор указывает на его взаимосвязь не только с событиями в политике и культуре мусульманского зарубежья конца XIX – начала XX в., но и с особенностями практики лингвистической школы, сложившейся в стенах Императорского Казанского университета благодаря стараниям профессоров И.А. Бодуэна де Куртене, В.А. Богородицкого и др. В качестве важного образовательного ресурса автор указывает и на огромный опыт подготовки учителей на родном языке в стенах мусульманских учебных заведений – медресе Хусаиния, Усмания, Мухаммадия, – а также опыт разработки специальной учебной литературы для новометодных школ. В статье показана динамика развития этнокультурного пространства Поволжья с приходом к власти в 1917 г. большевиков. На примере рассмотрения учебной литературы автор убедительно показывает, как татарский язык участвовал в изменении политического ландшафта региона, активно вводя в оборот новые политические и социальные термины, пропагандируя коммунистические и атеистические идеалы. При этом в региональном дискурсе продолжали успешно функционировать оставшиеся на полулегальном положении мусульманские религиозные праздники. Важной задачей развития региональной системы образования в этих условиях становилось совмещение этнокультурного фактора с характером новой автономной государственности созданной в 1920 г. Татарской республики. Автор справедливо подчеркивает, что

20-е гг. XX в. с одной стороны стали сложным и трагическим периодом в истории национального образования у татар, с другой – дали примеры значительных успехов в разработке и издании учебной литературы на родном языке.

Если Т.Ю. Красовицкая рассматривает поволжский регион в целом с его спецификой и многообразием этнокультурной ситуации, то остальные статьи раздела непосредственно посвящены изучению различных аспектов истории педагогического образования в данном регионе, а также Восточного педагогического института и сформировавшегося на его основе Казанского педагогического института/университета.

В своей статье доктор исторических наук *Л.Р. Габдрафикова* проанализировала процесс становления школьной системы в Мензелинске и кадровый состав первого учебного заведения уездного города – Мензелинского уездного училища дореформенного периода. На основе архивных данных автором были реконструированы трудовые биографии учителей, приведены обширные данные об их происхождении, профессиональной подготовке, а также внешкольной деятельности, что позволило показать важную социокультурную роль учителей в жизни уездного города.

Профессор *О.В. Сеницын* в своей статье характеризует становление и развитие исторического факультета Казанского педагогического университета, прослеживая динамику и особенности научно-педагогического коллектива на разных этапах его истории – от Казанского и Восточного педагогического института в 1920-е до Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета в 2000-е гг. Выделенные автором этапы логично связаны с основными вехами истории данного учебного заведения и отражают взаимосвязь государственной образовательной политики и влияния личности наиболее выдающихся профессоров и преподавателей на подготовку учителей в его стенах. На каждом из выделенных этапов истории этого образовательного учреждения автор показывает вклад наиболее выдающихся преподавателей в развитие системы подготовки педагогических кадров для исторического направления – Н.Н. Фирсова, С.П. Сингалевича, М.Д. Бушмакина, В.Т. Дитякина, Г.С. Губайдулина, Е.И. Устюжанина, Н.П. Мунькова, К.Р. Сеницыной и др. Заключая, автор справедливо указывает на весомый вклад Казанского государственного педагогического института/университета в развитие исторического образования в регионе и подготовку учительских кадров.

Вслед за О.В. Сеницыным, *Л.А. Бушуева* рассматривает историю деятельности Восточного педагогического института в 1920-е гг. Ею проанализированы особенности организации высшего педагогического образования в Казани в этот период. На богатом фактическом материале, собранном в том числе в фондах государственных архивов Российской Федерации и Республики Татарстан, автор показывает процесс становления нового вуза с его противоречиями и особенностями, определяя его место в системе казанских вузов раннего советского периода. Автору удалось детально изучить

особенности деятельности различных отделений Восточного педагогического института, его научно-педагогического коллектива, выявить в его составе несколько групп преподавателей, некоторые из которых вступали в противоречивые отношения с губернским отделом народного образования. В конечном итоге это привело к появлению проектов по объединению казанских вузов и их реформированию. Представленный в статье материал позволил автору показать, что перестройка системы высшего педагогического образования в Казани была встроена в масштабный процесс изменений не только в рамках отдельной автономной республики, но и всей страны. При этом, как справедливо отмечает автор, несмотря на эксперименты советских властей в области высшего педагогического образования, Восточному педагогическому институту удалось сохранить целостность и значимое место в системе высшего образования Татарской АССР.

Продолжая рассмотрение истории педагогического образования в Казани в ранний советский период, *Л.М. Шмелёва* изучила процесс изменения учебных планов и трансформации системы подготовки кадров в Восточном педагогическом институте, убедительно показав, что перестройка коснулась не только перечня преподаваемых дисциплин, но и методов их преподавания. Кроме того, автор представила детальную картину научно-педагогической деятельности казанских профессоров С.П. и Д.П. Шестаковых в указанный период. Автор установила, что братья Шестаковы по-разному отнеслись к революции 1917 г. и послереволюционным изменениям. Так, С.П. Шестаков, несмотря на имеющиеся трудности, пытался совместить преподавание с научной работой, продолжая писать труды, не всем из которых удалось своевременно быть опубликованными. А его брат Д.П. Шестаков счел, что его научные штудии потеряли актуальность и надолго оставил преподавание в Казани, вернувшись к нему лишь в начале 1930-х гг. в качестве внештатного профессора греческого языка. Освободившееся время он посвятил поэтическому творчеству, оставив потомкам около 250 стихотворений. Таким образом, на примере судьбы двух казанских профессоров автору удалось проследить сложный процесс адаптации «старой» профессуры к новым условиям послереволюционной поры.

Рассмотрению деятельности чувашского национального отделения Восточного педагогического института посвящена статья *А.П. Леонтьева*. Основываясь на документах рукописного фонда Н.В. Никольского, автор детально рассмотрел историю становления и деятельности Чувашского отделения Восточного педагогического института. В статье не только показаны трудности начального периода подготовки профильных национальных кадров, но и роль отдельных ученых – Н.В. Никольского, Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова и В.Е. Егорова – в процессе становления чувашского национального образования в Казани. На конкретных примерах автор исследования демонстрирует как взаимодействовали официальные структуры Наркомпросов Чувашской и Татарской республик, Главпрофобра РСФСР и самого Восточного пединститута в процессе ор-

ганизации чувашского отделения в Казани, как совместно преодолевали возникавшие на этом пути трудности. Публикуемый автором материал показывает, что короткая, но весьма насыщенная история чувашского национального отделения Восточного педагогического института еще ждет своего исследователя.

Раздел, посвященный истории Восточного пединститута, завершает статья *А.И. Першиной*, которая изучила социально-экономическое положение студентов ВПИ в 1920-е гг. В своем исследовании автор рассматривает такие важные вопросы студенческой жизни, как обеспечение жильем, медицинское обслуживание, стипендиальные выплаты и предоставление иной помощи. Исследуя эти вопросы, автор выявила ряд серьезных проблем, омрачавших студенческую жизнь в стенах ВПИ, среди которых выделяются нехватка общежитий (не более 40% студентов получали место в них), высокая заболеваемость (по данным амбулаторного обследования 1927 г. не более трети студентов были здоровы), нехватка средств для выплаты стипендий, что приводило к поддержке небольшого числа учащихся, в основном, из числа студентов с пролетарским происхождением. В статье рассмотрены и другие способы поддержки студентов: кассы взаимопомощи, социальные столовые, деятельность землячеств и т.п. Представленная в исследовании картина дополняет наши представления о процессе становления педагогического образования в регионе и способах преодоления трудностей, имеющих на пути получения образования.

Второй блок статей освещает различные аспекты истории высшего педагогического образования в разных регионах страны Советов.

Э.Ф. Абубикерова исследовала создание региональной системы подготовки научно-педагогических кадров в Саратове. Автором рассмотрены изменения, произошедшие в количественном и качественном составе преподавателей саратовских вузов, взаимоотношения «старой» и «новой» интеллигенции с партийными структурами и администрацией учебных заведений. Интересен сюжет о выдвиженцах и аспирантах и их партийной принадлежности, представленный в исследовании. Автору удалось показать, что наблюдавшийся рост численности «партийных» аспирантов был обусловлен стремлением советской власти подготовить, прежде всего, преданные в идейном смысле кадры для системы высшего образования. Вместе с тем, как справедливо показывает автор статьи, темпы прироста идеологически выверенных кадров в высшей школе из-за многочисленных трудностей составляли желать лучшего, поэтому до конца 1920-х гг. в ряде учебных заведений Саратова все еще значительной оставалась доля беспартийных, хотя в целом процесс постепенного вытеснения «старых» кадров продолжался.

Статья *Л.Е. Мезит* рассматривает региональную систему подготовки педагогических кадров в Приенисейской Сибири в 1920–1930-е гг. Особое внимание автор уделила массовой подготовке учительских кадров после окончания Гражданской войны. К исследованию, наряду с делопроизводственными документами, привлечены богатые материалы источников

личного происхождения – воспоминаний студентов этого периода, – что позволило автору реконструировать особенности учебно-воспитательного процесса в Красноярском институте народного образования. Кроме данного педагогического института автор рассмотрела деятельность педагогических техникумов и института усовершенствования учителей, таким образом, полноценно охарактеризовав всю систему подготовки учительских кадров в регионе – от среднего и высшего педагогического образования до системы профессиональной переподготовки педагогических кадров.

Интересный ракурс рассмотрения проблемы подготовки педагогов предложила в своей статье *И.В. Маторина*, обратившаяся к проблеме комплектования педагогических работников в системе дошкольного образования в Центральном Черноземье на примере Тамбовского края. Автор исследовала сложный процесс решения губернским отделом народного образования проблемы отсутствия специалистов по дошкольному воспитанию. Ею показан тернистый путь преодоления этой проблемы, пройденный краевыми властями за 1920–1930-е гг., начавшийся с краткосрочных шестинедельных курсов и приведший к открытию педагогического факультета Тамбовского государственного университета и Тамбовского педагогического техникума, позднее преобразованного в педучилище. Автором показана роль специалистов Лекционного бюро Московского университета и других представителей ведущих учреждений страны в устройстве системы подготовки кадров для детских садов в Тамбовском крае в рассматриваемый период. Кроме этого, автором показана прямая зависимость изменений, произошедших в подготовке педагогических кадров для системы дошкольного воспитания и образования региона, от изменения политической ситуации в стране.

Учебная и научная деятельность Карельского педагогического института в 1930-е гг. изучена *С.Н. Филимончик*. Автор рассмотрела историю этого учебного заведения в сложный период, когда многие преподаватели оказались под гнётом репрессий, захлестнувших страну. В результате исследования автор установила, что изучение финно-угорских языков в пединституте в рассматриваемый период дважды вынужденно прерывалось из-за необоснованных обвинений в «буржуазной финнизации», а на замену им пытались выдвинуть карельский язык. Автором также выделены имевшие место проблемы в кадровом обеспечении образовательного процесса и проблема нехватки абитуриентов в связи с малым количеством средних школ. В конечном счёте, как заключает автор, кадровый состав Карельского педагогического института составил основу образованного в Карелии в 1940 г. университета, а более 500 его выпускников внесли значимый вклад в развитие системы семилетнего образования в городах Карельской республики.

Проблемы и успехи подготовки кадров в системе высшего педагогического образования Советской Бурятии рассмотрели исследователи из Бурятского государственного университета *В.В. Номогоева* и *А.М. Шой-*

донова. В статье, представленной этими авторами, рассмотрена деятельность Бурятского педагогического института в 1932–1991 гг. От предыстории создания этого учебного заведения с кратким анализом ситуации кадрового голода в регионе авторы перешли к характеристике основных показателей работы пединститута по подготовке профессиональных педагогических кадров. Анализ представленного в статье фактического материала дополняют индивидуальные портреты некоторых наиболее выдающихся выпускников БГПИ этих лет. Благодаря этому представленный авторами материал выглядит живым и через призму личных судеб педагогов – выпускников пединститута говорит о значительном вкладе этого учебного заведения в подготовку педагогических кадров в Бурятии.

Статьи *И.В. Масловой, М.В. Попова и М.В. Суворова* рассматривают историю педагогических институтов накануне Великой Отечественной войны. *И.В. Маслова* изучила учебную повседневность студентов Елабужского учительского института. Исследовав ее темпоральные характеристики, автор установила, что студенты под влиянием ряда факторов были вынуждены находиться в стенах учебного заведения от 8 до 10 часов в день, что значительно превышает время нахождения в вузе, например, современных студентов. Характеризуя организацию учебно-воспитательного процесса в вузе, автор отметила наличие некоторых особенностей, являвшихся следствием того, что учительский институт в Елабуге был открыт на базе педучилища и поэтому нес на себе отпечаток этого наследия. Кроме прочего в статье охарактеризованы особенности подготовки студентов к сдаче зачетов и экзаменов, их участие в комсомольской, военно-физкультурной и иной общественной работе, а также ряд других вопросов, в числе которых вопросы организации питания студентов, доступности продуктов и т.д.

Статья *М.В. Попова и М.В. Суворова*, продолжая тему подготовки педагогических кадров в предвоенный период, освещает вопросы организации среднего и высшего педагогического образования в Свердловске. Исследуя эти вопросы, авторы отмечают, что существенным фактором, повлиявшим на эти процессы, было увеличение объемов финансирования отрасли со стороны государства накануне начала Великой Отечественной войны, которое выразилось, прежде всего, в открытии в Свердловске второго (после Свердловского пединститута) педагогического вуза – Свердловского учительского института иностранных языков. Комплексный подход авторов к истории подготовки педагогических кадров позволил им рассмотреть не только изменения в организации учебного процесса в вузах, но также и в педагогических техникумах и на курсах профессиональной переподготовки учителей. В статье не обойдена вниманием и проблема влияния репрессий 1930-х гг. на развитие системы педагогического образования накануне войны.

Логично завершает тематический блок статей материал *И.Е. Краноткиной*, в котором представлены результаты исследования особенностей

преподавательского состава, качества образовательного процесса и общего культурного пространства Елабужского педагогического института в период его формирования на базе учительского института в 1953 г. Фактический материал, приведенный в статье, позволяет достаточно выпукло представить картины из жизни провинциального учебного заведения с его достоинствами, преимуществами и недостатками. Основываясь на материалах, отложившихся, в том числе, в текущем архиве учреждения, исследователь справедливо заключает, что молодой педагогический вуз постепенно становится центром просвещения и культуры в Прикамье.

Номер завершают материалы традиционных рубрик журнала – «Публикация источника» и «Научная жизнь». *Р.Р. Исхаков и Х.З. Багаутдинова* публикуют поименный список воспитанников Казанской учительской семинарии с 1875 по 1918 г. Этот источник позволяет расширить представления о персональном составе выпускников одного из крупнейших педагогических учебных заведений Казани, которое готовило кадры для национальных школ народов Восточной России во второй половине XIX – начале XX в. В разделе «Научная жизнь» представлена статья *Р.Р. Исхакова*, посвященная научной деятельности казанского ученого, специалиста по истории татар Нового времени, доктора исторических наук И.К. Загидуллина.

В целом статьи, представленные в данном тематическом номере журнала, с позиции не только разных регионов, но и разных точек зрения анализируют сложные процессы, наблюдавшиеся в развитии высшего педагогического образования и подготовки учительских кадров в СССР, особенности научно-педагогических коллективов высших учебных заведений, социального обеспечения учащихся и педагогов, и другие вопросы. Надеемся, что представленные вниманию читателей материалы окажутся полезными и интересными для широкой научной общественности и всех интересующихся историей образования и науки, а также будут способствовать дальнейшему развитию исследований в этом направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бушуева Л.А.* Высшие учебные заведения в ландшафте советского провинциального города 1920-х гг. (на примере г. Казани) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. №4(64). С.51–64.
2. *Васильев К.И.* Очерки истории педагогического образования в РСФСР (1918–1932). Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1966. 294 с.
3. *Демьянов К.В., Метель О.В.* Формирование кадрового состава исторических факультетов вузов Западной Сибири во второй половине 1930-х – начале 1950-х годов (на материале Омска и Новосибирска) // Преподаватель XXI. 2021. №1–2. С.245–256.
4. *Калиникова Н.Г.* Педагогическое образование в России: уроки истории // Вопросы образования. 2005. №4. С.304–318.

5. *Королев Ф.Ф.* Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917–1920. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1958.

6. *Кочурин С.А.* История педагогического образования Сибири и на Дальнем Востоке в условиях реализации государственной политики по введению всеобщего начального обучения в 1917 – начале 1930-х годов. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2022. 296 с.

7. *Паначин Ф.Г.* Педагогическое образование в СССР. Важнейшие этапы истории и современное состояние. М.: «Педагогика», 1975. 218 с.

Информация об авторах:

Бушueva Людмила Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: bushueva9@mail.ru

Бушувев Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: a_bushujev@mail.ru

Поступила 10.01.2023

Принята к публикации 23.01.2023

The history of higher pedagogical education in Soviet Russia as a subject of research (instead of a preface)

L.A. Bushueva, A.S. Bushuev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

In the paper the main historiographic tendencies in the field of the history of higher pedagogical education in Soviet Russia are presented, as well as a review of articles presented by researchers from various regions of the Russian Federation following the results of the All-Russian Scientific Conference "Historical Experience in the Training of Pedagogical Staff in Soviet Russia", timed to the 100th anniversary of the Eastern Pedagogical Institute.

Keywords: higher pedagogical education in the RSFSR, pedagogical institutes, teacher training, Eastern Pedagogical Institute

For citation: Bushueva L.A., Bushuev A.S. The history of higher pedagogical education in Soviet Russia as a subject of research (instead of a preface). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.12–22. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.12-22> (In Russian)

REFERENCES

1. Bushueva L.A. Vysshie uchebnye zavedeniya v landshafte sovetskogo provintsial'nogo goroda 1920-kh gg. (na primere g. Kazani) [Institutions of higher education in the landscape of a soviet provincial city in the 1920s (on the example of Kazan)]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, 2022, №4(64), pp.5–64. (In Russian)
2. Vasil'ev K.I. Ocherki istorii pedagogicheskogo obrazovaniya v RSFSR (1918–1932) [Essays on the history of higher pedagogical education in the RSFSR (1918–1932)]. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1966. 294 p. (In Russian)
3. Dem'yanov K.V., Metel' O.V. Formirovanie kadrovogo sostava istoricheskikh fakul'tetov vuzov Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 1930-kh – nachale 1950-kh godov (na materiale Omska i Novosibirsk) [Staff of the historical faculties of universities in Western Siberia formation in the second half of the 1930s – early 1950s (on the material of Omsk and Novosibirsk)]. *Prepodavatel' XXI*, 2021, №1–2, pp.245–256. (In Russian)
4. Kalinnikova N.G. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii: uroki istorii [Pedagogical education in Russia: lessons from history]. *Voprosy obrazovaniya*, 2005, №4, pp.304–318. (In Russian)
5. Korolev F.F. Ocherki po istorii sovetskoy shkoly i pedagogiki. 1917–1920 [Essays on the history of the Soviet school and pedagogy. 1917–1920]. Moscow: Izd-vo Akademii ped. nauk RSFSR, 1958. (In Russian)
6. Kochurina S.A. Istoriya pedagogicheskogo obrazovaniya Sibiri i na Dal'nem Vostoke v usloviyakh realizatsii gosudarstvennoy politiki po vvedeniyu vseobshchego nachal'nogo obucheniya v 1917 – nachale 1930-kh godov [The history of pedagogical education in Siberia and the Far East in the context of the implementation of state policy on the introduction of universal primary education in 1917 – early 1930s]. Tomsk: Tomskiy gos. ped. un-t, 2022. 296 p. (In Russian)
7. Panachin F.G. Pedagogicheskoe obrazovanie v SSSR. Vazhneyshie etapy istorii i sovremennoe sostoyanie [Pedagogical education in the USSR. The most important stages of history and the current state]. Moscow: Pedagogika, 1975. 218 p. (In Russian)

About the authors:

Bushueva Liudmila Aleksandrovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Center of history and theory of national education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); e-mail: bushueva9@mail.ru

Bushuev Aleksey Sergeevich – Cand. Sci. (history), Academic Secretary, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation) ; e-mail: a_bushujev@mail.ru

Received January 10, 2023

Accepted for publication January 23, 2023

СТАТЬИ

УДК 371(091)(47+57)

Ресурсы тюркско-татарского дискурса образовательного пространства Поволжья. Конец XIX в. – 1930-е гг.

Т.Ю. Красовицкая

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация*

С конца XIX века ресурс тюркско-татарского дискурса в российском образовательном пространстве требовал адекватного восприятия и оценки перспектив развития. На пути его специализации в практической сфере виделся ряд проблем. Россия существенно отставала в вовлечении нерусского населения в образовательные практики государственной системы образования. Политическая практика формировать общее для всего населения образовательное пространство диссонировала с традиционными учебными институциями и их практиками, хотя среди них имелись и сторонники реформ. Обе стороны: и имперский центр, и реформаторы традиционных школ, – понимали модернизацию и как обновление на старой основе, и как процесс, организуемый и решаемый. Цели, видимые по-разному каждой стороной, обусловили характер борьбы – жесткий и многообразный. Стороны занимали активную позицию. Значительная часть населения сохраняла институты и ресурсы своей культуры, претендуя на разную степень политической и правовой самостоятельности. Требования этнических коллективов об организации их жизни в новых условиях формировали политическое поле конкуренции и борьбы, не стесняясь апеллировать как к общегосударственным нуждам, так и к этническому чувству, их комплексу неурегулированных перспектив этнических культур.

Ключевые слова: ресурс тюркско-татарского дискурса, образовательное пространство, политическая практика, характер борьбы, общегосударственные нужды, перспективы создания этнических продуктов культуры

Для цитирования: Красовицкая Т.Ю. Ресурсы тюркско-татарского дискурса образовательного пространства Поволжья. Конец XIX в. – 1930-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.23–40. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.23-40>

Понимание реформаторских исканий татарских педагогов и просветителей конца XIX – начала XX в., оценка их влияния на официальные самодержавные, либерально-демократические, социал-демократические доктрины и проекты затруднены языком их изложения. До 1917 г. они, как правило, написаны мусульманами на арабском языке, языке тюрки с ис-

пользованием арабицы. Не все современники, в том числе и оппоненты реформаторов, могли понять их содержание из-за незнания языка и непонимания ментальной специфики. Культурная сложность была основной проблемой восприятия имперским центром этнокультурного контента. Поэтому современные исследователи столкнулись с проблемой прочтения огромного количества документов, ранее не привлекавших к себе внимания. По данным Ю.Кульчика и Х.Джабраилова в начале 1990-х гг. не расшифрованными оставались более 5 тыс. арабских рукописей в Российском государственном архиве древних актов, в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве, в книгохранилищах Дагестана, Республики Татарстан, Крыма, Осетии, Ставрополя, Ростова, Астрахани [5, с.15]. Лишь с 2000-х гг. содержательный контент образовательных практик в них активизировал внимание политико-управленческих и академических кругов [17].

В издававшемся в Оренбурге богословском еженедельнике «Дин ва магишат» («Вера и жизнь») в статье «Религиозная философия», вышедшей в 1912 г., говорилось: «Мы просим не переводить священного Корана, содержащего в себе столько тайного». Перевод Корана М.Бигиева попал под запрет. Либеральный теолог З.Камали, ученик египетского реформатора М.Абдо в аль-Азхаре, оказался в схожем положении, абсолютизировав роль науки в толковании Корана [2, с.50].

Однако содержание переводов все же начинали оценивать и с точки зрения их применимости в новых условиях. 12 апреля 1912 г. в газете «Каспий» в «Заметках мусульманина. К переводу Корана» указывалось: «было бы желательно, чтобы мусульманская интеллигенция взялась за это важное дело, несмотря на все отчаянные крики невежественных мулл, считающих этого рода деяния кошунством» [9, с.103]. Споры вокруг толкований переводов имевшихся источников в той или иной степени были связаны с разнообразными влияниями на образовательные ресурсы татарского Поволжья важнейших событий в политике, культуре, философии, науке мусульманского зарубежья и Европы конца XIX – начала XX в.

Определенное влияние на эти процессы оказала и казанская лингвистическая школа. Лингвистическая научная практика школы Казанского университета в 1880-е гг. отличалась равноправием языков как объектов научного исследования, вниманием к психологическим и социологическим аспектам их развития. Ординарный профессор историко-филологического факультета Казанского университета И.А. Бодуэн де Куртене в 1883 г. призвал руководство университета смотреть «на дело, прежде всего, с лингвистически-этнографической точки зрения, ... непосредственных наблюдений над живой действительностью» [4, л.1–4]. Учеником и преемником его стал крупнейший тюрколог В.А. Богородицкий, определявший язык как показатель классифицирующей деятельности ума и «социологический фактор первой важности»: в силу «одинаковости понимания» язык служит объединению людей «к общей деятельности» [3]. Само-

стоятельное развитие получила тюркология, история тюркских народов. Представители казанской школы тюркологов И.Хальфин, А.Казем-бек, М.Махмудов, М.Иванов, С.Кукляшев и другие занимались не только языкознанием, но и историей, этнографией и фольклористикой. Они открыли древнюю тюркскую доисламскую культуру. Их исследования, серьезно влияя на образовательный уровень национальной элиты, концентрировали ее внимание на дискуссионных вопросах.

Развитие научных исследований в данный период стимулировало внимание к родным языкам как средству обучения. Язык переместился в центр внимания модернистских споров, публицистики, гуманитарных наук и политики. Модернизм выражался в революционном изменении «языков». Считалось, что новый язык создаст «нового человека» в новом обществе. Переворот предполагал радикально изменить не только отношение к идеологическому содержанию языка, но и природный язык самого общества. Важным аспектом практик стал резкий всплеск национализма как собственные попытки выбрать путь навстречу индустриализму. Выбор русскоязычной (государственной) школы (вестернизация) или опора на собственный культурный ресурс, и тот и другой путь для татар вел к элиминации собственно этнического в ходе подобных практик. Такая перспектива вызвала ревитализацию этнической специфики. Она начала восприниматься и как данность, эталон и элемент мироздания, и как результат поступательного движения от прошлого к будущему, совокупность усилий людей в культурном и социальном строительстве.

Значительную ценность представлял огромный опыт многих медресе Поволжья в подготовке новых учителей на базе новых учебных программ и планов, при этом, что особенно важно, на родном языке. Так, в медресе Хусаиния, основанном в 1889 г. в Оренбурге братьями Хусаиновыми на собственные средства, многое было заимствовано из европейской общеобразовательной системы. Появилось распределение учеников по классам (действовала 14-классная система), расписание уроков, экзамены. Новым стало использование на уроках классной доски, журналов успеваемости и карт. Учебные классы были сгруппированы здесь по разрядам: 3 начальных, 4 средних, 4 переходных, 3 высших. Преподавание велось по новому методу. Как утверждает А.Ю. Хабутдинов, кроме обучения традиционным дисциплинам, большое внимание уделялось светским предметам, в том числе физике, химии, математике, политэкономии, гигиене, географии, философии, логике, фарси, французскому, немецкому, арабскому, турецкому, русскому языкам, истории России, татарской истории, арабской, персидской, татарской, русской литературе [26, с.22]. Н.А. Бобровников, чиновник Министерства народного просвещения (далее МНП) России, хорошо знающий состояние национальных учебных заведений, писал: «В медресе, наряду с мусульманскими предметами, преподаются многие светские науки, так что мектебе по курсу в той или иной степени приближается к русским средним школам» [29, с.220]. В Хусаинии преподавали

известные деятели культуры Р.Фахретдинов, С.Рамиев, С.Сунчалаяй, Ш.Камал, Ф.Карими, Ш.Бурхан. Медресе имело богатую библиотеку художественной, философской, педагогической литературы, учебных и периодических изданий на русском, татарском, арабском, турецком, персидском языках. Ряд произведений мировых классиков стал известен мусульманскому читателю из переводов преподавателей медресе. Некоторые воспитанники медресе участвовали в революционном движении, сотрудничали с демократическими периодическими изданиями. Хусаинию окончили многие поэты, писатели, деятели науки. Подобные изменения в образовательных практиках затронули и другие медресе в крупных городах Поволжья и Приуралья. После 1905–1907 гг. большинство из них приняло новый метод обучения [19, л.254]. Постепенно проводники новометодного обучения – муллы-мугаллимы добивались и до сел.

Общероссийские законы 1905 г., многочисленные совещания 1905–1914 гг. в Министерстве народного просвещения инспирировали дискуссию о пересмотре иерархии идентичностей, интенсифицировали не только идеологическое конструирование границ становящейся предпочтительной этничности, но и его социальную практику, в первую очередь в школе, и наиболее рельефно – в дискурсе национально-культурного возрождения.

1 июня 1914 г. был принят «Закон о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» [7], который предоставлял значительную самостоятельность частным лицам, берущим на себя обязательство создавать частные учебные школы. Учредителями частных учебных учреждений могли быть земства, города, сословия, приходы, частные общества, товарищества и всякого рода другие частные учреждения, а также отдельные мужчины и женщины, не моложе 25 лет. Учредителям предоставлялось право выбора предметов преподавания и составления учебных программ. Особенно большой интерес представляла статья Закона, предоставляющая учредителям право выбора языка преподавания.

Исследователь мусульманского образования Т.М. Аминов опубликовал Устав трехгодичных мусульманских педагогических курсов Уфимского губернского земства, учрежденных в 1916 г. на основании закона и правил 1 июля 1914 г. о частных учебных заведениях, классах и курсах МНП, не пользующихся правами правительственных учебных заведений [1, с.275; 16], состоящих в ведении попечителя Оренбургского учебного округа и содержащихся на средства Уфимского губернского земства. Эти курсы готовили учителей-мусульман для русско-татарских, русско-башкирских начальных училищ Уфимской губернии. Преподавание велось здесь на русском языке, кроме вероучения и «природного языка» учащихся. На курсах преподавали следующие предметы: магометанское вероучение, татарский язык для учащихся из татар и башкирский язык для учащихся из башкир, русский язык, арифметика, алгебра и геометрия, русская история со сведениями из всеобщей истории, всеобщая география и

география России, предметы, относящиеся к естественным наукам: химия, физика, минералогия, зоология, ботаника, анатомия с физиологией, а также гигиена, педагогика с психологией, дидактика, законоведение, рисование и чистописание, ручной труд и гимнастика, методика предметов, преподаваемых в начальных училищах. Детали программ предметов обсуждали и уточняли педагогические совещания курсов и по принятии их губернским земским собранием они сообщались попечителю Оренбургского учебного округа. Таким образом, светские знания становились фактором социального выживания и благополучия. Индустриальные вызовы, демонстрировавшие, что общество становилось более секуляризованным, уловили и мировые конфессии. Так было положено начало подготовке нового учительства, которое вошло в новые учебные классы [15].

Во многом подготовке нового учительства способствовало творчество татарской элиты, создавшей огромное количество учебников и учебных материалов. В культурной жизни татар наметился постепенный перелом, характеризующийся стремлением к сближению с европейской культурой и переустройству жизни в соответствии с потребностями нового времени. Шло преодоление отставания татарской системы образования не только от европейских, но и от передовых турецких учебных заведений, уже вступивших на путь модернизации. Попытки изменить ситуацию были связаны со стремлением приспособить традиционные методы преподавания татарских медресе к требованиям времени.

Исследовавшая в 2000-е гг. фонды Центральной библиотеки Казанского научного центра РАН Р.Р. Сафиуллина установила, что сохранилось множество арабоязычных книг, изданных татарами, в том числе 641 издание Корана и его части, 89 изданий искусство чтения Корана, рецитации (таджвид), 94 издания экзегеза Корана и его части, хадисы – 208 изданий, а также около 100 книг по истории, историографии; 281 книга по юриспруденции; 52 книги по учению и обрядам ислама, около 300 изданий – по догматике, эсхатологии, полемической литературе, педагогике и этике, суфизму – 52, философии, логике – 37 и другие. Большое место среди этой литературы также занимали сочинения филологического характера – более 260 изданий по арабской филологии, грамматике, лексикографии, риторике. Р.Р. Сафиуллина делит их на сочинения средневековых арабских авторов и учебники, написанные татарскими авторами в конце XIX – начале XX в. [21, с.191–201; 22; 23, с.85–86]. Среди последних около 60 изданий азбук и букварей и 26 хрестоматий, книг по чтению. В дореволюционный период численность изданных книг на арабском языке оставалась еще значительной. Так, в 1890–1900 гг. вышло 723, в 1900–1910 гг. – 1160, в 1910–1917 гг. – 731 издания. В них большое внимание отводилось социально-религиозной полемике, спорам джадидистов и кадимистов по вопросам педагогики, что свидетельствовало о глубине и степени внимания к данным проблемам. Основатель медресе Иж-Буби Г.Баруди сам создавал учебники, преимущественно по религиозным дисциплинам и языкам,

арифметике. Написанный им новометодный букварь «Савадхан» («Начальная грамота») в течение 1891–1915 гг. выдержал 12 изданий.

Переход с арабского на родной язык изложения требовал наличия адекватных определений. Даже в учебнике арифметики «Намунаи хисап» обильно использовались термины из арабского языка. Имелись параллельные арабские и татарские тексты с элементами живой беседы и диспутов [22; 16, с.41–57]. Весьма удачным считался в дидактическом отношении школьный словарь «Люгат салес», который отразил большой педагогический опыт составителя, знание особенностей детского восприятия. Словарь тематически строился и обогащал лексику учащихся по темам: «Человек и его органы», «Родственные отношения», «Животный мир», «Домашняя утварь», «Небесные явления и погода», «Одежда», «Пища и фрукты», «Качества», «Глаголы» [27, с.62].

Одним из активных последователей нового метода был автор первого букваря русского языка (Русча муаллим аввал) и методических пособий для новометодных школ А.-Х. Максуди. Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета насчитывает 32 наименования его книг и даже «Практический учебник французского языка». Букварь А.-Х. Максуди «Могаллим эувэл», изданный в 1892 г., был переиздан 31 раз. Общий тираж его составил 1 млн 200 тыс. экземпляров. Букварь помогал учащимся освоить технику быстрого чтения и письма на татарском языке на основе арабской графики. Написанные А.-Х. Максуди учебники арабского языка, в том числе букварь «Му`аллим сани», книга для чтения для учащихся третьих классов начальных школ «Кира'ат», книги по арабской грамматике («Истикмал» и другие) с подробными объяснениями, фонетическим курсом, вводимым на основе языка учащихся звуковым методом, шли на «шаг вперед по сравнению с остальными учебниками» [24, с.88–89; 28, с.166].

При составлении первых учебников грамматики на татарском языке в конце XIX – начале XX в. брались за основу знакомые арабские грамматики или же синтезировались подходы русских и арабских, заимствуя достижения европейских, в частности, латинской и греческой грамматик [22]. В свою очередь татарские грамматики служили моделью при составлении грамматик других тюркских языков. К началу XX в. увеличилось число авторов «новометодных» учебников арабского языка. В этот период появились учебники братьев Хамиди, С.Ахмадова, Ш.Тукаи и других. Само по себе это свидетельствовало, что потребность в подобных учебных пособиях оставалась довольно высокой [22].

В число учебной литературы, изданной на рубеже XIX–XX вв., татарские исследователи, кроме 526 учебников по религиозным дисциплинам, включают 206 учебников по татарской литературе, 118 – по татарскому и русскому языкам, 102 – по нравственному воспитанию и другие. В общей сложности исследователями выявлено 1010 изданий, 740 наименований общим тиражом в 5 016 630 экземпляров. С 1907 г. количество учебников

татарского языка резко возросло, что связано с переходом языка обучения с языка тюрки на татарский. Среди учебников по языкам 9 приходилось и на русский язык.

Из опубликованных в 1909 г. 311 книг на татарском языке 70 являлись учебниками. С 1905 по 1913 гг. на татарском было издано уже 394 учебных пособий. По данным Р. Фархутдинова, из них более 50 учебников были по истории татар, по данным Р. Валиуллина – 41. Хотя по количеству учебники по истории находились на последнем месте, нужно отметить, что 23 издания были посвящены истории татарского и тюркского народов, 18 – всеобщей и российской истории. Таким образом, число учебников быстро росло, они теснили арабские и турецкие учебники. Кроме того, в это период издавались педагогические и детские журналы «Мектеп», «Магариф», «Ак юл». В Крыму выходил педагогический журнал «Бильги» («Знание») [8, с.150; 25, с.13].

В центре собирали информацию об издаваемых учебных продуктах. Однако опыт реформаторов татарского образования воспринимался негативно или скептически, как неадекватный средствам и уровню (как считалось!) русского начального образования. В 1917 г. в Казани цензурный комитет издал «Обзор учебников» за 1911–1913 гг., принятых к употреблению в татарских школах. В нем анализировались 394 «общепринятых учебника» на татарском языке, выдержавших несколько изданий. 70% учебников составляли книги по светским предметам. Экспертами были оценены учебники всеобщей и российской истории Х.Муслими, Ш.Марджани, К.Насыри, М.Рамзи, Х.Габяши, Г.Ахмарова, Ш.Хамидуллина, А.Забилова, Х.Мухаммедова, Н.Надиева и др., по географии – Х.Файзи, Ш.Абдулгазизова, М.Курбангалиева, А.Камалетдина, М.Идрисова, по русскому языку – А.-Х. Максуди, Ш.Халиди, Ш.Тукави. Имелись учебники Х.Курбангалиева, Я.Айманова, И.Хамиди – по естествознанию, Д.Абызгильдина, М.Бахтияра, Р.Ибрагимова – по астрономии, Г.Фахретдинова, И.Хамиди – по ботанике, Г.Шнаси – по химии, Г.Гисмати, Х.Забири – по физике, И.Хамиди, Д.Габидуллина, Х.Гайнельгибад – по анатомии и гигиене, Г.Махдуми – по логике, К.Насыри, Г.Салихова, И.Сулеймани – по этике. Оценивались и методические пособия, например, «Методика преподавания математики» Г.Кулахметова (1911 г.). По данным Р.Валиуллина, кроме учебников до 1917 г. опубликована 21 учебная программа джадидских мектебе. Программы создавались и для отдельных учебных заведений.

Учебники истории оценивали профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов, инспектор Казанского учебного округа Я.Д. Коблов, А.И. Емельянов и другие ученые и администраторы, рецензируя их по заданию МНП. Н.Ф. Катанов отметил в учебниках зародившееся у татар желание заняться изучением своего прошлого, «хотя и не вполне удачно». Стремясь оценить вектор формирования этими учебниками самосознания татар, Н.Ф. Катанов констатировал: «Новометодным татарам нужна... история но-

вая, основанная на точных и беспристрастных данных, какие видим только в Западной Европе». Инспектор Казанского учебного округа Я.Д. Коблов признавал успехи татар в подготовке учебников истории, но относился к ним в целом также критически. «Сочинения ... в большинстве случаев очень элементарны, ненаучны и представляют ... иногда просто перевод с русских учебников ... с тенденцией восхвалить татар», – подчеркивал Я.А. Коблов. Но он все же отметил два основных положительных направления в подготовке учебников татарскими педагогами. Первое – попытка самостоятельной научной разработки и второе – «выяснить прошлое, ... и что ожидается в будущем, наметить вехи для этого будущего, чтобы не затеряться среди других народностей и сохранить свою самостоятельность» [10, с.93; 11, с.20]. Он подтверждал эту мысль и в 1916 г.: «В России трудно указать народность, среди которой была бы так широко распространена грамотность, как у казанских татар. Безграмотного татарина можно встретить очень редко. И это обуславливается полною возможностью для каждого магометанина научиться грамоте, потому что в каждой деревне, как бы она ни была бедна и малочисленна, есть школа» [10, с.3–4].

Р.У. Амирханов и Р.Н. Валиуллин, изучавшие учебники по истории татар, применявшихся в новометодных медресе и изданные на татарском языке в начале XX в., признают, что такие популярные учебники, как «История татар» Г.Баттала (1913 г.), «История тюрко-татар» З.Валиди (1912 г.), «Подробная история тюркских племен» Х.Габяши, создавались при отсутствии необходимых методических пособий, справочного материала, научной литературы по истории татар. Однако критика во многом стимулировала энтузиазм авторов учебников. Поэтому они стремились совместить в одном издании учебное пособие и для учеников, и для учителя и необходимый справочный материал источниковедческого и историографического характера. Обратим внимание, что и имперские, и советские рецензенты и аналитики главное внимание уделяли учебникам истории – важному ресурсу, в котором отражаются цели будущего общества.

Обращение к родным языковым ресурсам в рамках разработки учебников и учебных программ создало «рынок языков». Этот ресурс культурных продуктов имперские чиновники оценивали ниже уровня тех, что использовала государственная школа. Вместе с тем, благодаря усилиям джадидов к 1912 г. только в Казанской губернии из 1088 мусульманских школ 90% считались новометодными, а такие медресе, как «Хусаиния» в Казани, «Алия» и «Усмания» в Уфе, «Мухаммадия» в Оренбурге – одними из лучших в мире ислама. Татарские джадиды, изучая образовательные практики турецких реформаторов, были уверены в своем лидерстве, они вовсе не были заинтересованы раствориться в общетюркском континууме. Это убедительно доказывает и выбор языковых практик, их интенсивность в создании культурных продуктов, и успехи в повышении грамотности населения.

В 1917 г. государственная власть оказалась в руках большевиков. Напомним, первые обращения Совета народных комиссаров (далее СНК) к трудящимся мусульманам и Декларация народов России осенью 1917 г. проблематизировали факт этноязыкового разнообразия в поволжском образовательном пространстве, наличие в нем разных пространственно-временных хронотопов, определяемых как современность (модерность) и архаика (традиционное общество), а этнические культуры как природный ресурс будущей модернизации. Значительные изменения в процесс преподавания в школах республики внес Декрет ЦИК и СНК Татарстана от 25 июня 1921 г. о признании татарского языка государственным.

Татарский язык стал использоваться как силовой фактор, участвовать в изменении политического ландшафта, ускоренным темпом вбирать в себя политические и социальные термины. Через появившиеся новые буквари, книги для чтения пропагандировались коммунистические убеждения, воинствующий атеизм, формировалось негативное отношение к дореволюционной России. Подчеркивалось, чем в большей степени воспитание становится классовым, коммунистическим, тем более оно гуманно. Изложенная в «Основных принципах» и «Положении о единой школе» концепция трудовой школы предусматривала, что дети будут получать образование из мира природы и общества. Предметом изучения должны были стать комплексы энциклопедических знаний, подобранные соответственно возрасту, интересам и потребностям детей. Школьники должны осваивать продукты производства, знакомиться с элементами культуры, а именно трудовыми процессами, орудиями труда, революционными праздниками и другими. В программу обучения входили сведения о свойствах материальных объектов, социальных структурах, современной промышленности. Подобный подход имел серьезные психолого-педагогические и социологические обоснования. Он основывался на том, что полноценное развитие личности происходит при активном освоении окружающего мира, когда интенсивно задействованы моторика, сенсорика, эмоции.

Анализ учебно-методической работы республиканских Академических центров показывает: гарантом высокого педагогического качества работ было изложение коммунистической идеологии. Но в крестьянской стране людей не хотели лишней раз раздражать. Показателем этого был тот факт, что до 1929 г. в СССР полуофициально оставались выходными днями религиозные праздники. Их число, по сравнению с царскими временами, сократили, переименовав в «особые дни отдыха». Официально этот вопрос передан на рассмотрение местным властям. Согласно постановлению Татнаркомтруда №17 «О праздниках на 1925 год» от 21 февраля 1925 г. для «неуклонного исполнения всех государственных, кооперативных, общественных учреждений и предприятий и хозяйств, а также и частновладельческих» на основании статей 111 и 112 КЗоТ устанавливались «гражданские» (7 дней), «татарские религиозные» (5 на 7 дней) и «русские религиозные» (6 на 7 дней) праздники.

К гражданским праздникам в 1920-е гг. в ТАССР относились 1 января (Новый год), 22 января – (День 9 января 1905 года и нерабочий День Траура по В.И. Ленину), 12 марта (День низвержения самодержавия), 18 марта (День Парижской Коммуны), 1 мая (День Интернационала), 25 июня (Годовщина Татареспублики, 7 ноября (День Пролетарской Революции). К татарским религиозным относились 20 апреля (Казыр-Кун), 25 и 26 апреля (Гайде-Тетер), 30 июня (Канун Гайде-Курбан) 1 и 2 июля (Гайде-Курбан), 30 сентября (Мавлюд), к русским религиозным: 20 апреля (Пасха), 28 мая (Вознесение), 8 июня (Духов День), 25 и 26 декабря (Рождество), 6 августа (Преображение), 15 августа (Успение). Ввод новых праздников с сохранением старых давал возможность сосуществовать новым и старым традициям, но мешал политическим мероприятиям. Наблюдались и абсурдные ситуации: празднование Рождества 25 и 26 декабря с 1923 по 1929 г. в Советской России были государственными выходными, но 7 и 8 января, когда православные отмечали Рождество, были рабочими днями.

В 1924/25 гг. за учебный год «осознано» 4 современных праздника. Из них на первое полугодие приходилось три праздника: День урожая, семилетие Октябрьской революции и воспоминание об изгнании из СССР контрреволюционеров. В каком объёме отмечались праздники, какую увязку имели с плановой школьной работой, в том числе и по освоению комплексных тем, а также в рамках кружковой работы, и сколько времени затрачивалось на их осознание, указывали представляемые отчёты. П. Нора в своей работе «Между памятью и историей» назвал эти практики превращением «благодаря школе и времени в кадр и в матрицу нашей коллективной памяти». Меньше в школьной практике обращалось внимания на учет другой важной задачи: преодолеть прежние навыки читать и писать по-другому. Для тех, кто исповедовал ислам, практики обучения были связаны с религиозной традицией чтения и письма справа налево. Переход с одного вида графики на другой (латиницу) был трудной задачей не только для учащихся, но и для учителей. И им приходилось учиться заново читать и писать, усваивая новые правила. Новая графика требовала методического обеспечения, ею следовало овладеть и с психологической, и с типографской сторон. И, конечно, смена письменности сопровождалась политическими эмоциями, в которые втягивались родители.

Такие ситуации, конечно, вносили неразбериху в практику школы. Раздражали они наступлением и на права республик. В апреле 1926 г. в резолюции ЦК появился новый акцент и поставлена «новая задача»: разъяснить «различия между понятиями национальности и религии». Ибо «духовенство в своей повседневной агитации закрепляет смешение понятий национальности и религии и прилагает все усилия к отождествлению этих понятий». К совещанию наркомов просвещения 1927 г. А.В. Луначарский подготовил тезисы «О религиозной школе» с грифом «секретно». 11 января их обсуждала коллегия Наркомпроса РСФСР, которая признала, что

отношение советской власти к религиозным мусульманским школам в разных областях «довольно различно». Если в Средней Азии «допущена значительная свобода религиозных школ», то на Кавказе, утверждал нарком просвещения РСФСР, «эта школа подвергается более точной и строгой корректировке» [18, л.45–53].

На развитие системы образования также влияло тяжелейшее положение, в котором с введением нэпа оказались республиканские структуры управления. Система образования, оказавшаяся в их ведении согласно союзной и республиканским конституциям, стала наиболее важным политическим ресурсом, с помощью которого следовало совместить этнокультурный фактор с характером новой автономной государственности.

Посредством латинизации власти нацеливались умножить пространство советского опыта. При этом политические задачи реализовывались в советских букварях, написанных и арабской графикой. Тексты религиозного содержания заменяли тексты о Ленине, других лидерах партии (М.Калинине, М.Фрунзе, даже Л.Троцком, о советской власти, Октябрьской революции). Вместо священных для мусульманина слов «Во имя Аллаха милостивого и милосердного» первую страницу учебников украшал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Тексты «перетекали» в «латинизированные» буквари, рассчитанные на обучение и на пропаганду советской власти.

Оформлением букварей занялись многие известные художники, рисункам которых иногда отводилась главная роль. С их помощью легче было отразить понятными детям детали советской символики по мере их появления в политической практике: октябрятскую звезду, пионерский галстук, флаги, серп и молот, портреты Ленина (Сталина), помещая их на страницы учебника, на школьные стены. Типичный учебник первых лет советской власти включал тексты о вождях и руководителях РКП (б) и советского государства. Уже с середины 1920-х гг. художники «очеловечивали», делали более понятными и лучше запоминаемыми образы ключевых фигур советской власти. На стенах в классе обязательно висели их портреты, на доске дети старательно выводили их имена. На страницах татарских букварей 1928 г. присутствует образ «родного» вождя – дедушки Ленина («Ленин бабай»), он очень любил детей и заботился о них, «во время отдыха играл с детьми и делал для них игрушки». «Агиографические» тексты для детей о Ленине стали создаваться сразу после его смерти. Они повествовали не только о взрослом, но и о маленьком Володе – примере для подражания, который уже в пять лет научился читать и писать и хорошо учился в школе. Образ Сталина в букварях появился позже, и он совсем иной. Великий вождь не водил хороводов с детьми вокруг елки, как Ленин, и не пил с ними чай. Если Ленин – «друг» и «товарищ», то Сталин – «покровитель» и «защитник» детей, хотя особой теплоты к нему в рисунках не прослеживалось [13, с.105].

Активно работали «пригретые» А.В. Луначарским в отделе изобразительных искусств Наркомпроса РСФСР художники, увлеченные жанром иллюстрации. Их модернистские идеи и способы их воплощения вписывались идеологические задачи. В середине 1920-х гг. сложный «фронт» работы осваивал образ «нового» человека на региональном (автономном) политическом уровне рисунками авангардистов. «Старая и вредная распря между художниками и педагогами имела много... причин, из которых некоторые уже устранены. Надо ... сблизить между собою этих мнимых *противников*, а для этого ... вооружить их необходимыми знаниями» [6, с.86; 14, с.39–44]. В учебниках зрительно отражалась важная задача героизации, романтизации, обожествления машин. «В массовой работе с детьми накоплен громадный объективный материал, крупный художник ... должен вплотную подойти к проблемам “детской эстетики”», – утверждали искусствовед из Казани П.М. Дульский и глава комиссии по музейно-выставочной работе с детьми при Институте методов внешкольной работ Я.П. Мексин в общей монографии 1925 г.

Российские модернисты-графики относились к реалиям технического прогресса совсем иначе, чем их западные коллеги. В развитых в индустриальном отношении странах новации техники в учебниках воспринимались привычными рабочими инструментами, не вызывая аффектированного детского восторга. В СССР новые изобретения связывались с надеждами на кардинальное переустройство мироздания. Рационально устроенные механизмы становились предметами прославления, эстетическими идеалами социализма. Отграничивающим признаком «советскости» являлось противопоставление советского канона всему «чуждому»/«чуждому» — досоветскому (монархическому, дореволюционному) и западному (буржуазному, капиталистическому).

Своя драматургия развивалась в работе с детьми крещенных татар к совместному обучению с ними мусульмане относились отрицательно. Кряшены с приходом советской власти продолжали пользоваться кириллической азбукой татарского языка. Но уже в начале 1920-х гг. в связи с введением единой национальной образовательной системы для всех этноконфессиональных групп татарского населения встал вопрос и о графике крещенных татар. В 1923 г. на конференции кряшен Татарики принято единое решение о переходе на арабский алфавит. Появились первые буквари на арабской графике для кряшенских школ, например, букварь «Якты юл» («Светлый путь») Г.Шарафа и И.Алексеева, учитывавшие культурную специфику крещенных татар. Однако практика показала: они с трудом овладевали арабской графикой, а иногда просто не хотели ее осваивать, расценивая распространение ее как «исламизацию» и насильственное приобщение к «татарскому письму». Коммунисты-кряшены вынуждены были проводить широкую разъяснительную работу среди населения, в том числе через газету «Кинэш» («Совет») и оргконференции для беспартийных, поскольку неграмотных среди крещенных татар было боль-

ше, чем среди татар–мусульман. Оставались татарские буквари на кириллице [20, с.102–120]. Очередная «графическая» революция 1939 г., связанная с отказом от латиницы, заставила вспомнить об алфавите Н.И. Ильминского и о возможности приспособить к татарскому языку «русское письмо». Проходившие в тот период в Татарии дискуссии поначалу касались не возможности применения кириллицы в принципе, а лишь введения в татарский алфавит дополнительных букв. Опубликованный в 1938 г. проект татарского алфавита на основе кириллицы, подготовленный М.А. Фазлуллиным, включал в себя только буквы русского алфавита [20, с.102–120].

1920-е гг. были сложным и трагическим периодом, что отражалось на содержании учебников этого времени и качестве литературного языка. Но были достигнуты и несомненные успехи в издании школьных учебников и учебных пособий на татарском языке. С 1927 г. начали создавать учебную литературу для татарских школ, к разработке которой были привлечены опытные педагоги, хотя целый ряд татарских писателей и поэтов, пользовавшихся широкой популярностью до октября 1917 г., как Г.Исхаки, Р.Фахретдин, поэты З.Рамиев (Дердмэнд), Н.Думаи, С.Рамиев, С.Сунчалей перестали писать. Большой потерей для татарской советской литературы была эмиграция Г.Исхаки. Остались за границей Ф.Туктаров, Г.Терегулов, Р.Ибрагимов, поэтесса Сания Гиффат. В самой ТАССР задача усложнялась переводом в 1928–1932 гг. татарской письменности на латиницу, затем на кириллицу. Работа по переводу новых программ с русского языка на татарский и дополнению их краеведческим материалом была возложена на Академический центр Татнаркомпроса. Хотя трудно оценить информированность А.В. Луначарского, в 1930 г. утверждавшего, что «никаких больших книгохранилищ ... не было, да и, попросту сказать, та литература, которая имеется на арабском языке, при всей своей исторической ценности, большой ценности практической не представляет» [12, с.20], важно понимать: советская модель 1920-х гг., устраняя из практического употребления имевшиеся учебники, хотя их недостаток на татарском языке ощущался и после Великой Отечественной войны, лишь транслировала с существенными идеологическими купюрами образцы учительских практик позднеимперского периода.

В итоге к концу 1920-х гг. сложившееся довольно сложное научно-интеллектуальное «сообщество» начинало обновлять просвещенческие ресурсы с помощью новой графики, создавать новые языки описания этнокультурного богатства новой автономии. Состав осмысляющих проблему этнокультурного дискурса увеличился и стал разнообразнее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аминов Т.М.* История профессионального образования в Башкирии. Начало XVII века – до 1917 года. М.: Наука, 2006. 301 с.

2. *Батыркаев Т.* Кораническая экзегетика мусульман Поволжья и Приуралья (конец XVIII – начало XX вв.) // Письменные памятники Востока. 2008. №2 (9). С.104–130.
3. *Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание. Казань: Татгосиздат, 1922. 22 с.
4. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.977. Оп.ИФФ. Д.1249.
5. Дагестан: кумыкский этнос. М.: «Веста», 1993. 105 с.
6. *Дульский П.М., Мексин Я.П.* Иллюстрация в детской книге. Казань: Изд. авторов, 1925. 149 с.
7. Закон и правила об открытии частн. учеб. заведений, кл. и курсов М-ва нар. просвещения, не пользующихся правами правительств. учеб. заведений: [С прил.]. М.: кн. маг. «Право» Ф.В. Бусыгина, 1915. 16 с.
8. Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань: Мастер Лайн, 2002. 452 с.
9. *Климович Л.И.* Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. 270 с.
10. *Коблов Я.Д.* Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916. 119 с.
11. *Коблов Я.Д.* Мечты татар магометан о национальной общеобразовательной школе. Казань: Тип. Имп. унив., 1908. 20 с.
12. *Луначарский А.В.* Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. 1930. Кн. 6. С.20–26.
13. *Маслинская С.Г.* Как Буденного сменил Гастелло, а Муму – Мамлакат: из истории одного сборника изложений для начальной школы 1930–1950-х гг. // Начало учения детям: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры: сб. материалов Международной научной конференции (8–12 октября 2014 года). М.: Канон плюс, 2014.
14. *Мексин Я.* Иллюстрация в советской детской книге // Книга детям. 1928. №5–6. С.39–44.
15. *Мустафина Л.Ф.* Развитие татарского просвещения в Поволжье и Приуралье в период 1917–1935 гг. // Интернет-журнал «Наукovedение». 2015. Т.7. №2: [Электронный ресурс] URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/69PVN215.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).
16. Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 4 / отв. ред. И.К. Загидуллин, Л.Ф. Байбулатова. Казань: Изд-во «ЯЗ»; Институт истории АН РТ, 2012. 208 с.
17. Постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 17 июня 2015 года №443 «Об утверждении Стратегии развития воспитания обучающихся в Республике Татарстан на 2015–2025 годы».
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.113. Д.200.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.821. Оп.130. Д.471.
20. *Сальникова А.А., Галиуллина Д.М.* Татарские буквари на кириллице: от букваря Н.И. Ильминского до советских учебников конца 1930–1950-х гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. №4 (13). С.102–120.

21. Сафиуллина Р. Книгопечатание на арабском языке у татар // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. №1–2. С.191–201.

22. Сафиуллина Р.Р. Арабская лингвистическая традиция и ее отражение в истории татарского языкознания // Культурные традиции в Евразии. Из серии Восток-Запад: Диалог культур. Вып. 4. Казань: Изд-во Татар. гуман. ин-та, 2003. С.422–430.

23. Сафиуллина Р.Р. История изучения арабского языка у татар // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. Т.2. С.85–86.

24. Тазиева Л.К. Лексика букварей Ахметхади Максуди // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика / Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. Т.2. С.179.

25. Фахрутдинов Р.Р. Татарское общественно-политическое движение в конце XIX – начале XX вв. как фактор конструирования национальной идентичности: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2009. 46 с.

26. Хабутдинов А.Ю. Воспитание личности мусульманина в системе джадидского образования в медресе // Система мусульманского религиозного образования у татар: история, проблемы, перспективы. Сб. материалов научно-практической конференции. 13 октября 2004 г. Казань, 2005. С.22–26.

27. Ханбиков Я.И. Педагогика джадидизма // Ученые записки КГПИ. Вып.193. Казань, 1979. С.52–71.

28. Шарафутдинов З.Т., Ханбиков Я.И. История педагогики Татарстана. Казань: КГПУ, 1998. 306 с.

29. Ялалов Ф.Г. Гимназическое образование народов России. Казань: Магариф, 2002. 244 с.

Информация об авторе:

Красовицкая Тамара Юсуфовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация); e-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Поступила 07.07.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Resources of the turkic-tatar discourse educational space
of the Volga region. Late 19th century – 1930s

*T.Yu. Krasovitskaya
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

Since the end of the 19th century, the resource of the Turkic-Tatar discourse in the Russian educational space required an adequate perception and assessment of development prospects. There were a number of problems on the way of its specialization in the

practical sphere. Russia lagged significantly behind in the involvement of the non-Russian population in the educational practices of the state education system. The political practice of forming a common educational space for the entire population was dissonant with traditional educational institutions and their practices, although there were supporters of reforms among those. Both sides: the imperial center and the reformers of traditional schools understood modernization both as renewal on the old basis, and as a process organized and solved. The goals, seen differently by each side, determined the nature of the struggle: tough and diverse. The parties took an active position. A significant part of the population preserved the institutions and resources of their culture, claiming different degrees of political and legal self-activity.

Keywords: the resource of the Turkic-Tatar discourse, educational space, politics, the nature of the struggle, national needs, prospects for the creation of ethnic cultural products

For citation: Krasovitskaya T.Yu. Resources of the turkic-tatar discourse educational space of the Volga region. Late 19th century – 1930s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.23–40. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.23-40> (In Russian):

REFERENCES

1. Aminov T.M. Istoriya professional'nogo obrazovaniya v Bashkirii. Nachalo XVII veka – do 1917 goda [History of vocational education in Bashkiria. Beginning of the 17th century – until 1917]. Moscow: Nauka, 2006. 301 p. (In Russian)
2. Batyrkaev T. Koranicheskaya ekzegetika musul'man Povolzh'ya i Priural'ya (konets XVIII – nachalo XX vv.) [Koranic exegesis of the Muslims of the Volga and Ural regions (late 18th – early 20th centuries)]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*, 2008, №2 (9), pp.104–130. (In Russian)
3. Bogoroditskiy V.A. Vvedenie v tatarskoe yazykoznanie [Introduction to the Tatars linguistics]. Kazan: Tatgosizdat, 1922. 22 p. (In Russian)
4. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT) [State Archive of the Republic of Tatarstan]. F.977. Op.IFF. D.1249. (In Russian)
5. Dagestan: kumykskiy etnos [Dagestan: Kumyk ethnic group]. Moscow, Vesta, 1993. 105 p. (In Russian)
6. Dul'skiy P.M., Maksin Ya.P. Illyustratsiya v detskoy knige [Illustration in a children's book]. Kazan: Izd. avtorov, 1925. 149 p. (In Russian)
7. Zakon i pravila ob otkrytii chastn. ucheb. zavedeniy, kl. i kursov M-va nar. prosveshcheniya, ne pol'zuyushchikhsya pravami pravitel'stv. ucheb. zavedeniy: [S pril.] [Law and regulations on the opening of private educational institutions, classes and courses of the Ministry of Public Education that do not enjoy the rights of government educational institutions]. Moscow: kn. mag. «Pravo» F.V. Busygina, 1915. 16 p. (In Russian)
8. Islam i musul'manskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost'. Ocherki [Islam and Muslim culture in the Middle Volga Region: history and modernity. Essays]. Kazan: Master Layn, 2002. 452 p. (In Russian)

9. Klimovich L.I. *Kniga o Korane, ego proiskhozhdenii i mifologii* [The book about the Quran, its origin and mythology]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1990. 270 p. (In Russian)

10. Koblov Ya.D. *Konfessional'nye shkoly kazanskikh tatar* [Confessional schools of Kazan Tatars]. Kazan, 1916. 119 p. (In Russian)

11. Koblov Ya.D. *Mechty tatar magometan o natsional'noy obshcheobrazovatel'noy shkole* [Dreams of Mohammedan Tatars about the national comprehensive school]. Kazan: Tip. Imp. univ., 1908. 20 p. (In Russian)

12. Lunacharskiy A.V. *Latinizatsiya russkoy pis'mennosti* [Latinization of Russian writing]. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*, 1930, kn. 6, pp.20–26. (In Russian)

13. Maslinskaya S.G. *Kak Budennogo smenil Gastello, a Mumu – Mamlakat: iz istorii odnogo sbornika izlozheniy dlya nachal'noy shkoly 1930–1950-kh gg.* [How Budyonny was replaced by Gastello, and Mumu – Mamlakat: from the history of one collection of essays for elementary school in the 1930s–1950s.]. *Nachalo ucheniya detyam: rol' knigi dlya nachal'nogo obucheniya v istorii obrazovaniya i kul'tury: sb. materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (8–12 oktyabrya 2014 goda)*. Moscow: Kanon plyus, 2014. (In Russian)

14. Meksin Ya. *Illyustratsiya v sovetskoj detskoj knige* [Illustration in a Soviet children's book]. *Kniga detyam*, 1928, №5–6, pp.39–44. (In Russian)

15. Mustafina L.F. *Razvitie tatarskogo prosveshcheniya v Povolzh'e i Priural'e v period 1917–1935 gg.* [The development of Tatar education in the Volga and Ural regions in the period 1917–1935]. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»*, 2015, t.7, №2: [Electronic resource] URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/69PVN215.pdf> (accessed: 01.02.2023). (In Russian)

16. *Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoy Kazani. Sb. statey. Vyp. 4* [Education and enlightenment in the provincial Kazan. Digest of articles. Issue. 4]. Ed. by I.K. Zagidullin, L.F. Baybulatova. Kazan: Izd-vo «YaZ»; Institut istorii AN RT, 2012. 208 p. (In Russian)

17. *Postanovlenie Kabineta ministrov Respubliki Tatarstan ot 17 iyunya 2015 goda №443 «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya obuchayushchikhsya v Respublike Tatarstan na 2015–2025 gody»* [Decree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated June 17, 2015 No. 443 "On approval of the Strategy for the development of education of students in the Republic of Tatarstan for 2015–2025"]. (In Russian)

18. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History]. F.17. Op.113. D.200. (In Russian)

19. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. F.821. Op.130. D.471. (In Russian)

20. Sal'nikova A.A., Galiullina D.M. *Tatarskie bukvari na kirillitse: ot bukvarya N.I. Il'minskogo do sovetskikh uchebnikov kontsa 1930–1950-kh gg.* [Tatar primers in Cyrillic: from the primer N.I. Ilminsky to Soviet textbooks of the late 1930s–1950s]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2013, №4 (13), pp.102–120. (In Russian)

21. Safiullina R. *Knigopechatanie na arabskom yazyke u tatar* [Typography in Arabic among the Tatars]. *Ekho vekov*, 2001, №1–2, pp.191–201. (In Russian)

22. Safiullina R.R. *Arabskaya lingvisticheskaya traditsiya i ee otrazhenie v istorii tatarskogo yazykoznaneya* [Arabic linguistic tradition and its reflection in the history of Tatar linguistics]. *Kul'turnye traditsii v Evrazii. Iz serii Vostok-Zapad: Dialog kul'tur*. Vyp. 4. Kazan: Izd-vo Tatar. guman. in-ta, 2003, pp.422–430. (In Russian)

23. Safiullina R.R. Istoriya izucheniya arabskogo yazyka u tatar [The history of learning Arabic among the Tatars]. *Boduenovskie chteniya: Boduen de Kurtene i sovremennaya lingvistika: Mezhdunar. nauch. konf. (Kazan', 11–13 dek. 2001 g.): Trudy i materialy: V 2 t.* Ed. by K.R. Galiullin, G.A. Nikolaev. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2001. Vol.2, pp.85–86. (In Russian)

24. Tazieva L.K. Leksika bukvarey Akhmetkhadi Maksudi [Vocabulary of Ahmadhadi Maksudi primers]. *Boduenovskie chteniya: Boduen de Kurtene i sovremennaya lingvistika / Mezhdunar. nauch. konf. (Kazan', 11–13 dek. 2001 g.): Trudy i materialy:* in 2 vol. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2001. Vol.2, p.179. (In Russian)

25. Fakhrutdinov R.R. Tatarskoe obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v kontse XIX – nachale XX vv. kak faktor konstruirovaniya natsional'noy identichnosti: Avtoref. diss. ... dokt. ist. nauk [Tatar socio-political movement in the late 19th – early 20th centuries as a factor in the construction of national identity: Dr. Sci. (history) thesis]. SPb., 2009. 46 p. (In Russian)

26. Khabutdinov A.Yu. Vospitanie lichnosti musul'manina v sisteme dzhadidskogo obrazovaniya v medrese [Education of the personality of a Muslim in the system of Jadid education in a madrasah]. *Sistema musul'manskogo religioznogo obrazovaniya u tatar: istoriya, problemy, perspektivy. Sb. materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii. 13 oktyabrya 2004 g.* Kazan, 2005. Pp.22–26. (In Russian)

27. Khanbikov Ya.I. Pedagogika dzhadidizma [Pedagogy of Jadidism]. *Uch. zap. KGPI*, 1979, vol. 193, pp.52–71. (In Russian)

28. Sharafutdinov Z.T., Khanbikov Ya.I. Istoriya pedagogiki Tatarstana [History of pedagogy of the Tatarstan]. Kazan: KGPU, 1998. 306 p. (In Russian)

29. Yalalov F.G. Gimnazicheskoe obrazovanie narodov Rossii [Gymnasium education of the peoples of Russia]. Kazan: Magarif, 2002. 244 p. (In Russian)

About the author:

Krasovitskaya Tamara Yusufovna – Dr. Sci (history), Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); e-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Received July 7, 2022

Accepted for publication October 11, 2022

Провинциальные учителя дореформенной эпохи
(на примере города Мензелинска Оренбургской губернии)

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Федеральный исследовательский центр

«Казанский научный центр РАН»

Казань, Российская Федерация

В статье рассматривается становление школьной системы в Мензелинске и кадровый состав первого учебного заведения уездного города – Мензелинского уездного училища в первой половине XIX в. На основе архивных данных реконструируется трудовая биография учителей, приводятся данные об их происхождении, профессиональной подготовке, а также внешкольной деятельности. Автор приходит к выводу о том, что учителя играли важную социокультурную роль в жизни города.

Ключевые слова: история школьного образования, уездный город, Волго-Уральский регион, подготовка педагогических кадров, провинциальное общество

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Провинциальные учителя дореформенной эпохи (на примере города Мензелинска Оренбургской губернии) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С. 41–51. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.41-51>

Мензелинск (совр. Республика Татарстан) был основан как острог Закамской засечной черты в конце XVI в., в 1760-е гг. в нем проживало чуть больше 430 чел. [18, с.110], основное население было военно-служилым. За сто последующих лет число жителей уездного города выросло более чем в десять раз. В 1858 г. в Мензелинске проживало 4980 чел. [2, с.453]. На рубеж XVIII–XIX вв. приходится становление системы школьного обучения в этом городе.

Первое учебное заведение для детей служилых людей открылось в Мензелинске в 1743 г. Эта была типичная гарнизонная школа, подобные учебные заведения для детей военных стали открываться по стране после Указа Петра I-го от 1721 г. Планировалось, что выпускники Мензелинской школы пополнят военные ряды оренбургского и уфимского полков [3, с.186]. Однако просветительское начало не сумело пустить корни в маленьком населенном пункте, школа в Мензелинске проработала недолго. Новое учебное заведение в городе появилось только в 1789 г. Этому событию предшествовала городская реформа Екатерины II и получение «городского» статуса: в 1781 г. Мензелинск стал уездным центром Уфимского наместничества. В 1786 г. императрицей был утвержден «Устав о на-

родных училищах», согласно которому в уездных городах необходимо было открыть малые народные училища. Так началось формирование особой городской социокультурной среды, где просвещение занимало одно из центральных мест. Начальное училище, открывшееся в Мензелинске в 1789 г., долгое время оставалось единственным официальным учебным заведением во всем Мензелинском крае. В малом народном училище обучали чтению и письму, русской словесности и арифметике. Конечно, было предусмотрено и религиозное воспитание: имелся предмет закон Божий. Одной из самых замечательных особенностей Устава 1789 г. было то, что в народных училищах могли обучаться дети всех сословий, в том числе из семей крепостных. Это был очень прогрессивный шаг для XVIII столетия.

Кроме Мензелинского малого народного училища, в 1789 г. в Оренбургской губернии аналогичные двухклассные (двухгодичные) училища открылись еще в Оренбурге и Челябинске, в Уфе было учреждено четырехклассное главное народное училище, где учебная программа занимала пять лет. Выпускники малых училищ могли продолжить обучение в главном училище [21, с.23].

В данной публикации анализируется происхождение первых учителей уездного города Мензелинска, их профессиональная подготовка, социально-экономическое положение, социальное поведение и публицистическое наследие. Для проведения исследования привлечены документы Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве, а также материалы визитаторов из Казанского университета и публикации из повременных изданий XIX в.

Первый учитель Мензелинского малого народного училища Воронов Степан Петрович родился в 1768 г. и происходил из семьи священнослужителей. Учился он в Казанской духовной семинарии. Это учебное заведение было единственным, в своем роде, для всего Волго-Уральского региона и функционировало с 1733 г. Как было написано в формулярном списке С.П. Воронова, он «обучался латинской грамматике, ситаксисе, поэзии, риторике и истории с должным рачением и успехом». В этот период именно на выпускников духовных семинарий были возложены обязанности, связанные с организацией работы народных училищ. Выпускник Казанской духовной семинарии С.П. Воронов в 1788 г. был направлен в Симбирское главное народное училище «для познания предметов учения касающихся народных училищ». После своеобразной стажировки, 15 июня 1789 г. он поступил на службу в Мензелинск учителем 1-го класса, а с 1816 года начал работать штатным смотрителем (руководителем) этого учебного заведения [8, л.1–9].

В 1803 г. в Мензелинском малом народном училище было 47 учеников, работали два учителя [19, с.308]. Чуть позднее было зафиксировано еще большее количество учеников – 75 человек. Все они являлись детьми солдат и крестьян. Проверяющие отмечали, что учащиеся особенно отли-

чилились своими познаниями по учебнику «О должностях человека и гражданина». Усилия просвещенной императрицы по созданию народных училищ не были напрасными. Интересно, что среди учащихся учебного заведения встречались и нерусские дети: татары, марийцы, удмурты. Мензелинское уездное училище выполняло невольно еще и функции миссионерского учебного заведения. «Любопытно, что татары тогда (не то что теперь, когда им дают средства не ходить в русские училища) охотно учились в училище, больше узнавали, и, по словам визитатора «были особенно остры и понятливы», – писал в конце XIX в. профессор Н.Н.Булич. – Он приводил пример одного татарина, который «сам собой явившись учителю и прося его обучить себя, успел в сие время пройти букварь несколько читать». И катехизису даже учили их, но визитатор «находя сие для татар по основаниям правительства, в рассуждении исповедания вер излишним, тем более, что сим многие прочие удержаться отдавать детей своих в училище, предложил словесно учителю от сего уклоняться» [1, с.506–507].

Спустя 28 лет после открытия, в 1817 г. учебное заведение было преобразовано в Мензелинское уездное училище. Прежде всего, преобразование коснулось учебной программы, она была значительно расширена. Если в XVIII в. обучение ограничивалось русской словесностью и арифметикой, то с 1810 г. в Мензелинске начали преподавать еще и географию, историю, гражданскую архитектуру, грамматику и рисование [22, л.3]. Уездные училища должны были служить подготовительными классами для дальнейшего обучения в гимназии. Поэтому образованная часть мензелинского общества с воодушевлением встретило эти изменения, был организован даже городской праздник в честь данного знаменательного события – открытия Мензелинского уездного училища.

В 1816 г. в Мензелинске уже не первый год трудился учитель Иван Шляпников. Нельзя исключать того, что он тоже мог быть в числе прибывших из Казанской духовной семинарии первых учителей для Мензелинского малого народного училища. Шляпников был человеком разносторонне образованным, наблюдательным и думающим, обладал несомненным литературным талантом. Например, во время праздничного открытия в 1817 г. Мензелинского уездного училища торжественные речи для всех выступающих (то есть для всего местного начальства) были подготовлены учителем Шляпниковым. Этот момент подметил для себя приехавший на мероприятие высокий гость из Казанского университета. Литературный талант Шляпникова – необходимое качество для учителя народных училищ того времени. Согласно Уставу 1804 г., помимо своих основных педагогических обязанностей, они должны были заниматься научной деятельностью: составлять различные исторические, метеорологические, топографические и статистические записки о своем крае. Поэтому многие из педагогов того периода являлись авторами различных научных трудов, литературных сочинений, переводов. Результаты их деятельности публиковались в местной печати, а некоторые отправлялись в Петербургскую

академию наук [5, с.45]. Иван Шляпников был одним из таких учителей-исследователей начала XIX столетия.

В 1816 г. в газете «Казанские известия» было опубликовано его «Статистическое и топографическое описание Мензелинска». Научный труд мензелинского педагога охватывал разные стороны жизни уездного города: экономической и социокультурной. Эта публикация является наиболее объемным описанием Мензелинска начала XIX в. Впервые, после кратких сведений заезжих путешественников-историков, ограничивавшихся стандартным набором цифр и фактов о городе, Мензелинск представлен «живым»: со своими неповторимыми обывателями, радостями и проблемами. Но в данной публикации угадывается некоторая чужеродность Шляпникова в мензелинском обществе: основную массу жителей (шляхтичей) он описывает как равнодушных ко всему хлебопашцев, далеких от просвещения и науки. Учитель откровенно скучает среди необразованной толпы, в городе без «публичных увеселений», а народные гуляния его совсем не радуют. Городское пространство тоже скорее раздражало учителя, чем радовало: он отмечает «дурно построенные дома», жалуется на отсутствие «порядочной архитектуры» [24]. Судя по всему, столь нелестную критику в адрес города и его жителей Иван Шляпников позволил себе, зная, что основная масса горожан никогда не прочтает егоopus. Кроме того, он играл таким образом данную ему роль наблюдателя со стороны. Самое главное, это описание было зафиксировано в отчете университетского начальства.

По долгу службы, аналогичное описание Мензелинского края составил и учитель С.П. Воронов. Но его «Записки по части хозяйства в Мензелинском уезде» так и остались лишь в виде рукописи [4, с.241], они не стали достоянием широкой общественности как описание Ивана Шляпникова.

В конце концов, учитель И.Шляпников переехал из Мензелинска в соседний уездный город Елабугу (Вятская губерния). Возможно, не очень хвалебное им описание Мензелинска дошло все-таки до горожан. В начале 1820-х гг. он служил смотрителем и учителем Елабужского уездного училища. А в 1826 г. его не стало, осиротевшая семья учителя Шляпникова ходатайствовала перед Министерством народного просвещения о выдаче пособия после его смерти [9].

В отличие от коллеги, учитель С.П. Воронов попадал и в скандальные ситуации. Так, в 1818 г. в университетских стенах разбиралось дело об учителе Мензелинского училища Воронове, которого обвинили в мошенничестве – «обманном присвоении себе» чужого имущества. Это была волчья шуба «крытая синим сукном», принадлежавшая вятскому учителю Кошкареву. В деле уточняется, что Кошкарев поначалу обменял шубу на часы Воронова. Однако спустя некоторое время, очевидно, он спохватился и решил отменить невыгодную сделку. Так мензелинский учитель Воронов получил репутацию фигуранта «грязного дела». Виной же всему было злоупотребление некоторых учителей спиртными напитками – дружеские посиделки иногда принимали неожиданный судебный характер [4, с.240].

В 1825 г. учитель С.П. Воронов подал в отставку в чиновничьем звании титулярного советника. Ему была назначена пенсия. А на должности штатного смотрителя Мензелинского уездного училища его сменил выпускник Оренбургской духовной семинарии, окончивший курс богословских наук, Александр Дьяконов [8, л.1–9].

В 1828 г. появился новый устав уездных училищ, согласно которому, эти учебные заведения предназначались для обучения, главным образом, детей купечества, чиновников и дворян. Но для Мензелинска, большинство населения которого составляли городские крестьяне и мещане, уездное училище долгое время оставалось единственным учебным заведением. В 1835 г. оно стало трехклассным училищем [6, с.73], что опять указывает на расширение программы обучения.

Анализ архивных документов показывает, что для многих учителей был очень актуальным вопрос о назначении пособия по результатам службы. При этом некоторые из них начинали ходатайствовать об этом, не дожидаясь солидного педагогического стажа. Например, в 1838 г. начал ходатайствовать о назначении себе пенсии учитель Мензелинского уездного училища Е.Д. Круглополев. Но вопрос этот растянулся на пять лет [10, л.1].

Указ Святейшего Синода от 19 октября 1836 г., изложенный в особых «Правилах касательно первоначального обучения поселянских детей», привлек в сферу народного просвещения православное духовенство. Согласно указу они могли создавать приходские училища при церквях и монастырях. При этом приходские школы существовали и до этого, но не имели массового распространения. Указ Синода должен был усилить роль духовенства в воспитании и обучении подрастающего поколения [7, с.79]. Практически сразу после обнародования этого указа было принято решение об учреждении в Мензелинске приходского училища. Оно начало работать при Никольском кафедральном соборе с 1839 г. [20, с.21]. В том же году такие же приходские училища открылись в других городах Оренбургской губернии: в Стерлитамаке, Челябинске, Троицке, Бирске, а также в Уфе. До этого приходское училище имелось только в самом Оренбурге [21, с.25].

Мензелинское приходское училище сразу стало популярным учебным заведением. Дело, конечно, не только в том, что церковная начальная школа внушала больше доверия широким слоям населения. Сыграли свою роль и рекомендации властей по усилению сословной дифференциации в школьном деле. Поэтому число учащихся Мензелинского уездного училища, с открытием в городе приходского училища, заметно сократилось. Так, если в 1817–1818 гг. в уездном училище обучалось 75 чел., к середине века их число сократилось до 48 учеников [23, с.243].

Больше десяти лет работал учителем приходского училища Андрей Васильевич Слободин. Он был сыном мензелинского «малолетки», т.е. происходил из бывших солдат, учился в Мензелинском уездном училище. С 1835 г. сначала работал в приготовительном классе приходского училища, затем обучал чистописанию, выполнял обязанности и законоучителя.

Но из-за холерной эпидемии учитель А.В. Слободин рано ушел из жизни, умер в августе 1848 года. У него осталась вдова и 4 малолетних детей, но им было назначено лишь небольшое единовременное пособие [11, л.2].

В конце 1840-х–1850-е гг. учителями Мензелинского уездного училища работали И.С. Виноградов, П.С. Лешедко и М.С. Волков.

Сын священника, учитель арифметики и геометрии Иван Сергеевич Виноградов окончил не полный курс Санкт-Петербургского педагогического института. Некоторое время работал учителем в Елабужском уездном училище. Но в Мензелинское уездное училище он пришел, оставив совершенно иной род деятельности: служил до этого заводским исправником на горных заводах Пермской, Оренбургской губерний, затем была служба исправником в Вятской губернии, там тоже сменил несколько уездов. На прежней службе И.С. Виноградов допустил ошибки в делопроизводстве, в результате, был привлечен к судебному разбирательству. По решению суда получил строгий выговор с внесением в послужной список. Кстати, его судимость не стала препятствием к исполнению обязанностей учителя в Мензелинске.

В качестве учителя Мензелинского уездного училища И.С. Виноградов сумел проявить себя с лучшей стороны, в 1850 г. его представили к служебной награде. Однако имевшаяся в послужном списке судимость сначала рассматривалась как препятствие к награждению учителя [12, л.9–13]. Но Иван Сергеевич все же получил повышение – чин коллежского асессора, а также знак отличия беспорочной службы и орден святого Владимира 4-й степени [14, л.24]. Уже через два года, в 1852-м, отработавший 10 лет в гражданском и горном ведомствах, 60-летний И.С. Виноградов вышел в отставку с назначением пенсии. Также ему предоставили право ношения и в отставке мундира учителя [14, л.1]. Интересно, что учитель в отставке И.С. Виноградов в 1854 г. женился во второй раз, причем на своей бывшей крепостной, 30-летней вольноотпущенной крестьянке. Но брак Афанасии Николаевой и Ивана Виноградова продлился совсем недолго, он скончался через несколько лет. В 1859 г. его вдове, проживавшей к тому времени уже в Уфе, назначили пенсию [17, л.6, 10].

Учитель русского языка Павел Семенович Лешедко происходил из дворян. П.С. Лешедко учился на первом отделении философского факультета Казанского университета, но не завершил обучение, т.к. в 1842 г. поступил на службу в Оренбургское уездное училище. Но уже в феврале 1844 г. перевелся на должность учителя в Мензелинское уездное училище. После 13-летней трудовой деятельности на ниве народного просвещения, в 1855 г. П.С. Лешедко подал в отставку по состоянию здоровья. До пенсии он не дослужился, ему полагалось только единовременное пособие в размере годового оклада (200 руб. серебром) [15, л.1, 5].

В 1858 г. его примеру последовал учитель географии и истории Михаил Семенович Волков. Он происходил из крестьян и окончил Главный Педагогический институт в Санкт-Петербурге. После завершения учебы, в 1843 г.

был назначен учителем в Мензелинское уездное училище. Проработав в этом учебном заведении более 15 лет, в чине коллежского ассесора М.С. Волков решил выйти в отставку «по состоянию здоровья». Ему тоже, как и П.С. Лешедко, полагалось лишь единовременное пособие [16, л.1, 4–7].

Более 25 лет проработал в Мензелинском уездном училище учитель Полиен Павлович Юрьев. Кроме педагогической деятельности, он занимался и административной работой. П.П. Юрьев родился в 1805 г. в семье протоиерея, некоторое время учился в Казанском университете. В 1826 г. со степенью «действительный студент» поступил на службу штатным смотрителем Мензелинского уездного училища. Помимо этого, являлся законоучителем, преподавал он также в разные годы историю, географию, арифметику и географию. В 1851 г., за 25-летнюю выслугу должности штатного смотрителя, ему назначили пенсию (250 руб. серебром). При этом Полиен Павлович продолжал исполнять свои обязанности штатного смотрителя. Он проработал еще пять лет, до 1856 г. [13, л.1–17].

Накануне Великих реформ Александра II в Мензелинске было всего два учебных заведения, где дети могли получить начальное образование. Долгое время горожан и жителей Мензелинского уезда устраивало такое положение народного образования.

Некоторые мензелинские учителя и в 1850-е гг. не перестали работать над научно-публицистическими трудами. Так, в 1861 г. еще один местный учитель В. Курбатов представил замечательное описание уездного города, которое озаглавил просто: «Мензелинск» [6]. Работа была опубликована даже в «Памятной книжке Оренбургской губернии» на 1865 г., это указывает на то, что в то время подробные описания уездных центров были уже большой редкостью, а также на несомненное литературное мастерство автора. Как и предшественник-коллега, В.Курбатов оставался критиком города и его провинциального общества. Учитель обвинял горожан в лени и «нетрудолюбию», его также раздражала «неправильность» городских улиц и построек, шумная и поющая, «ликующая шляхта», сокрушался он и над непопулярностью идей просвещения среди мензелинцев. Но кроме критики городского хозяйствования и нравов, учитель дал любопытные описания народных обычаев: в частности, свадебных обрядов; остановился на местных предприятиях и их хозяевах. Таким образом, он все же выполнил свою миссию по ознакомлению с колоритной жизнью уездного Мензелинска. Но, как и И.Шляпников, учитель В.Курбатов оставался чужеродным элементом в жизни маленького города. Надо подчеркнуть, что в понимании интеллигенции того времени было четкое разделение на народ и общество. К последнему, т.е. к кругу образованных людей (дворян, чиновников и т.д.) они причисляли и себя. Целью изысканий Шляпникова и Курбатова прежде всего, было ознакомление образованного общества с народной жизнью. Поэтому, вероятно, с небольшой группой мензелинских чиновников и подобных им лиц у учителей-публицистов не было особых личностных конфликтов.

Таким образом, первые учителя Мензелинска были выходцами из семей православных священнослужителей и являлись выпускниками Казанской, Оренбургской духовных семинарий. Со второй трети XIX в. профессиональная подготовка учителей Мензелинского уездного училища была связана, как правило, с Санкт-Петербургским педагогическим институтом. Они также были сыновьями священников, но кроме них в учебном заведении начали работать и представители крестьянского, и даже дворянского сословий. Последние были бывшими студентами Казанского университета, имели неоконченное высшее образование. Выпускники Мензелинского уездного училища, происходившие из военно-служилого сословия (т.н. «малолетки»), становились учителями местной приходской школы.

Социально-экономическое положение дореформенного учительства зависело от происхождения, служебных заслуг, жалования и других выплат. Например, по выслуге лет они и их семьи могли претендовать на единовременные пособия, на пенсионное обеспечение. Изучение трудовой биографии некоторых из них указывает на преимущество других профессий в этой среде. Так, учитель И.С. Виноградов, несмотря на педагогическое образование, сначала предпочел служить исправником и лишь после обвинения в должностном преступлении начал преподавательскую карьеру. Учителя уездного училища, как люди образованные и со служебным чином, входили в городское «общество» и противопоставляли себя «народу» (крестьянско-мещанскому населению города). В обязанности учителей первой половины XIX в. входила не только педагогическая работа, но и исследовательская, поэтому некоторые мензелинские педагоги (И.Шляпников, В.Курбатов) подготовили любопытные описания уездного города. В целом, дореформенное уездное учительство стало важным фактором социокультурного развития Мензелинска.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. 1805–1819. Рассказы по архивным документам. Т.1. СПб., 1904. 639 с.
2. Городские поселения Российской империи. Т.3. СПб.: Типография К.Вульфа, 1863. 684 с.
3. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т.2, часть 2. М.: Универ. тип., 1902. 319 с.
4. Загоскин Н.П. История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т.3. Казань: Типо-литография Имп. Казанского ун-та, 1903. 594 с.
5. Казакова О.М. Проблемы развития профессиональной структуры и ментальности провинциального учительства в XIX в. (на примере Вятской губернии) // Вестник Чувашиянского университета. 2008. №4. С.41–49.
6. Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. С.56–74.

7. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 годы / сост. Ив. Преображенский. 2-е изд. СПб.: Тип. Сиб. акц. общ. печ. дела в России, 1901. 236 с.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.733. Оп.40. Д.197.

9. РГИА. Ф.733 Оп.40 Д.249.

10. РГИА. Ф.733 Оп.42 Д.156.

11. РГИА. Ф.733 Оп.45 Д.156.

12. РГИА. Ф.733. Оп.45. Д.208.

13. РГИА. Ф.733. Оп.46. Д.67.

14. РГИА. Ф.733. Оп.46. Д.124.

15. РГИА. Ф.733 Оп.47 Д.71.

16. РГИА. Ф.733 Оп.47 Д.245.

17. РГИА. Ф.733 Оп.48 Д.80.

18. *Саначин С.П.* Экспедиция Сенатской комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 287 с.

19. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. Т.4, вып. 1. СПб.: издание М-ва нар. просвещения, 1902. 432 с.

20. Справочная книжка Уфимской губернии / сост. Н.А. Гурвич. Уфа: издание Н.К. Блохина, 1883. 249 с.

21. *Фархитов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. М.: Наука, 1994. 144 с.

22. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук РТ. Ф.35. Оп.1. Д.23.

23. *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. 472 с.

24. *Шляпников И.* Статистическое и топографическое описание Мензелинска // Казанские известия. 1816. 9 сентября. №73.

Информация об авторе:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии ФИЦ «Казанский научный центр РАН» (Казань, Российская Федерация); e-mail: bahetem@mail.ru

Поступила 27.11.2022

Принята к публикации 12.12.2022

Provincial teachers of the pre-reform period
(the case of the Menzelinsk city, Orenburg province)

L.R. Gabdrafikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Federal Research Center "Kazan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences"
Kazan, Russian Federation*

The article presents the case of the county town of Menzelinsk in the first half of the 19th century: the formation of the school system and the staff of the first educational institution – the Menzelinsk county school. For this work, the author mainly used archival documents. Here there is a reconstruction of the working biography of teachers, information about their origin, professional training, and activities outside the school. Teachers were important for the socio-cultural life of the city.

Keywords: history of school education, county town, Volga-Ural region, teacher training, provincial society

For citation: Gabdrafikova L.R. Provincial teachers of the pre-reform period (the case of the Menzelinsk city, Orenburg province). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.41–51. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.41-51> (In Russian)

REFERENCES

1. Bulich N.N. Iz pervyh let Kazanskogo universiteta. 1805–1819. Rasskazy po arhivnym dokumentam [From the early years of Kazan University. 1805–1819. The Stories of Archival documents]. Vol.1. Saint Petersburg, 1904. 639 p. (In Russian)
2. Gorodskie poseleniya Rossiyskoy imperii [Urban settlements of the Russian Empire]. Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya K.Vul'fa, 1863. 684 p. (In Russian)
3. Den V.E. Naselenie Rossii po pyatoj revizii [The population of Russia according to 5 revision]. Vol.2, part 2. Moscow: University Printing House, 1902. 319 p. (In Russian)
4. Zagoskin N.P. Istoriya Imperatorskogo kazanskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya, 1804–1904 [History of the Imperial Kazan University for the first 100 years of its existence, 1804–1904]. Vol.3. Kazan: Kazan University Printing House, 1903. 594 p.(In Russian)
5. Kazakova O.M. Problemy razvitiya professional'noj struktury i mental'nosti provincial'nogo uchitel'stva v XIX v. (na primere Vyatskoj gubernii) [Problems of the development of the provincial Teachers professional structure and mentality in 19 century (on example of Vyatka Region)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2008, No.4, pp.41–49. (In Russian)
6. Kurbatov V.D. Menzelinsk. *Pamyatnaya knizhka Orenburgskoj gubernii na 1865 god* [Commemorative book of the Orenburg province for 1865]. Orenburg, 1865. Pp.56–74. (In Russian)
7. Otechestvennaya tserkov' po statisticheskim dannym s 1840–41 po 1890–91 gody [Patriotic Church according to statistical data from 1840–41 to 1890–91]. Compi-

ler Iv. Preobrazhensky. 2nd ed. SPb.: Tip. Sib. akts. obshch. pech. dela v Rossii, 1901. 236 p. (In Russian)

8. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. F.733. Op.40. D.197. (In Russian)

9. RGIA. F.733. Op.40. D.249. (In Russian)

10. RGIA. F.733. Op.42. D.156. (In Russian)

11. RGIA. F.733. Op.45. D.156. (In Russian)

12. RGIA. F.733. Op.45. D.208. (In Russian)

13. RGIA. F.733. Op.46. D.67. (In Russian)

14. RGIA. F.733. Op.46. D.124. (In Russian)

15. RGIA. F.733. Op.47. D.71. (In Russian)

16. RGIA. F.733. Op.47. D.245. (In Russian)

17. RGIA. F.733. Op.48. D.80. (In Russian)

18. Sanachin S.P. Ekspeditsiya Senatskoy komissii Aleksandra Svechina v Kazanskoe admiralteystvo 1763–1765 godov i ee posledstviya [Expedition of the Senate Commission of Alexander Svechin to the Kazan Admiralty in 1763–1765 and its consequences]. Kazan: Institut istorii im. Sh.Marjani AN RT, 2018. 287 p. (In Russian)

19. Sbornik materialov dlya istorii prosveshcheniya v Rossii, izvlechenykh iz Arkhiva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Collection of materials for the history of education in Russia, extracted from the Archives of the Ministry of Public Education]. Vol. 4, no. 1. St. Petersburg: izdanie Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1902. 432 p. (In Russian)

20. Spravochnaya knizhka Ufimskoy gubernii [Reference book of the Ufa province]. Compiler N.A. Gurvich. Ufa: izdanie N.K. Blokhina, 1883. 249 p. (In Russian)

21. Farkhshatov M.N. Narodnoe obrazovanie v Bashkirii v poreformennyi period. 60–90-e gg. XIX v. [Public education in Bashkiria in the post-reform period. 60–90s of the 19th century]. Moscow: Nauka publ., 1994. 144 p. (In Russian)

22. Tsentr pis'mennogo i muzykal'nogo naslediya Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G.Ibragimova Akademii nauk RT [Center for written and musical heritage of the G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences]. F.35. Op.1. D.23. (In Russian)

23. Cheremshanskiy V.M. Opisanie Orenburgskoy gubernii v khozyaystvennom, statisticheskom, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniyakh [Description of the Orenburg province in economic, statistical, ethnographic and industrial relations]. Ufa, 1859. 472 p. (In Russian)

24. Shlyapnikov I. Statisticheskoe i topograficheskoe opisanie Menzelinska [Statistical and topographical description of Menzelinsk]. *Kazanskie izvestiya*, September 09, 1816, No.73. (In Russian)

About the author:

Gabdrfikova Liliya Ramilevna – Dr. Sci (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal research center «Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Kazan, Russian Federation); e-mail: bahetem@mail.ru

Received November 27, 2022

Accepted for publication December 12, 2022

Исторический факультет Казанского государственного педагогического института / университета: тенденции становления, развития и взаимосвязи с вузами России

О.В. Сеницын

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

Характеризуется становление и развитие исторического факультета в Казанском государственном педагогическом институте, который был создан в 1934 году одновременно с восстановлением исторических факультетов в Московском государственном университете и Ленинградском государственном университете. Создание истфака в Казанском государственном педагогическом институте, а также восстановление исторического факультета в Казанском государственном университете, обосновываются сохранением подготовки учителей истории в Восточно-педагогическом институте в 1920-е гг., когда все исторические факультеты в стране были преобразованы в факультеты общественных наук. Прослеживаются этапы исторического образования в КГПИ-КГПУ-ТГГПУ, формирование и деятельность научно-педагогического состава исторических кафедр факультета, связи с вузами России.

Ключевые слова: исторический факультет, Казань, педагогический институт, университет, кафедра, историческое образование, учитель истории, научно-педагогические кадры, высшие учебные заведения СССР и России

Для цитирования: Сеницын О.В. Исторический факультет Казанского государственного педагогического института / университета (1934–2011): тенденции становления, развития и взаимосвязи с вузами России // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №.1. С. 52–62. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.52-62>

История исторического факультета Казанского государственного педагогического института, носившего на протяжении своего существования разные названия, неразрывно связана с историей страны XX в., процессами становления исторического и педагогического образования в Казани и в Республике Татарстан [9; 10]. Также тесно соприкасается она и с моей личной историей. Автор данной статьи обучался в 1974–1979 гг. на историческом отделении историко-филологического факультета Казанского государственного педагогического института (далее КГПИ) по специальности «учитель истории, обществоведения и английского языка». После окончания института работал учителем истории Чепчуговской средней школы Высокогорского района ТАССР, обучался в аспирантуре в КГПИ, в 1983 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук и стал преподавателем кафедры истории СССР педагоги-

ческого института, в 1991 г. был назначен деканом историко-филологического факультета КГПИ, в 1995 г. деканом восстановленного в образованном в Казанском государственном педагогическом университете исторического факультета, затем с 2006 г. деканом факультета исторического образования в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете (далее ТГГПУ) до его реорганизации и вхождения в состав Института истории созданного Казанского (Приволжского) федерального университета (далее К(П)ФУ) в 2011 г.

Что касается моей семьи, то моя мама Сеницына Клара Романовна после защиты в 1970 г. в Казанском государственном университете (далее КГУ) диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук перешла с должности заместителя директора по научной работе Государственного музея ТАССР в КГПИ на кафедру истории СССР и проработала здесь до своей кончины в 1997 г. Моя жена Рисположенская Ольга Викторовна в 1986 г. закончила с отличием историческое отделение историко-филологического факультета КГПИ и с 1987 г. по настоящее время работает по полученной специальности «история, обществоведение и английский язык» в Лицее №5 г. Казани, выполняя все эти годы и обязанности заместителя директора по учебной работе. Сын Сеницын Владимир Олегович, закончив факультет международных отношений КГУ в 2008–2010 гг., работал в международном отделе ТГГПУ, а в 2012 г. защитил в Институте истории К(П)ФУ диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по всеобщей истории.

У каждого вуза, факультета, кафедры свое лицо. Это люди, связавшие с ним свои судьбы, его руководители, преподаватели, выпускники, студенты, их дела и свершения. Именно они – поколение за поколением – творят их биографии [7; 8].

Можно условно выделить несколько этапов в становлении и развитии исторического факультета педагогического института-университета в Казани:

1. 1918–1934 гг. Казанский педагогический институт, Восточный педагогический институт;
2. 1934–1994 гг. Казанский государственный педагогический институт;
3. 1994–2005 гг. Казанский государственный педагогический университет;
4. 2005–2011 гг. Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Становление исторического образования в Казани имеет глубокие корни, идущие от Казанского университета и Казанского учительского института, созданного в 1876 году [11; 12]. После преобразования в октябре 1918 г. Казанского учительского института в Казанский педагогический институт постановлением Народного комиссариата просвещения РСФСР №1303 «О преобразовании существующих учительских институтов в высшие педагогические заведения» в вузе была введена специализация

студентов по историко-социальному циклу. В августе 1919 г. Наркомпрос РСФСР принял решение о реорганизации педагогических институтов в Высшие институты народного образования (далее ВИНО). Это решение было связано с необходимостью подготовки кадров для всех звеньев народного образования – дошкольного, школьного, внешкольного. В уставе ВИНО было записано, что их целью является «... на основе социалистического строительства подготовка работников для всех отраслей народного образования» [3, с.51]. В протоколе коллегии отдела учебных заведений Наркомпроса РСФСР от 10 октября 1919 г. значилось: «закрыть в Казанском университете факультеты филологический, общественных наук, физико-математический, а также историко-филологические (бывшие женские) курсы. Использовать средства и педагогический персонал упраздняемых факультетов и учебных заведений для Казанского института народного образования» [3, с.52].

III отделение Казанского высшего института народного образования, на котором велась подготовка учителей для школы II ступени, продолжило готовить студентов по историко-социальному отделению (или секции). В январе 1920 г. был утвержден список кафедр института. Он включал и кафедру истории, на которой должны были работать два профессора и два преподавателя, а также кафедру методологии истории в составе одного профессора. Пополнение научного сообщества преподавателей ВИНО шло за счёт притока «внешнего элемента» – кадров историков дореволюционной или «старой школы» Казанского университета, и выпускников столичных вузов, принесших с собой традиции тех научных центров, в которых они были воспитывались. Большую роль в становлении и развитии исторического образования первых этапах существования педагогического института сыграли видные учёные, талантливые педагоги высшей школы В.В. Адоратский, профессора П.Г. Архангельский, С.А. Пионтковский.

1 октября 1921 г. ВИНО без изменения структуры основных учебных подразделений был вновь преобразован в Казанский педагогический институт. В 1921 г. был ликвидирован историко-филологический факультет в Казанском университете, а в августе 1922 г. был образован Восточный педагогический институт (далее ВПИ). Именно в нем в Казани продолжилась подготовка историков и обществоведов с высшим образованием. На работу в Восточный педагогический институт перешли известные учёные Н.Н. Фирсов, С.П. Сингалевич, М.Д. Бушмакин, В.Т. Дитякин.

Секцию истории в ВПИ возглавил Николай Николаевич Фирсов, известный казанский историк, до этого профессор Казанского университета, в 1920–1922 гг. ректор Восточной академии, которая с 1922 г. также вошла в состав Восточного педагогического института. Н.Н. Фирсов заложил в этом вузе основы краеведческого направления научных исследований по истории российского крестьянства.

В 1920-е годы в ВПИ работал выпускник Казанского университета профессор Газиз Салихович Губайдуллин, заложивший традиции изуче-

ния истории татарского народа и тюркской культуры. Еще один воспитанник Казанского университета Сергей Платонович Сингалевич в 1922 г. стал профессором и первым директором ВПИ, проработав в этой должности до 1929 г. С.П. Сингалевич являлся крупным специалистом по всеобщей истории, методистом по истории и обществознанию, видным организатором высшего педагогического образования, заведующим кафедрой всеобщей истории и методики обществоведения [2, с.79].

Одним из организаторов Казанского педагогического института был выпускник историко-филологического факультета Казанского университета историк Валентин Тихонович Дитякин. С 1918 г. он являлся профессором, проректором этого вуза, возглавлял здесь различные структурные подразделения, в частности кабинет истории и теории марксизма, предметную социально-экономическую комиссию [2, с.80].

Весомый вклад в становление и формирование кафедры всеобщей истории Восточного педагогического института внёс Михаил Дмитриевич Бушмакин, который с 1922 г. являлся здесь профессором словесно-исторического отделения. В 1943 г. он был назначен заведующим кафедрой всеобщей истории и руководил этой кафедрой до 1956 г. М.Д. Бушмакин был крупным специалистом по новой истории стран Запада, французской буржуазной революции конца XVIII в., долгие годы он также преподавал в КГПИ историю средних веков [13].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. на историческом факультете начали плодотворную деятельность первые выпускники Восточного педагогического института В.И. Адо, Х.Г. Гимади, Е.В. Грачев, Р.Ш. Тагиров Е.И. Чернышев. Они продолжили традицию в изучении истории местного края, в особенности крестьянского движения, заложили в вузе основы школы отечественной и всеобщей истории.

19 августа 1934 г. был издан приказ Наркомпроса РСФСР о преобразовании ВПИ в Казанский государственный педагогический и учительский институт. В составе института были образованы четыре факультета: естествознания, истории, языка и литературы, физико-математического [3, с.70]. Таким образом был создан отдельный, самостоятельный исторический факультет, а в рамках Учительского института как структурного подразделения КГПИ было еще организовано и историческое отделение с двухгодичным сроком подготовки учителей истории для неполной средней школы. Так в Казани было восстановлено высшее историческое образование. Нужно отметить, что в Казанском университете исторический факультет был вновь открыт только через 5 лет, в 1939 г.

Последующее формирование и развитие школы историков Казанского педагогического института получило продолжение в новых условиях, но с опорой на собственные традиции и использование лучших достижений отечественной исторической науки. В 1935 г. после окончания аспирантуры в Ленинграде под научным руководством академика Б.Д. Грекова начал свою деятельность в КГПИ Евгений Иванович Устюжанин, ставший

одним из основателей сообщества историков Казани послевоенного периода [4; 5]. Е.И. Устюжанин являлся участником Великой Отечественной войны, вернулся в Казань в 1947 г., защитил кандидатскую диссертацию и возглавил кафедру истории СССР, которой руководил в течение 20 лет.

В 1939 г. после окончания Ленинградского государственного педагогического института на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР КГПИ был принят Иван Михайлович Ионенко [15]. Отвоевав на фронтах Великой Отечественной войны, И.М. Ионенко вернулся в Казань, и в ноябре 1945 г. был назначен деканом исторического факультета института. Ученый проработал в этой должности до 1947 г. Дальнейшая жизнь и деятельность И.М. Ионенко была связана с Казанским университетом, где он заведовал кафедрой истории СССР, возглавлял исторический факультет, был председателем диссертационного совета по историческим специальностям. За эти годы И.М. Ионенко дал путевку в жизнь многим молодым ученым, в том числе и из Казанского педагогического института.

В 1941 г. преподавательскую и научную деятельность на историческом факультете КГПИ вели эвакуированные из Москвы в Казань академики Академии наук СССР Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, С.П. Обнорский, член-корреспондент Академии наук СССР Е.А. Косминский. Они оказали бесценную помощь творческому и научному росту историков факультета, показали блестящий пример популяризации исторических знаний среди населения Казани.

В послевоенный период продолжилось плодотворное влияние московской и петербургско-ленинградской школ историков на учёных-педагогов Казанского государственного педагогического института. В 1950 г. из Москвы на работу на кафедру всеобщей истории прибыл выпускник Московского государственного университета, кандидат исторических наук, специалист по истории древнего мира Алексей Михайлович Ременников. В течение 50 лет он трудился в КГПИ-КГПИУ, в 1967 г. стал здесь доктором исторических наук, профессором, был деканом факультета в 1960–1962 гг., а с 1962 по 1988 гг. заведовал кафедрой всеобщей истории [1]. С 1951 г. на этой же кафедре работал другой выпускник Московского университета, кандидат исторических наук Юзеф Геннадьевич Трунский – специалист по новой истории стран Запада. В 1970 г. ученый защитил докторскую диссертацию, стал профессором. Он работал в Казанском педагогическом институте до своей кончины в 1989 г.

Дальнейшее формирование коллектива научно-педагогических кадров исторического факультета и исторического отделения в составе историко-филологического факультета КГПИ связано с продолжением функционирования традиций научного сообщества историков Казанского университета, Института истории при Казанском отделении АН СССР и Казанского педагогического института. В 1940–1960-е гг. наряду с прежними опытными кадрами А.Н. Григорьевым, Е.И. Горбачевой, Н.Н. Яснитской, А.И. Черновым, на кафедре истории СССР начали свою деятельность мо-

лодые преподаватели, являвшиеся выпускниками КГУ. В 1945 г. в КГПИ начал работать Николай Петрович Муньков. Здесь он прошел более чем полувековой путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой, декана, проректора по учебной работе. Именно с его именем связано продолжение и развитие сложившихся научных направлений кафедры, которую он возглавлял с 1967 до 1985 гг. [14].

В 1953 г. на кафедру истории СССР пришла выпускница КГУ Ирек Мухамедовна Абдрашитова, в 1963 г. – Алтер Львович Литвин, также воспитанник Казанского университета, в 1969 г. – Владимир Васильевич Иванов, в 1970 г. – Клара Романовна Сеницына. С их деятельностью связано развитие в вузе источниковедческого и историографического направлений научных исследований, продолжение многогранного изучения истории и культуры Поволжья, прежде всего важнейших вопросов истории Татарстана, а также зарождение нового направления исторических исследований – теоретико-методологического, ориентация в работе на подготовку научно-педагогической смены из числа выпускников факультета. В.В. Иванов и А.Л. Литвин стали в 1970-е гг. докторами исторических наук и профессорами.

С 1967 г. кафедрой истории СССР на протяжении ряда лет публиковались сборники «Вопросы историографии и источниковедения», продолжался выпуск сборника «Из истории Татарии», на страницах которого печатались работы как историков КГПИ, так и учёных из университетов Казани, Москвы, Самары и других городов страны. Кафедра всеобщей истории с 1967 г. стала выпускать сборник научных статей «Проблемы всеобщей истории».

Постепенно формирование научно-педагогических кадров исторического факультета педагогического вуза Казани стало опираться на профессионально подготовленных собственных выпускников. Уже говорилось о первом поколении учащихся Восточно-педагогического института конца 1920 – начала 1930-х гг. Второе поколение пришло в 1950-е гг. В это время на должность ассистента кафедры истории СССР была принята выпускница исторического факультета КГПИ Резеда Маликовна Бикметова, проработавшая в вузе 40 лет, ставшая ведущим преподавателем по истории феодализма и методистом кафедры, а в 1954 г. на должность ассистента кафедры всеобщей истории поступил выпускник факультета Ильгиз Ханович Кадыров, который стал ведущим преподавателем по новейшей истории стран Азии и Африки. Двадцать лет, с 1988 по 2008 гг., И.Х. Кадыров возглавлял кафедру всеобщей истории [3].

В 1970–80-е гг. состав кафедр исторического профиля пополнило второе поколение выпускников Казанского педагогического института. В 1970-е гг. начали плодотворную деятельность Гульшат Мударисовна Мустафина, Рашит Шамильевич Нигматуллин, в 1980-е гг. – Олег Владимирович Сеницын, Владимир Вениаминович Тыринов, Елена Михайловна Шувалова. Именно они стали достойной сменой, а также ведущими препода-

вателями и организаторами научно-образовательной деятельности факультета, его деканами, заместителями деканов, заведующими кафедрами исторического факультета в 1990–2000-е гг.

В 1960-е – 1980-е гг. шла подготовка научно-педагогических кадров на кафедре истории СССР в рамках аспирантуры по специальностям «отечественная история», «историография, источниковедение и методы исторического исследования». Научными руководителями этих направлений являлись Е.И. Устюжанин, Н.П. Муньков, А.Л. Литвин, В.В. Иванов. В начале 1990-х гг. продолжилась подготовка аспирантов по специальности «отечественная история». Новую научную смену готовили З.З. Мифтахов, О.В. Сеницын, Ю.Н. Иванов, Г.М. Мустафина.

Московско-ленинградская школа историков и историческая школа Казанского университета через своих представителей привнесли на исторический факультет Казанского педагогического вуза свои линии в проблематике научно-исследовательских работ. Это касается, в первую очередь, кафедры истории СССР-России. Е.И. Устюжанин, его ученики и последователи продолжали с локально-региональной коррекцией исследование аграрно-крестьянской проблематики. Н.П. Муньков и В.В. Иванов заложили новое историографическое и методологическое направление научной работы кафедры, которое успешно развивается их учениками и продолжателями до настоящего времени на кафедре исторического и обществоведческого образования Казанского федерального университета.

В сентябре 1998 г. на базе кафедры отечественной истории были созданы два новых подразделения: кафедра истории России во главе с Гульшат Мударисовной Мустафиной и кафедра истории Татарстана, которую возглавил Зуфар Зайниевич Мифтахов, до этого руководивший кафедрой отечественной истории. Эти кафедры стали правопреемниками кафедр истории СССР и отечественной истории, продолжателями их плодотворных традиций в научной, методической, учебно-воспитательной работе на историческом факультете КГПИ-КГПУ-ТГГПУ [6].

Третье поколение выпускников уже Казанского государственного педагогического университета пришло на исторические кафедры в начале 2000-х гг. В это время на кафедре истории России начали работу Алексей Михайлович Столяров и Альберт Наилевич Валиахметов, на кафедре всеобщей истории – Людмила Михайловна Шмелева. Все они работали заместителями декана исторического факультета и стали одними из ведущих преподавателей факультета по основным фундаментальным историческим дисциплинам, в том числе истории древнего мира и средних веков, истории России с древнейших времен до конца XVIII в., истории России XX в.

Исторический факультет КГПИ-КГПУ-ТГГПУ неоднократно менял свое местоположение. При создании в 1934 г. он размещался в здании №2 по адресу улица К.Маркса, 74, а с 1959 г. уже в составе историко-филологического факультета в построенном здании №3 на улице Лево-Булачной, 44. Далее с 1964 г. факультет помещался в здании бывшего Ми-

нистерства местной промышленности по адресу улица Лево-Булачная, 34, а с 1975 г. в переданном здании бывшей средней школы №39 по адресу улица М.Джалиля, 5. С 1994 г. после воссоздания самостоятельного исторического факультета он опять разместился в здании на К.Маркса, 74, а при образовании ТГГПУ в 2005 г. переехал на Проспект Г.Ибрагимова, 85а, наконец, в 2010 г. он вновь разместился по адресу улица К.Маркса, 74, вплоть до вхождения в состав Института истории Казанского федерального университета в 2011 г. В настоящее время педагогическое отделение по подготовке историков и обществоведов Института международных отношений К(П)ФУ размещается в здании по улице Лево-Булачной, 44.

За 77 лет своей научно-образовательной деятельности исторический факультет Казанского государственного педагогического института-университета внёс свой весомый вклад в развитие гуманитарного образования вообще и исторического образования, в особенности, как в Республике Татарстан, так и в Российской Федерации. За эти годы было подготовлено более 3,5 тысяч учителей истории. Выпускники факультета стали крупными учеными-педагогами, руководителями всех уровней образования страны, воспитателями подлинных граждан нашей Родины. За эти годы на факультете сложилось свое научное сообщество историков, впитавшее в себя лучшие качества московской, петербургско-ленинградской и казанской школ историков, и связавшее свои собственные научные исследования по отечественной истории с запросами общества на создание учебников и учебных пособий для средней школы по истории Татарстана и татарского народа. Эти славные традиции успешно и плодотворно продолжают профессорско-преподавательским составом кафедры исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории РАН), кафедрой археологии и всеобщей истории, кафедрой истории Татарстана Института международных отношений, Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Казанского (Приволжского) федерального университета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. К 100-летию со дня рождения профессора А.М. Ременникова / Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинцев, Г.М. Мустафина, О.В. Сеницын // Вестник древней истории. 2018. Т.78. Вып.4. С.1076–1078.

2. *Кадыров И.Х.* Проблемы всеобщей истории в трудах ученых ТГГПУ // Вестник ТГГПУ. Казань, 2006. №6. С.79–90.

3. Казанский государственный педагогический институт / отв. ред. М.З. Закиев. Казань, 1974. 198 с.

4. *Крашенинникова Т.П., Сеницын О.В.* Евгений Иванович Устюжанин (1902–1968). Очерки жизни и деятельности / под ред. А.Л. Литвина. Казань: Астория, 2012. 96 с.

5. *Крашенинникова Т.П., Сеницын О.В.* Путь историка (Е.И. Устюжанин) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2013. №3–4. С.130–145.

6. *Мифтахов З.З., Сеницын О.В.* Научные направления и научные исследования кафедры истории России и кафедры истории Татарстана // Вестник ТГГПУ. Казань, 2006. №6. С.71–78.

7. *Нигматуллин Р.Ш., Мустафина Г.М., Тыринов В.В.* Вехи истории исторического факультета ТГГПУ // Музейный вестник ТГГПУ, вып. 5. Казань, 2008. С.130–145.

8. *Нигматуллин Р.Ш.* К вопросу о становлении исторического факультета КГПИ (1918–1945) // Историческое образование в вузах Казани: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Казань, 2006. С.195–202.

9. *Сеницын О.В.* Исторический факультет Казанского государственного педагогического университета: Казанскому государственному педагогическому университету – 120 лет // Магариф. 1996. №10. С.8.

10. *Сеницын О.В.* Сообщество историков ТГГПУ (к 90-летию исторического факультета) // Музейный вестник ТГГПУ, вып. 6. Казань, 2009. С.22–28.

11. *Сеницын О.В.* Казанскому педагогическому университету – 120 лет: вехи истории // Историческая наука в Татарстане: Исследовательские и педагогические традиции. Казань: Мастер Лайн, 1996. С.3–7.

12. *Сеницын О.В.* Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет в созвездии вузов Казани (к 130-летию со дня основания) // Вестник ТГГПУ. Казань, 2006. №5. С.10–15.

13. *Тыринов В.В.* М.Д. Бушмакин – педагог и ученый // Проблемы всеобщей истории. 2005. №5. С.133–172.

14. Учитель учителей: сборник воспоминаний, документов и литературы памяти Николая Петровича Мунькова / сост. и автор предисловия Г.М. Мустафина, под ред. Г.М. Мустафиной, Р.Ш. Нигматуллина, О.В. Сеницына. Казань: ООО ПК Астория», 2016. 140 с.

15. *Федорова Н.А., Телишев В.Ф.* Иван Михайлович Ионенко. 1913–1989. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 36 с.

Информация об авторе:

Сеницын Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории РАН) Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); e-mail: olvsin@yandex.ru

Поступила 12.08.2022

Принята к публикации 11.10.2022

History faculty of the Kazan State Pedagogical Institute / University:
the trends of formation, development and interrelation
with Russian institutes of higher education

O.V. Sinitsyn

*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation*

The formation and development of the history department at the Kazan State Pedagogical Institute, which was established in 1934 simultaneously with the restoration of the history departments at Moscow State University and Leningrad State University, is characterized. The creation of a history department at KSPI (since 1994 – Kazan State Pedagogical University, since 2005 – Tatar State Humanitarian and Pedagogical University), a previously restored history department at Kazan State University, is justified by the preservation of the training of history teachers at the Eastern Pedagogical Institute in the 1920s, when all the history faculties in the country were transformed into backgrounds. The stages of historical education in KSPI-KSPU-TGGPU, the formation and activities of the scientific and pedagogical staff of the historical departments of the faculty and their ties with the higher education institutes of Russia are traced.

Keywords: history faculty, Kazan, pedagogical institute, university, department, history education, history teacher, scientific and pedagogical staff, higher educational institutions of the USSR and Russia

For citation: Sinitsyn O.V. History faculty of the Kazan state pedagogical institute / university: the trends of formation, development and interrelation with the Russian institutes of higher education. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.52–62. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.52-62> (In Russian)

REFERENCES

1. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.M. Remennikova / E.V. Rung, E.A. Chiglintsev, G.M. Mustafina, O.V. Sinitsyn [The 100th anniversary of professor A.M. Remennikov]. *Vestnik drevney istorii*, 2018, vol.78, iss. 4, pp.1076–1078. (In Russian)
2. Kadyrov I.Kh. Problemy vseobshchey istorii v trudakh uchenykh TGGPU [Problems of Universal history in proceedings of TSHPU scientists]. *Vestnik TGGPU*, 2006, №6, pp.79–90. (In Russian)
3. Kazanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut [Kazan State Pedagogical Institute]. Ed. by M.Z. Zakiev. Kazan, 1974. 198 p. (In Russian)
4. Krasheninnikova T.P., Sinitsyn O.V. Evgeniy Ivanovich Ustyuzhanin (1902–1968). Ocherki zhizni i deyatel'nosti [Evgeny Ivanovich Ustyuzhanin (1902–1968). Essays on life and work]. Ed. by A.L. Litvin. Kazan: Astoriya, 2012. 96 p. (In Russian)
5. Krasheninnikova T.P., Sinitsyn O.V. Put' istorika (E.I. Ustyuzhanin) [The path of the historian (E.I. Ustyuzhanin)]. *Ekho vekov*, 2013, №3–4, pp.130–145. (In Russian)
6. Miftakhov Z.Z., Sinitsyn O.V. Nauchnye napravleniya i nauchnye issledovaniya kafedry istorii Rossii i kafedry istorii Tatarstana [Scientific directions and

scientific research of the Department of the History of Russia and the Department of the History of Tatarstan]. *Vestnik TGGPU*. Kazan, 2006, №6, pp.71–78.

7. Nigmatullin R.Sh., Mustafina G.M., Tyrinov V.V. Vekhi istorii istoricheskogo fakul'teta TGGPU [Landmarks in the history of the History faculty of the TSHPU]. *Muzeynyy vestnik TGGPU*, 2008, vyp. 5, pp.130–145. (In Russian)

8. Nigmatullin R.Sh. K voprosu o stanovlenii istoricheskogo fakul'teta KGPI (1918–1945) [On the issue of the formation of the History faculty of the KSPI (1918–1945)]. *Istoricheskoe obrazovanie v vuzakh Kazani: Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kazan, 2006. Pp.195–202. (In Russian)

9. Sinitsyn O.V. Istoricheskiy fakul'tet Kazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: Kazanskomu gosudarstvennomu pedagogicheskomu universitetu – 120 let [History faculty of the Kazan State Pedagogical University: Kazan State Pedagogical University is 120 years old]. *Magarif*, 1996, №10, pp.8. (In Russian)

10. Sinitsyn O.V. Soobshchestvo istorikov TGGPU (k 90-letiyu istoricheskogo fakul'teta) [Community of historians of TSHPU (to the 90th anniversary of the History faculty)]. *Muzeynyy vestnik TGGPU*, 2009, vyp. 6, pp.22–28. (In Russian)

11. Sinitsyn O.V. Kazanskomu pedagogicheskomu universitetu – 120 let: vekhi istorii [Kazan Pedagogical University is 120 years old: landmarks in history]. *Istoricheskaya nauka v Tatarstane: Issledovatel'skie i pedagogicheskie traditsii*. Kazan: Master Layn, 1996. Pp.3–7. (In Russian)

12. Sinitsyn O.V. Tatarskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet v sozvezdii vuzov Kazani (k 130-letiyu so dnya osnovaniya) [Tatar State Humanitarian Pedagogical University in the community of higher education institutes of Kazan (to the 130th anniversary of its foundation)]. *Vestnik TGGPU*, 2006, №5, pp.10–15. (In Russian)

13. Tyrinov V.V. M.D. Bushmakin – pedagog i uchenyy [M.D. Bushmakin – teacher and scientist]. *Problemy vseobshchey istorii*, 2005, №5, pp.133–172. (In Russian)

14. Uchitel' uchiteley: sbornik vospominaniy, dokumentov i literatury pamyati Nikolaya Petrovicha Mun'kova [Teacher of teachers: a collection of memoirs, documents and literature in memory of Nikolai Petrovich Munkov]. Compiler and author of the preface G.M. Mustafina, ed. by G.M. Mustafina, R.Sh. Nigmatullin, O.V. Sinitsyn. Kazan: OOO PK Astoriya», 2016. 140 p. (In Russian)

15. Fedorova N.A., Telishev V.F. Ivan Mikhaylovich Ionenko. 1913–1989. Kazan: Izd-vo Kazansk. un-ta, 2002. 36 p. (In Russian)

About the author:

Sinitsyn Oleg Vladimirovich – Dr. Sci (history), Professor of the Department of Historical and Social Science Education (on the basis of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences), Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation); e-mail: olvsin@yandex.ru

Received August 12, 2022 Accepted for publication October 11, 2022

Восточный педагогический институт в структуре
высшего образования Казани в 1920-е гг.

Л.А. Бушуева

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье исследованы основные особенности организации высшего педагогического образования в Казани в первое десятилетие советской власти. Автор рассматривает положение Восточного педагогического института в структуре высшего образования города, особенности формирования кадрового состава, взаимоотношения коллектива вуза с органами власти различных уровней, структурные изменения, происходившие в институте в рассматриваемый период.

Ключевые слова: высшее педагогическое образование, Восточный педагогический институт, Казань, Народный комиссариат просвещения РСФСР

Для цитирования: Бушуева Л.А. Восточный педагогический институт в структуре высшего образования Казани в 1920-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С. 63–78. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.63-78>

В первые послереволюционные годы в Советской России стала складываться система педагогического образования, включавшая в себя обширную группу учебных заведений, состоящую из педагогических институтов, педагогических факультетов в университетах и педагогических техникумов. В дореволюционный период учителей для городских гимназий Казанской губернии готовил Казанский университет на историко-филологическом и физико-математическом факультетах, а преподавателей народных училищ – Казанский учительский институт, являвшийся средним учебным заведением. В 1918 г. после того, как состоялся Первый Всероссийский съезд по просвещению, согласно решению которого все средние педагогические учебные учреждения получали статус вузов, Казанский учительский институт был преобразован в педагогический институт. Таким образом, Казанский педагогический институт (далее КПИ) вошел в число высших учебных заведений города. В 1918 г. к ним также относились Казанский университет, ветеринарный институт, высшие женские курсы, а также еще три новых института, появившихся одновременно с КПИ: Казанский политехнический институт, преобразованный из соединенного промышленного, экономического и художественного техникума, Северо-восточный археологический и этнографический институт, созданный в октябре 1917 г. по образцу Московского археологического института, а также Казанские высшие художественные мастерские, отделившиеся в конце 1918 г. от политехников.

О первых годах работы Казанского педагогического института сохранилось довольно мало свидетельств. Известно, что он размещался в двухэтажном здании бывшего учительского института на углу улицы Грузинской и улицы Жуковского. Если в начале XX в. ежегодно в учительском институте училось 150 человек, то после отмены обязательных вступительных испытаний осенью 1918 г. здесь насчитывалось уже 495 воспитанников, в числе которых были студенты учительского института, выпускники епархиальных училищ и высших женских курсов. Поэтому новый вуз сразу оказался в стесненных материальных условиях и с недостаточной инфраструктурой [20, л.7].

Институт функционировал на основе устава педагогических институтов, утвержденного Государственной комиссией при Наркомпросе РСФСР [23, с.47]. Данный документ не был обнаружен исследователями [26, с.4.]. Однако из материалов ревизии КПИ, которая была проведена чиновниками отдела высших учебных заведений Народного комиссариата просвещения РСФСР в 1919 г., можно заключить, что организация управления этого вуза не вполне соответствовала уставному документу. Вместо положенного одного руководящего органа – президиума из пяти человек, во главе института находился совет, состоявший из почти всех преподавателей КПИ. В институте было еще два исполнительных органа – коллегия и правление. Наркомпрос РСФСР разрешил сохранить эту структуру управления, оставшуюся еще с дореволюционного времени, обосновывая эту необходимость трудностями переходного времени: «подобная конституция местной жизни имеет основания, т.к. институту приходится оборудоваться вновь и существует много хозяйственных дел. Подобная организация рассматривается советом института на время впредь до налаживания всей жизни института», – заключали проверяющие из Наркомпроса [20, л.11–12].

Во главе институтских органов управления находились бывшие сотрудники учительского института. Председателем совета являлся преподаватель истории Н.И. Заседателев. Остальные члены первого состава совета – С.Я. Зосимов, Н.Н. Сахчинский, В.А. Смирнов, также в дореволюционный период работали в учительском институте. Кроме них в состав этого органа вошел недавний выпускник историко-филологического факультета Казанского университета Валентин Тихонович Дитякин [23, с.47]. Несмотря на юный возраст, в первые годы советской власти он был хорошо известен в Казани как активный общественный деятель. В.Т. Дитякин также являлся одним из первых преподавателей марксистского минимума в казанских вузах. В совет КПИ входил брат В.Т. Дитякина Федор Тихонович Дитякин – выпускник Тимирязевской академии, ученик экономиста А.Я. Чайнова.

В Казанском педагогическом институте было организовано восемь образовательных циклов: 1. Биологический, 2. Химико-биологический, 3. Физико-химический, 4. Математический, 5. Географический, 6. Историко-социальный, 7. Литературно-художественный, 8. Краевой. По данным

ревизии больше всего студентов поступало на историко-социальный, литературно-художественный и математический циклы [20, л.7]. Самыми лучшими учебными подразделениями учащиеся считали математический и естественно-научные циклы.

Выявить численность преподавательского состава института в первые годы его работы довольно сложно из-за скудных свидетельств. Однако можно отметить, что он складывался из разных групп преподавательского сообщества Казани и постоянно менялся. В 1918 – начале 1919 гг. костяк коллектива КПИ составляли сотрудники бывшего учительского института: Н.А. Заседателев, Н.Н. Сахчинский, С.А. Зосимов, законоучитель В.А. Смирнов и другие. В институт активно привлекались профессора и преподаватели Казанского университета, без которых в первые годы советской власти не мог обойтись ни один казанский вуз. В КПИ читали лекции профессора Б.Ф. Адлер, Н.Н. Кравченко, некоторое время здесь преподавали Н.Ф. Катанов, Н.Н. Фирсов, В.В. Лепешкин [7, л.41, 138]. Однако они не работали в КПИ длительное время из-за множества других профессиональных обязанностей. В 1918–1919 гг. в институте удавалось преподавать сотрудникам Казанской духовной академии, которая уже в первые послереволюционные годы оказалась на грани закрытия. Так, кроме бывшего законоучителя В.А. Смирнова, курс педагогики, здесь вел протоиерей А.И. Дружинин. Нужно отметить, что именно его лекции по педагогике, вместе с занятиями по всеобщей истории и истории литературы В.Т. Дитякина, воспитанники института признавали самими лучшими [20, л.7].

Чиновники местного губернского отдела народного образования не могли рассчитывать на полную лояльность со стороны столь разнородного преподавательского коллектива. «Это не те работники, которые нужны соввласти», – констатировали руководители губотнароба в отчете заместителю Народного комиссариата просвещения РСФСР М.Н. Покровскому за 1919 г. [15, л.12]. Хотя в исследовательской литературе и указывается на участие в организации института местных чиновников [23, с.45], сохранившиеся документы из личного архива казанского комиссара высших учебных заведений А.А. Максимова свидетельствуют о взаимной неприязни первых руководителей педагогического института и ответственных работников губернского отдела народного образования. Так, председатель совета КПИ преподаватель истории Николай Иванович Заседателев в 1918 г. являлся активным участником родительских комитетов средних учебных заведений Казани, а во время захвата города войсками Комитета членов учредительного собрания был председателем союза родительских комитетов Казани – организации, выступавшей против отмены преподавания религиозных предметов в школе. Во время пребывания войск Комуча союз родительских комитетов приветствовал смещение А.А. Максимова и председателя городского отдела народного образования М.П. Жакова с руководящих должностей. А.А. Максимов, уже будучи профессором Института Красной профессуры, членом-корреспондентом РАН, хранил в

личном архиве экземпляр газеты «Камско-волжская речь», заметки которой красноречиво описывали реакцию учительской общественности Казани на данные события: «безграмотные большевистские деятели вроде Максимова или недоучки Жакова, вся заслуга которого заключалась в том, что по изгнанию из 6 класса реального училища, он некоторое время просидел в тюрьме, задумав реформировать школу на началах социализма, посягали на самое святое для всякого русского человека – религию и национальный принцип» [4, л.8]. Местные власти пытались оказывать влияние на КПИ, в особенности на его кадровый состав. Однако руководство института, пользуясь тем, что вуз находился в непосредственном подчинении у отдела педагогического образования Наркомпроса РСФСР, не допускало вмешательства казанских чиновников во внутренние дела.

Противостояние чиновников губернского отдела народного образования с преподавателями сподвигло А.А. Максимова на создание ряда проектов по объединению казанских вузов. В начале 1919 г. он предложил заместителю НКП РСФСР М.Н. Покровскому план организации в городе Единого советского университета. Данный проект был направлен на ликвидацию автономий местных вузов посредством объединения и полного разрушения их структуры. В Единый университет должны были войти Казанский университет, политехнический институт, высшие женские курсы, Северо-восточный археологический и этнографический институт. Отделения педагогического института должны были стать частью научной и учебной ассоциации будущего вуза [22]. Однако реализация этого проекта приостановилась весной 1919 г. из-за наступления на территорию Казанской губернии войск адмирала А.В. Колчака и перевода главного идеолога объединения казанских институтов А.А. Максимова в Москву. Хотя институт и сохранил свою самостоятельность, сохранившиеся отчеты свидетельствуют, что преподаватели из «бывших» – А.И. Дружинин, В.А. Смирнов, Н.И. Заседа-телев, лишились места работы уже в 1919 г.

Казанский педагогический институт вновь оказался в центре реформирования высшего образования города во второй половине 1919 г. В этом году вступил в силу проект Народного комиссариата просвещения РСФСР о преобразовании всех специальных педагогических учебных заведений в институты народного образования. Они должны были состоять из пяти отделений: подготовки дошкольных работников, подготовки работников школ первой ступени, подготовки работников для школ второй ступени, работников внешкольного образования и подготовки инструкторов трудовых процессов [3, с.42–43]. К педагогическому институту присоединялись все средние педагогические учебные заведения города, в том числе Казанская инородческая учительская семинария, Татарская учительская семинария (до 1917 г. Татарская учительская школа), а также все городские педагогические курсы. В Казани, таким образом, были ликвидированы средние педагогические учебные учреждения и появился Высший институт народного образования (далее КВИНО).

На первое и второе отделения нового института были зачислены воспитанники казанских учительских семинарий, на третье отделение по подготовке учителей школ второй ступени перевели студентов бывшего педагогического института, на отделение трудовых процессов набрали новых учащихся, на отделение внешкольного образования перевели слушателей курсов по внешкольному образованию [6, л.1]. Новый вуз получил в пользование помещения всех присоединенных училищ. В 1920 г. в его состав вошли Казанские высшие женские курсы вместе с их зданием на Арском поле.

Таким образом, из небольшого института Казанский педагогический институт превратился в один из самых крупных вузов города. Главными административными органами КВИНО являлись правление и совет, первые заседания которых прошли в октябре 1919 г. Преподавательский состав вуза значительно увеличился, составив в первые годы существования 56 профессоров и 64 преподавателя [23, с.55].

В отличие от КПИ, некоторые руководящие должности в вузе заняли представители советских органов власти. Так, председателем совета был выбран А.П. Машкин – бывший заведующий губернским отделом народного образования, М.П. Якубовская, также работавшая в этом учреждении, стала руководителем первого отделения по подготовке педагогов дошкольного образования. Остальные подразделения возглавили А.М. Вилькен – преподаватель естественных дисциплин бывшего Казанского соединенного промышленного училища, известный коллекционер, Д.А. Гольдгаммер – профессор Казанского университета, заведующий магнитно-метеорологической обсерваторией, В.Т. Дитякин [23, с.54]. Ф.Т. Дитякин стал руководителем отделения трудовых процессов. В структуру КВИНО также входила опытная показательная школа 2 ступени, которую возглавлял С.П. Сингалевич, и опытный педагогический техникум под руководством историка педагогики А.А. Красновского. Ректором института до своего отъезда из Казани в начале 1922 г. был известный этнограф, профессор Б.Ф. Адлер.

В 1920 г. Народный комиссариат просвещения РСФСР включил Казанский высший институт народного образования в состав «ударных» педагогических учебных заведений и наряду с медицинским факультетом университета подлежал милитаризации, т.е. должен был заниматься ускоренным выпуском специалистов [5, л.51]. Однако ухудшающееся в этот период экономическое положение, недостаток финансирования и многочисленные проблемы с материально-технической базой мешали развитию института. В отличие от университета и вузов, находившихся в центральной части Казани, корпуса КВИНО были разбросаны по всему городу, в том числе и на его окраинах. Так, два здания института, ранее принадлежавшие Казанской инородческой учительской семинарии, находились в Старо-Татарской слободе налевой набережной озера Кабан (современная улица Ш.Марджани), а дом, где ранее находилась Татарская учительская

школа, располагался на улице Екатерининской (сейчас улица Тукая) в Ново-Татарской слободе. Главным корпусом вуза оставалось здание бывшего учительского института на улице К.Маркса. Кроме неудобного расположения, корпуса бывших семинарий были непригодны для чтения общих курсов, так как здесь не было помещений, способных вместить более 100 человек. Для проведения занятий руководители вуза просили аудитории Казанского университета, помещения Рабочего дворца в Ягодной слободе, преподаватели читали лекции даже во дворе здания губернского отдела народного образования «под открытым небом» [7, л.90].

Отделение по подготовки инструкторов трудовых процессов администрации вуза поместила в Кизической слободе, так как в распоряжение института попали дома, ранее принадлежавшие Кизическому монастырю. Неподалеку от Кизического монастыря располагалась сельскохозяйственная ферма бывшего Казанского губернского земства. Администрация института планировала использовать ее в учебных целях [16, л.25]. Однако вскоре руководитель отделения трудовых процессов Ф.Т. Дитякин был вынужден констатировать, что не имеет возможности наладить образовательный процесс в месте, столь отдаленном от центральной части города. В результате занятия отделения были организованы в здании политехнического института на улице К.Маркса [16, л.25].

Судя по сохранившимся отчетам, не удалось наладить работу отделения по подготовке педагогов дошкольного образования. Относительно благополучно обстояли дела лишь у третьего отделения КВИНО, студенты которого были переведены в вуз из бывшего педагогического института.

Казанский высший институт народного образования просуществовал с 1919 г. до начала 1922 г. В 1921 г. Наркомпрос РСФСР отказался от идеи готовить учителей только в вузах и вернулся к созданию средних педагогических учебных заведений [3, с.45–46]. В 1921 г. было принято Положение о высших учебных заведениях РСФСР. А в 1922 г. в высшей школе Казани наступил серьезный кризис. В этот период произошла так называемая «профессорская забастовка», подробно описанная в работах, посвященных истории Казанского университета [24, с.317]. В числе ее участников были ученые, работавшие как в университете, так и в педагогическом институте. Так, профессора А.Я. Богородицкий и Б.П. Кротов входили в состав специальной комиссии, созданной в университете в период забастовки. После этих событий три казанских профессора были высланы «на философских пароходах», но и кроме них, под видом командировок или перевода на другое место работы, город покинул ряд ученых, в том числе и ректор Казанского высшего института народного образования Бруно Фридрихович Адлер.

В середине 1922 г. в структуре высшего образования Казани произошли изменения. Если в 1918–1920 гг. появление новых вузов практически не контролировалось государством, то с этого времени Народный комиссариат просвещения РСФСР занялся их организацией и регулировании

ем количества. На основе лесного факультета университета и сельскохозяйственного факультета политехнического института был образован Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства. После Второго съезда советских партийных школ, где была утверждена «общая сеть коммунистических университетов», открылся Татарский коммунистический университет. 22 августа 1922 г. на заседании президиума коллегии Главпрофобра НКП РСФСР было принято решение «организовать в Казани единую высшую педагогическую школу» – Восточный педагогический институт (далее ВПИ).

В ВПИ вошли все социо-гуманитарные подразделения города, кроме экономического факультета политехнического института. Это факультет общественных наук Казанского университета, Казанский педагогический институт, Восточная академия (ранее Северо-Восточный археологический и этнографический институт). Народный комиссариат просвещения РСФСР передал ВПИ здания бывшего Казанского учительского института на улице Карла Маркса, 47 (в 1925 г. его отдали курсам реализации татарского языка, взамен на здание Родионовского института благородных девиц), здание бывших Высших женских курсов на Арском поле и здание инородческой учительской семинарии на левом берегу Кабана. Кроме того, ВПИ получал 13 учебно-вспомогательных кабинета Казанского университета [9, л.141]. Нужно отметить, что схожие процессы объединения в педагогическом образовании проходили и в других учебных центрах страны. Так, в этом же году в Москве были закрыты Высшие педагогические курсы иностранных языков, Институт детской дефективности. Они вошли в состав педагогического факультета Второго Московского университета [18, л.116].

Восточный педагогический институт создавался для подготовки учителей для школ второй ступени и должен был работать согласно уставу высшей школы 1921 г. Преподавательский состав будущего института, формировался не по всероссийскому конкурсу, как это было ранее, а рассматривался по спискам, составленным специальной комиссией по устройству ВПИ. Члены комиссии предполагали, что в Восточный педагогический институт передут все сотрудники высшего института народного образования, Восточной академии и факультета общественных наук Казанского университета. Однако окончательный состав преподавателей должен был определить НКП РСФСР [8, л.3]. Каждого кандидата из списков комиссии рассматривала специальная полномочная тройка из местных чиновников и чиновников НКП РСФСР. В «тройку» вошли Г.Ф. Енбаев – представитель ТАССР при Наркомате по делам национальностей РСФСР, заместитель наркома земледелия ТАССР, А.Ф. Беляков – представитель отдела педагогического образования Наркомпроса РСФСР, Н.Д. Кочкарин – заведующий городским отделом народного образования Казани [17, л.15]. По «политическим мотивам» чиновники не утвердили бывшего директора Северо-восточного археологического и этнографического института профессора М.В. Бречкевича, которому изначально пред-

полагалось поручить курс всеобщей истории, «за преклонностью лет» рекомендовали исключить из состава будущего института профессоров Е.Ф. Будде и Д.А. Гольдгаммера, отстранили «как не марксиста» от чтения ряда предметов философа К.И. Сотонина [19, л.15], не был утвержден на должность профессора известный востоковед С.Е. Малов. Ученый отказался от преподавания в новом вузе спустя два месяца со дня его открытия. О причинах своего увольнения он красноречиво писал академику С.Ф. Ольденбургу: «с сентября (1922 г.) ликвидирован факультет общественных наук (т.е. бывший историко-филологический и юридический факультеты). Вместо него плюс Восточная академия плюс ВИНО возник Восточный педагогический институт (ВПИ). Служить преподавателем я не нашел для себя возможным среди профессоров, не сдавших магистерских испытаний (и среди преподавателей, не прошедших средней школы), но отнюдь не потому, чтобы я считал себя достойным действительно звания профессора. Администрация института и особенно администрация отделения востоковедения усиленно просила меня остаться, сообщив мне, что я на первом же заседании предметных комиссий вновь постановлено просить Московский НКП об утверждении меня профессором. На днях узнал еще новость, что закрываются 3 и 4 курсы восточного отделения только что открытого ВПИ за отсутствием на этих курсах студентов (1 или 2 человека). Мои же курсы, главным образом, распределялись на эти старшие группы. Таким образом, я здесь, в Казани, оказался не у дел, как говорится и обратился и теперь снова обращаюсь к вам с просьбой иметь меня ввиду при открывшейся вакансии, – подходящей для меня» [1, с.42]. Вскоре С.Е. Малов переехал в Петроград.

После реорганизации гуманитарного образования 1922 г. из Казани попытался уехать и известный историк Н.Н. Фирсов несмотря на то, что имел в вузовских кругах безусловный авторитет, являлся главой Научного общества татароведения и Общества археологии, истории и этнографии. По данным Л.Д. Зариповой в 1923 г. он получил должность управляющего архивом бывшего Государственного Совета в Петрограде и даже проработал несколько месяцев. Однако личные обстоятельства (смерть сына Николая) заставили ученого вернуться в Казань [21, с.73].

Первоначально Восточный педагогический институт состоял из четырех отделений: словесно-исторического, физико-математического, биолого-географического и восточного. Всего в 1922–23 учебном году здесь училось 629 студентов. Для сравнения, в 1923 г. на двух факультетах Казанского университета числилось 2450 воспитанников [24, с.327].

Словесно-историческое отделение института являлось самым многочисленным, здесь училось 361 студента. Большинство преподавателей, работавших в этом подразделении, ранее были связаны с Казанским университетом. Так, шесть человек служили на историко-филологическом факультете университета и имели дореволюционное профессорское звание: В.А. Богородицкий, Е.Ф. Будде, А.М. Миронов, Н.Н. Фирсов,

Д.П. Шестаков, С.П. Шестаков. Еще четыре человека ранее были университетскими младшими преподавателями или оставленными для подготовки к профессорскому званию: Г.А. Берг, В.Т. Дитякин, С.П. Сингалевич, В.Ф. Смолин. Кроме них в штат отделения вошли преподаватели бывшего Казанского педагогического института, большинство из них до революции 1917 г. работало в учительском институте и городских гимназиях (М.Д. Бушмакин, Г.Ф. Линсцер и другие) [10, л.167–168].

Самым немногочисленным по количеству студентов в ВПИ было восточное отделение. Оно насчитывало первоначально всего 34 человека, однако являлось весьма заметным в структуре института. Отделение было создано на базе Восточной академии, располагалось в здании бывшей инородческой учительской семинарии на левой набережной озера Кабан. Первым руководителем восточного отделения стал профессор Н.Н. Фирсов. На этом отделении работали бывшие младшие преподаватели Казанского университета, в том числе этнограф Н.И. Воробьев, историк Е.И. Чернышев, бывшие сотрудники Восточной академии из числа национальной интеллигенции – Г.С. Губайдуллин, Г.А. Рахим, Г.Шараф, Д.Валиди. За плечами у них было духовное образование, некоторые из них занимали влиятельные должности в таких советских учреждениях республики, как Академический центр Татнаркомпроса [9, л.16].

Активным деятелем восточного отделения являлся этнограф и публицист В.И. Анучин. Он входил в число преподавателей, не желавших мириться с педагогическом уклоном обучения студентов. Ученый и его коллеги хотели создать на базе отделения научный востоковедческий центр. Об этом свидетельствуют проекты, которые они предоставляли в Народный комиссариат просвещения о восстановлении полноценного преподавания восточных дисциплин. Как отмечал ученый: «Оставаться под фальшивую вывеской «Отделения Востоковедения», т.е. вводя в заблуждение и центр, и наших студентов, так как Востоковедения у нас не было, а создать его Правление запрещало, ...было зазорно» [2, с.72]. Как уже было отмечено, Казань к этому времени лишилась С.Е. Малова, еще в 1922 г. умер Н.Ф. Катанов. Потерю крупных востоковедов сотрудники восточного отделения пытались компенсировать приглашениями столичных преподавателей, в том числе и ректора Ленинградского института живых восточных языков А.Н. Самойловича. Он приезжал в 1924 г. в Казань и читал курс по тюркологии студентам ВПИ. Однако стремления преподавателей восточного отделения восстановить востоковедческий центр оборачивались конфликтами с учебной частью вуза, в руководстве которой были, главным образом, бывшие учителя дореволюционных средних учебных заведений. Так, против научно-исследовательской направленности отделения выступал заведующий учебной частью Герман Федорович Линсцер, бывший директор Тенишевского лицея в Петербурге, а также студенты-активисты из партийной ячейки ВПИ.

На физико-математическом и биолого-географическом (с 1926 г. естественно-агрономическом) отделениях института училось более 200 студентов. Нужно отметить, что в отчетах о деятельности ВПИ эти подразделения характеризовались как слабые в сравнении со словесно-историческим, хотя здесь работали такие крупные ученые, как А.Е. Арбузов, А.Ф. Самойлов, Н.Н. Парфентьев и другие. Однако они являлись внештатными сотрудниками ВПИ. Основным местом их работы был или университет, или институт сельского хозяйства и лесоводства. Чиновники Татаркомпроса видели в этом главный недостаток отделений. Уполномоченный по делам вуз Казани Н.-З. Векслин в материалах по обследованию ВПИ, проведенном в 1926 г., отмечал: «отделения естественно-агрономическое и физико-математическое не имеют своего органически сросшегося с вузом кадра профессоров и преподавателей по специальным дисциплинам (зоология, ботаника, геология и т.п.). Это ведет к нивелировке преподавания. Одни и те же курсы, как правило, читаются одновременно для медиков университета и естественников ВПИ, для математиков университета и ВПИ. Это ведёт и к понижению научно-исследовательской работы специальных кафедр вуза» [11, л.91].

Несмотря на то, что в отчетах о деятельности ВПИ значилось наличие 22 кабинетов и лабораторий, а также биостанция, практические и лекционные занятия для студентов физико-математического и биолого-географического отделений в большинстве случаев проходили не в Восточном педагогическом институте, а в учебных кабинетах и лабораториях университета. С 1924 г., когда здание бывшего коммерческого училища на улице Карла Маркса перешло к Казанскому институту сельского хозяйства и лесоводства, будущие педагоги стали посещать занятия и со студентами-сельскохозяйственниками, из-за чего часто возникали заминки в учебном процессе. Профессора и преподаватели жаловались на тесноту помещений, студенты были недовольны учителями, т.к. те иногда позволяли себе называть занимающихся в чужих кабинетах и лабораториях «гастролерами». Из-за недостатка финансирования в этот период естественные отделения ВПИ так и не избавились от зависимости от университета и института сельского хозяйства и лесоводства.

В течение 1920-х гг. структура Восточного педагогического института неоднократно менялась. Изменения касались, главным образом, гуманитарных отделений. В 1925 г. словесно-историческое отделение было преобразовано в общественно-экономическое и быстро стало самым популярным среди студентов. Именно оно являлось в вузе проводником революционных начинаний, «активных» методов преподавания, завязанных на практику. Преподаватели этого отделения хотя в большинстве своем и были беспартийными, читали дисциплины общественно-экономического характера в других казанских вузах, в том числе в институте сельского хозяйства и лесоводства, Татарском коммунистическом университете.

С 1925 г. восточное отделение было разделено на национальные отделения: сначала на татарское и чувашское национально-лингвистическое отделения, с 1926 г. к ним добавились вотское и марийское отделения. С одной стороны, после закрытия восточного отделения из Казани уехал ряд преподавателей, в том числе Газис Губайдуллин, историк искусств Алексей Миронов. С другой стороны, руководство педагогического института привлекло в Казань представителей чувашской, марийской научной интеллигенции. На чувашском отделении начал работать Николай Иванович Ашмарин – авторитетный исследователь чувашского языка. Сюда же перешел этнограф Николай Васильевич Никольский.

В середине 1925 г. биолого-географическое и физико-математическое отделения также были преобразованы в естественно-агрономическое и физико-техническое отделение соответственно. Однако большинство преподавателей и почти все профессора этих подразделений оставались внештатными сотрудниками Восточного педагогического института. А так как аспирантура в педагогическом институте не предусматривалась (здесь существовала только практика выдвиженчества), подготовка преподавательских кадров из собственных выпускников ощутимых результатов не давала.

В конце 1920-х гг. началась эпоха «Великого перелома», когда высшее образование перекраивалось под нужды коллективизации и индустриализации. Хотя решения июльского и ноябрьского пленумов ЦК ВКП(б) 1929 г. в первую очередь были направлены на реорганизацию высшего технического образования, ряд их положений касались и педагогических вузов. Так, на заседаниях правления Восточного педагогического института обсуждалась резолюция ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 16 ноября 1929 г. по вопросу о подготовке кадров, исходя из которой руководители ставили перед вузом такие задачи, как «устранить второгодничество, сократить сроки обучения, перейти на непрерывный год обучения, на непрерывную производственную практику, улучшить качественно и расширить количественно подготовку кадров, пополнять педагогические кадры специалистами с производства, выдвигать партийцев, придать отделениям более целевое назначение, добиться трудовой дисциплины» [14, л.43]. В отличие от отраслевых вузов, которые передавались в подчинение соответствующим наркоматам, Восточный педагогический институт остался в ведении Наркомпроса РСФСР. Также в отличие от Казанского университета, из которого впоследствии отделился медицинский факультет, или института сельского хозяйства и лесоводства, разделенного на два вуза, в педагогическом институте не планировалось кардинальное изменение структуры. Однако и ВПИ предстояло вынести ряд ревизий, приведших его к реорганизации.

В 1928 г. в связи с политикой коренизации был смещен с должности ректора первый руководитель института профессор С.П. Сингалевич. Вместо него был назначен бывший руководитель Таткожтреста, замести-

тель председателя Совета народного хозяйства ТАССР Г.Г. Кудояров. Схожие кадровые назначения были и во вновь открывающемся политехническом институте, директором которого стал З.З. Гимранов, являвшийся до этого ответственным секретарем татаро-башкирской коллегии при губкоме РКП(б) в Уфе.

В 1929 г. состоялась очередная большая проверка Восточного педагогического института, по итогам которой со второго полугодия 1929–30 учебного года ВПИ перешёл на сокращённый срок обучения – с четырёхлетнего на трехлетний. Ряд предметов администрация сняла с учебных курсов как «не отвечающие основным задачам подготовки педагогов». На национальных отделениях перестали преподавать в качестве самостоятельных дисциплин этнографию, фольклор и поэтику, историю татарского народа, чувашского народа, историю мари, современную экономику и политику Востока, колониальную политику, арабский и финский языки, историю Среднего и Ближнего Востока, историю восточных литератур [14, л.15].

Доля учебной практики в учебном процессе увеличилась до 45%. Практика была непрерывной и делилась на три вида: педагогическая, практика в мастерских института и политехническая практика на производстве. В новых планах был усилен «марксистско-ленинский цикл», включавший диалектический материализм, политическую экономию, советское хозяйство и экономическую политику, ленинизм. На эти предметы отвели около 12% общего количества всех занятий студентов, включая производственную практику, и около 20% от всех теоретических курсов. По заявлению директора института Г.Г. Кудоярова, это позволило усилить в новых учебных планах «специальные дисциплины с их большей концентрацией на установку по подготовке узкого специалиста» [14, л.15].

По итогам проверки 1929 г. было предсказуемо решено ускорить перелицовку социально-политического состава студенчества ВПИ, поспешно готовить новые кадры [13, л.90–92]. В связи с этим в институте обострились поколенческие конфликты, инициаторами которых становились, главным образом, ячейки ВКП(б) при Восточном педагогическом институте – главные организаторы институтских кампании по «самокритике». В связи с этими процессами постепенно менялся кадровый состав вуза. Так, на татарское национальное отделение пришли специалисты, тесно связанные с советскими и партийными учреждениями. В 1928 г. его заведующим стал бывший нарком просвещения Крымской АССР Н.К. Мухутдинов [12, л.34]. В 1929 г. здесь начал преподавать М.А. Фазлуллин – активный участник перевода татарского алфавита на яналиф, быстро получивший должность профессора [14, л.21]. После увольнения Г.Рахима его место занял главный редактор Татаиздата Г.А. Нигмати [14, л.21]. Ассистентом татарского национального отделения в этот период стал литератор Г.Тулумбайский, публикации которого спровоцировали арест Д.Валиди [25].

В 1929 г. начались кампании против «старой профессуры» института. Особенно громкой была идеологическая травля в периодической печати

профессора Н.Н. Фирсова, поддержанная его коллегами Е.Грачевым, С.П. Сингалевичем, В.Т. Дитякиным. Она не была непосредственно связана с его деятельностью в ВПИ. Критике, главным образом, подвергалась работа ученого в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Тем не менее, это привело к увольнению известного историка из педагогического института [21, с.80–85]. Из вуза также были вынуждены уйти его ученики и коллеги по общественно-экономическому отделению Е.И. Чернышев, Н.И. Воробьев, археолог В.Ф. Смолин.

Публикация письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» спровоцировала в казанских вузах новую волну идеологических кампаний. В Восточном педагогическом институте письмо обсуждалось сначала на вузовских собраниях, затем для проверки реализации положений письма организовывались специальные бригады из аспирантов и представителей «пролетарского студенчества». Члены бригад посещали заседания кафедр, просматривали протоколы и отчеты, изучали исследовательские работы сотрудников института на предмет «соответствия марксистско-ленинской теории», «вели беседы» с преподавателями. После этого начинался второй этап идеологической кампании – «движение за самокритику», когда ученые института публично критиковали собственную деятельность и «изобличали» свои ошибки [15, л.43]. В результате этих «проработок» преподавательскую деятельность в институте завершили известный историк педагогики В.Я. Струминский, филолог М.А. Васильев, пошатнулся авторитет С.П. Сингалевича, что привело к его увольнению из педагогического института и последующей высылке из Казани в середине 1930-х гг.

К началу 1930-х гг. в ВПИ были закрыты национальные отделения и переведены в соответствующие республики. Восточный педагогический институт был переименован в Татарский педагогический институт. Его работу пытались перестроить по образцу технических вузов, отнеся к категории индустриально-аграрных педагогических институтов. Здесь должны были готовить учителей для фабрично-заводских семилеток на двух факультетах – факультете политехнической школы и факультете профессионально-технической школы. Однако несмотря на то, что эксперименты советских властей в области высшего педагогического образования закончились лишь к концу 1930-х гг., в отличие от других отраслевых вузов Казани (института сельского хозяйства и лесоводства, политехнического института), педагогический институт сохранил целостность и занимал значимое положение в структуре высшего образования ТАССР на протяжении всего советского периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бухарин М.Д., Поникаровская М.В. Письма С.Е. Малова к С.Ф. Ольденбургу // Вестник истории, литературы, искусства. Т.12. 2017. С.435–448.

2. *Валеев Р.М., Валеева Р.З., Хайрутдинов Д.Р.* Востоковедение в Казани: Восточный факультет должен существовать при Казанском государственном университете. 1924–1925 // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2020. №3. С.65–90.

3. *Васильев К.В.* Очерки по истории высшего педагогического образования РСФСР (1918–1932 гг.). Воронеж, 1966. 294 с.

4. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.667. Оп.1. Д.26.

5. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.3.

6. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.6.

7. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.13.

8. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.29

9. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.32.

10. ГА РТ. Ф.Р. 1487. Оп.1. Д.39.

11. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.172.

12. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.195.

13. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.248.

14. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.279.

15. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.323.

16. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.6.

17. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.А–1565. Оп.3. Д.157.

18. ГА РФ. Ф.А–1565. Оп.3. Д.377.

19. ГА РФ. Ф.А–1565. Оп.6. Д.190.

20. ГА РФ. Ф.А–2306. Оп.4. Д.222.

21. *Зарипова Л.Д.* Российская история в трудах Н.Н. Фирсова: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 226 с.

22. Знамя революции. 15 января. 1919 г.

23. Казанский государственный педагогический институт. Казань, 1974. 198 с.

24. *Корбут М.К.* Казанский университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. Т.2. Казань: Изд. Казан. ун-та, 1930. 198 с.

25. *Рахимов С. Дж.* Валиди: «У меня разногласия с соввластью» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №1–2. С.150–173.

26. *Хрусталева В.А.* К истории высшего педагогического образования в РСФСР. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1963. 167 с.

Информация об авторе:

Бушуева Людмила Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: bushueva9@mail.ru

Поступила 10.10.2022

Принята к публикации 15.12.2022

Eastern Pedagogical Institute in the structure
of higher education in Kazan in the 1920s

L.A. Bushueva

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

In the paper the main features of the organization of higher pedagogical education in Kazan in the first decade of Soviet power are searched. The author examines the position of the Eastern Pedagogical Institute in the structure of higher education in the city, the features of the formation of the staff, the relationship of the university staff with authorities at various levels, structural changes that took place at the institute during the period under review.

Keywords: higher pedagogical education, Eastern Pedagogical Institute, Kazan, People's Commissariat of Education of the RSFSR

For citation: Bushueva L.A. Eastern Pedagogical Institute in the structure of Kazan higher education in the 1920s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.63–78. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.63-78> (In Russian)

REFERENCES

1. Bukharin M.D., Ponikarovskaya M.V. Pis'ma S.E. Malova k S.F. Ol'denburgu [Letters from S.E. Malov to S.F. Oldenburg]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*, 2017, t.12, s.435–448. (In Russian)
2. Valeev R.M., Valeeva R.Z., Khayrutdinov D.R. Vostokovedenie v Kazani: Vostochnyy fakul'tet dolzhen sushchestvovat' pri Kazanskom gosudarstvennom univerisitete. 1924–1925 [“Oriental Studies in Kazan: the faculty of Oriental studies should exist under Kazan State University. 1924–1925”]. *Gasyrlar avazy-Ekho vekov*, 2020, no. 3, pp.65–90. (In Russian)
3. Vasil'ev K.V. Ocherki po istorii vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v RSFSR (1918–1932 gody) [Essays on the history of higher pedagogical education in the RSFSR (1918–1932)]. Voronezh, 1966. 294 p. (In Russian)
4. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT) [State Archive of the Republic of Tatarstan]. F.667. Op.1. D.26. (In Russian)
5. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.3. (In Russian)
6. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.6. (In Russian)
7. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.13. (In Russian)
8. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.29. (In Russian)
9. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.32. (In Russian)
10. GA RT. F.R. 1487. Op.1. D.39. (In Russian)
11. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.172. (In Russian)
12. GA RT. F.R–1487. Op.1 D.195. (In Russian)
13. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.248. (In Russian)
14. GART. F.R–1487. Op.1. D.279. (In Russian)
15. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.323. (In Russian)
16. GA RT. F.R–1487. Op.11. D.6. (In Russian)

17. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation]. F.A–1565. Op.3. D.157. (In Russian)
18. GA RF. F.A–1565. Op.3. D.377. (In Russian)
19. GA RF. F.A–1565. Op.6. D.190. (In Russian)
20. GA RF. F.A–2306. Op.4. D.222. (In Russian)
21. Zaripova L.D. Rossiyskaya istoriya v trudakh N.N. Firsova: Diss. ... kand. ist. nauk [Russian history in the writings of Nikolai Firsov: cand. sci. (history) thesis]. Kazan, 2006. 226 p. (In Russian)
22. Znamya revolyutsii, 15 yanvarya, 1919 g. [Banner of the Revolution, January 15, 1919]. (In Russian)
23. Kazanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institute [Kazan State Pedagogical Institute]. Kazan, 1974. 198 p. (In Russian)
24. Korbut M.K. Kazanskiy universitet imeni V.I. Ul'yanova-Lenina za 125 let. 1804/05–1929/30 [Kazan University named after V.I. Ulyanov-Lenin for 125 years. 1804/05–1929/30]: in 2 vols. Vol. 2. Kazan: Izd. Kazan. un-ta, 1930. 382 p. (In Russian)
25. Rakhimov S. Dzh. Validi: «U menya raznoglasiya s sovvlast'yu» [J.Validi: “I have disagreements with the Soviet government”]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1996, no. 1–2, pp.150–173. (In Russian)
26. Khrustaleva V.A. K istorii vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v RSFSR [For the history of higher pedagogical education in the RSFSR]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1963. 167 p. (In Russian)

About the author:

Bushueva Liudmila Aleksandrovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Center of history and theory of national education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); e-mail: bushueva9@mail.ru

Received October 10, 2022

Accepted for publication December 15, 2022

Педагогическое образование в Казани в 1920–1930-е гг.
и деятельность С.П. и Д.П. Шестаковых

Л.М. Шмелева

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

В статье рассматривается развитие педагогического образования в 1920–1930-е годы на примере исторического образования. В этот период историческое образование было сосредоточено в Восточном педагогическом институте, где существовали две кафедры русской истории и всеобщей истории. Первоначальный учебный план был схож с таковым на историческом факультете Казанского университета, однако в дальнейшем он перерабатывался в соответствии с новыми веяниями в преподавании исторических и обществоведческих дисциплин. Издание указа «О преподавании гражданской истории в школах СССР» Совнаркома и ЦК ВКП (б) от 26 мая 1934 г. в ВПИ ознаменовало возвращение к конкретной истории в систематическом изложении и хронологической последовательности, что привело к новой перестройке исторического образования. Все эти перемены повлияли и на развитие исторической науки в стране в целом: изменилась тематика исследований, снизилась их интенсивность, многие труды так и не вышли в свет. В этом плане представляет интерес деятельность казанских профессоров С.П. и Д.П. Шестаковых. С.П. Шестаков в этот период пытался сохранить историческое образование в Казани, активно участвуя в обсуждении реформ, а также предлагая новые курсы в связи с установлением марксистской методологии. Он достаточно активно публикуется в этот период, участвует в работе Академии Наук. Д.П. Шестаков более негативно воспринял происходящие перемены и большее внимание уделял творческой деятельности (он был поэтом), хотя продолжал заниматься преподаванием.

Ключевые слова: Восточный педагогический институт, С.П. Шестаков, Д.П. Шестаков, историческое образование, педагогическое образование

Для цитирования: Шмелева Л.М. Педагогическое образование в Казани в 1920–1930-е гг. и деятельность С.П. и Д.П. Шестаковых // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С. 79–90. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.79-90>

После октября 1917 г. в Советской России началось выстраивание новой системы педагогического образования. Его реформирование, с одной стороны, предусматривало открытие новых учебных заведений, готовящих педагогов, с другой – реорганизацию уже существующих высших учебных заведений. Изменениям также подвергались и учебные планы, особенно по гуманитарным направлениям. Значимой проблемой становилось следование новой марксистской идеологии при разработке учебных курсов. Этот период также характеризовался двояким отношением к спе-

циалистам старой школы: без их привлечения невозможно было развитие системы образования и подготовка новых кадров, с другой стороны, они не были надежны в идеологическом отношении.

Первые меры по реорганизации высшей школы были предприняты Советом народных комиссаров в декабре 1918 г., когда были отменены все ученые звания, ученые степени доктора и магистра, были назначены пере выборы по всероссийскому конкурсу для профессоров. В дальнейшем начался отказ от преемственности в подготовке специалистов гуманитариев. Это осуществлялось за счет преобразования, а затем закрытия учебных заведений и отдельных специальностей.

Историческое образование в Восточном педагогическом институте

В первые годы советской власти в Казани действовали следующие высшие учебные заведения, в которых велась подготовка педагогов по гуманитарным специальностям: Казанский университет, Северо-Восточный археологический и этнографический институт (далее СВАЭИ), Восточная Академия, Восточный педагогический институт. В начале 1920-х гг. в результате проведенных правительством реформ высшей школы все историческое образование в Поволжье было сосредоточено в Восточном педагогическом институте. Здесь работали и основные кадры ученых-историков. Задачей нового вуза являлась «научно-педагогическая и методическая подготовка работников высшей категории для школьных учреждений» [18, с.60]. В институте было учреждено четыре отделения, в том числе словесно-историческое отделение и отделение востоковедения. На словесно-историческом отделении существовало две исторические кафедры. На кафедре русской истории работали Н.Н. Фирсов, Е.И. Чернышев, на кафедре всеобщей истории – С.П. Шестаков, С.П. Сингалевич, В.Т. Дитякин, Д.П. Шестаков, Г.С. Губайдуллин, М.Д. Бушмакин.

Организацией учебного процесса на словесно-историческом отделении занималась предметная комиссия, которую возглавлял первый директор Восточного педагогического института С.П. Сингалевич. Учебный план отделения был весьма схож с учебным планом бывшего историко-филологического факультета Казанского университета, что свидетельствовало о старании преподавателей сохранить традиции исторического образования в этот период.

В 1922/1923–1923/1924 учебных годах на словесно-историческом отделении читались следующие исторические курсы: история первобытной культуры, история Англии в XVII в (вел М.Д. Бушмакин), история античной культуры и античной литературы (вел С.П. Шестаков), история Римской империи и археология (преподавал В.Ф. Смолин), история средних веков и материальной культуры (вел В.Т. Дитякин), новая западно-европейская история, методика преподавания истории и практики в школе (преподавал С.П. Сингалевич), русская история и новейшая русская история, история народов Поволжья (вел профессор Н.Н. Фирсов), историю России XVII–

XVIII вв. и архивоведение преподавал Е.И. Чернышев, историю татарского народа и татарской культуры – Г.С. Губайдуллин [9, л.130].

Учебные планы первых лет существования института позволяли учащимся получать исторические знания в полном объеме. Успешному обучению также способствовало и то, что после закрытия факультета общественных наук Казанского университета его музейные коллекции и книжные фонды были переданы Восточному педагогическому институту [15, с.64].

В 1924/1925 учебном году произошли серьезные изменения на словесно-историческом отделении. Оно было переименовано в общественно-экономическое. Резко изменились и задачи отделения. Теперь оно в первую очередь было направлено на подготовку учителей обществоведения [9, л.151об. –152]. «Курсы исторического характера имеют задачей ввести слушателей в основные период истории человеческой культуры, познакомить их с главными проблемами исторической науки и наиболее типичными ошибками в их разработке. Затрагивая по возможности все наиболее крупные этапы в развитии человеческой культуры, больше внимания уделить периодам более близких к нам. Основная задача Института, как практического учебного заведения с определенными производственными задачами, дать слушателем овладение таким материалом, который и должен быть использован ими в будущей практической работе» [9, л.151об.–152]. В 1924/1925 учебном году на отделении читались следующие предметы: для студентов первого курса – общий лекционный курс «История XX в. на Западе и в России» (империализм, рабочее движение, война, Октябрьская революция, история ВКП (б)), «История культуры в связи с историей материализма», велся семинар по первобытной культуре. На втором курсе отделения общих исторических курсов не было. Велась работа по специальности «Эпоха феодализма», «Эпоха торгового капитала» и лекции по истории России в период крепостного хозяйства. В плане третьего курса значилась работа по специальности «История Западной Европы в эпоху промышленного капитала» (семинар), «Россия в период разложения крепостного хозяйства», «История рабочего движения в России» (лекции). На четвертом курсе – работа по специальности «Эпоха империализма», «История социализма в связи с рабочим движением», (лекции) и семинары по истории РКП (б) (лекции) [10, л.9–10].

В процессе подготовки будущих учителей основное внимание уделялось изучению социологических схем с почти полным отсутствием изучения конкретного прошлого. Рассматривались лишь новая и новейшая история, точнее социальная история этих периодов. Целые периоды мировой истории изучались лишь в общих чертах. Упор делался на изучение общественных дисциплин, а специализация по истории осуществлялась не прибавлением новых курсов, а переработкой старых на семинарах.

Основной формой учебного процесса считали семинар, а не лекцию, что было связано с новыми подходами к образованию. Предполагалось, что должны преобладать активные методы обучения: семинары, просеми-

нарии, практические и лабораторные работы. Роль лекций при этом должна была снизиться. Отмечалось, что необходимо «допускать только такие лекционные курсы, которые или излагают вновь разработанный материал, или дают новое оригинальное освещение вопроса, или преподносят студенту сложную исчерпывающую сводку существующих по данному вопросу мнений» [19, с.18]. Однако в условиях нехватки учебных пособий и аппаратуры лекции продолжали играть большую роль [19, с.17], так как при всех положительных качествах семинарские занятия из-за слабой теоретической подготовки студентов не давали глубоких знаний. Учебный план отделения, помимо обязательных для всего отделения курсов, включал обществоведческие, общественно-педагогические работы (теория и практика) и работу по специальности для историков.

С 1930 г. в учебном плане отделения появились общие исторические курсы «История феодализма до эпохи капитализма», «История РКП (б) и Октябрьская революция». Дополнительно для специализирующихся по истории читались «История эпохи городского строя торгового капитала», а также в расширенном объеме «История эпохи капитализма» и «История РКП (б) и Октябрьской революции».

Исключительно практический характер Восточного педагогического института отодвигал на второй план задачи научно-исследовательской работы. Хотя ВПИ не ставил своей задачей подготовку научных кадров, перед ним стояла необходимость формирования собственных научно-педагогических кадров. Институт не имел права оставить выпускников для научной и преподавательской работы у себя, поэтому здесь был организован институт ассистентов-практикантов [18, с.65]. Среди ассистентов 1920-х гг. можно назвать Е.Грачева, Ф.Медведева, Е.Д. Румянцева, Е.Гинзбург, Л.Вараксину [16, с.63]. Принимая во внимание характер преподавания истории, можно предположить, что теоретическая подготовка ассистентов была недостаточной. Это отмечали и профессора «старой» школы. Так, в отзыве о работе ассистента Евгения Грачева за 1927 г. С.П. Сингалевич указывал, что «работа, безусловно, недостаточна, как в области теоретической (изучение определенных исторических проблем), так и в области методологической» и рекомендовано «углубление знаний в основных вопросах истории России, истории русского рабочего движения и истории ВКП (б), знакомство с основными источниками по русской истории и важнейшими течениями в области русской буржуазной историографии ... марксистской историографией ... философией истории» [11, л.19].

Середина 1930-х гг. ознаменовалась важнейшими для исторического образования событиями. 26 мая 1934 г. вышел указ Совнаркома и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и чуть позже замечания Сталина, Жданова, Кирова по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории. Этот комплекс партийных и правительственных постановлений ознаменовал возвращение к конкретной истории в систематическом изложении и хронологической последова-

тельности. Началась перестройка исторического образования. В Казанском государственном педагогическом институте (преобразован из ВПИ в 1934 г.) появился исторический факультет [18, с.67].

Новые учебные планы исторического факультета 1935/1936 учебного года предполагали хронологическое изучение истории: на первом курсе студенты должны были изучать историю древнего мира, историю СССР; на втором курсе – историю средних веков, историю СССР, на третьем курсе – историю нового времени, историю СССР, на четвертом курсе – древнюю историю, средние века, историю СССР нового времени [8, л.487].

В это же время произошло возвращение к обычной практике ведения лекций и семинаров. Ведущим методом работы стали лекционные курсы. В данный период перед факультетом встала задача восстановления исторического образования в Казани и возрождение традиций казанской исторической школы.

Преподавание истории в педагогическом вузе Казани в 1920-е – 1930-е гг. подвергалось серьезной перестройке как в плане преподаваемых дисциплин, так и в отношении методов работы. В середине 1930-х гг. эксперименты в области исторического образования закончились, и преподавание вернулось в обычное русло изучения всех периодов, с вниманием не только к социально-экономической истории, но и к истории культурной.

Деятельность С.П. и Д.П. Шестаковых

Радикальные изменения в общественно-политической жизни русского общества после октября 1917 г. оказали сильное влияние на развитие отечественной исторической науки, что нашло отражение в изменившейся тематике исследований и в снижении интенсивности научной деятельности, хотя последнее выражается скорее в количестве публикаций, а не в действительно проводившихся исследованиях и планах научной деятельности ученых. Очень часто многие научные работы оставались в рукописях и так и не вышли свет. В 1920-е гг. в ТАССР почти полностью прекратилась исследовательская работа по всеобщей истории. Большинство историков или покинули Казань, или прекратили свою научную деятельность. Профессор Сергей Петрович Шестаков оставался среди тех, кто несмотря на тяжелые условия, продолжал заниматься научной деятельностью.

Еще в самом начале периода преобразований С.П. Шестаков предлагал свою программу исследований по истории Древней Греции и истории Византии [7, л.8об.]. При этом он учитывал новые веяния – марксистское направление – на семинарах по истории Византии предполагалось рассматривать положение трудящихся масс, но это делалось исключительно по источникам. Таким образом С.П. Шестаков пытался сохранить традиции исторического образования, но в то же время приспособить тематику своих курсов к официальному направлению в исторической науке.

В период работы в Восточном педагогическом институте С.П. Шестаков обратился к изучению языков народов Поволжья. С февраля 1928 г. он

стал сверхштатным преподавателем финского языка в Восточном педагогическом институте на марийском и вотском отделениях. В этот же период С.П. Шестаков выступал с докладами по данной тематике и готовит ряд работ, к сожалению, оставшихся неопубликованными [33, л.4–6].

Сергей Петрович продолжал исследования и по истории Византии и Древней Греции. Им были опубликованы следующие работы «Завещание общинного врача Фебаммона», «Заметки к стихотворениям *codicis Marciani gr. 524*», «Заметки к Гомеру (представлено акад. С.А. Жебелевым в ОГН 29 октября 1929)», «К вопросу об авторе продолжения Феофана», «К истории Греко-болгарских отношений в третьем десятилетии X в.», «Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков» [27; 28; 29; 30; 31; 32]. Работы были напечатаны в «Известиях общества археологии, истории и этнографии», в «Византийском временнике» и за границей в сборнике докладов II Международного конгресса византийских исследований. Однако часть подготовленных работ по истории Древней Греции и истории Византии остались неопубликованными.

С.П. Шестаков принимал активное участие в работе Русско-византийской комиссии, которая готовила к переизданию Словарь имен и терминов Дюканжа [6, с.121], выбирая соответствующий материал из нескольких византийских хроник [6, с.128].

В 1930-е гг. С.П. Шестаков помогал В.Н. Терновскому с переводом труда Андрея Везалия «О строении человеческого тела» [1]. Переписка по поводу издания перевода отложилась в Архиве Российской Академии наук в фонде Института истории науки и техники [2; 3; 4]. Продолжалась она с 1934 по 1937 гг. В фонде представлены в основном лишь письма В.Н. Терновского, который пробивал издание этого перевода, и лишь одно письмо С.П. Шестакова, где он вносит некоторые уточнения в перевод [4, л.3, 5, 6; 3, л.23, 24–32]. Перевод труда Андрея Везалия «О строении человеческого тела» был издан лишь в 1950–1954 гг. в 2-х томах объемом около 1000 страниц каждый в переводе В.Н. Терновского и С.П. Шестакова.

В 1930-х гг. С.П. Шестаков сотрудничал с Институтом мировой литературы им. М.Горького, который обратился к нему с просьбой об участии в написании учебника по истории греческой литературы и ряда научно-популярных брошюр [5, л.8; 10]. С.П. Шестаков стал автором глав о греческом эпосе и его развитии, о поэмах Гомера и гомеровском вопросе. В фонде Института сохранились материалы о подготовке учебника, в том числе и обсуждение присланных С.П. Шестаковым глав. Интересны высказывания присутствовавших на таких заседаниях о стиле, методологии автора, которая не соответствовала существующим идеологическим установкам. Весьма показательно и решение секции античной литературы, которая была ответственна за издание учебника, о переработке в связи с этим присланных С.П. Шестаковым текстов [17]. Учебник был подготовлен к изданию в 1940 г. Напечатан же только в 1946 г.

В ВПИ Д.П. Шестаков вошел в состав кафедры всеобщей истории вместе с братом. В ВПИ Дмитрий Петрович читал лекции по античной и западноевропейской литературе, заведовал кабинетом античной культуры (бывшая библиотека классической филологии). В начале 1920-х гг. читал курсы лекций по истории Рима и новой истории [9, л.3, 4об.; 12, л.6; 13, л.5], а также на словесном отделении курс западноевропейской литературы.

Дмитрий Петрович воспринял происходившие в стране перемены очень трагично. Он сжег часть своих бумаг. «На вопрос, зачем он это делает, Дмитрий Петрович ответил, что теперь все это потеряло значение, никому не интересно и не нужно», – вспоминает его сын [26, л.155]. В 1920-е гг. ученый опубликовал лишь две статьи: одну о методике преподавания иностранных языков, а вторая была посвящена развитию археологической науки в России [24; 25].

В 1925 г. Д.П. Шестаков переехал на Дальний Восток к сыну. В это период он стал научным сотрудником Дальневосточного университета. Там он работал в качестве ученого секретаря издательства университета и референта по иностранной литературе в университетской библиотеке. Дмитрий Петрович в это время написал ряд работ по методике преподавания иностранных языков. В 1926 г. ему была назначена профессорская академическая пенсия, что позволило больше времени посвящать поэтическому творчеству. В период жизни во Владивостоке им было написано около 250 стихотворений, которые признаются лучшими в его поэтическом наследии [14, с.142; 20, с.94; 23, с.585]. Свидетельства этому мы находим и в письмах его дочери Анны Дмитриевны к одной из своих казанских подруг: «Папе очень нравится его служба» [22, л.6об.]. «Библиотечная служба своей тишиной и спокойствием, пожалуй, даже лучше преподавательской», – пишет Д.П. Шестаков в письме к жене и дочери в Казань [21, л.2].

В Казань Дмитрий Петрович вернулся только в 1931 г. Тогда же он снова стал сотрудником ВПИ, где работал в качестве внештатного профессора греческого языка, проводя занятия с аспирантами исторического факультета КГПИ. Д.П. Шестаков продолжил литературоведческие исследования, изредка писал стихи [20, с.96–97; 26, л.102–105].

Сергей Петрович и Дмитрий Петрович по-разному отреагировали на происходившее в стране события. Для Д.П. Шестакова они с самого начала были трагедией. Он почувствовал себя ненужным, разочаровался в том, чем занимался всю свою жизнь. С.П. Шестаков напротив старался несколько приспособиться к новым условиям, и тем самым сохранить традицию гуманитарных исследований в России. Он встретил события 1917 г. в должности декана историко-филологического факультета Казанского университета, и когда новая власть стала реорганизовывать гуманитарное образование, пытался сделать все, что зависело от него, чтобы сохранить традиции гуманитарного образования. Последние годы жизни С.П. и Д.П. Шестаковых были посвящены этой задаче.

Таким образом, в результате преобразований после октября 1917 г. историческое образование в 1920–1930-е гг. оказалось сосредоточенным в Восточном педагогическом институте (с 1934 г. Казанском государственном педагогическом институте). Учебные планы и методика преподавания также в этот период подверглись реформированию, а старая профессура выдавливалась из преподавательской деятельности. Однако сохранение в ВПИ старых кадров позволило достаточно быстро перестроить образовательный процесс после 1934 г. и снова возвратиться к полноценной подготовке педагогов-историков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Андрей Везалий*. О строении человеческого тела / перевод (с изд. 1725 г.) чл.-корр. АН СССР, проф. С.П. Шестакова [под ред. проф. анатомии В.Н. Терновского] // Ученые записки Казанского университета (УЗКУ). 1930. Т.90 (Отдел медицинские науки). Кн.2. С.162–180.
2. Архив Российской Академии наук (РАН). Ф.154. Оп.1. Д.94.
3. АРАН. Ф.154. Оп.1. Д.122.
4. АРАН. Ф.411. Оп.4-а. Д.14.
5. Архивные материалы Общества археологии, истории, этнографии (Архивные материалы ОАИЭ). Отчет за период с 1 апреля 1927 по 1 апреля 1928 г. // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРК НБ КФУ). Ед. хр. 7585.
6. *Бенешевич В.Н.* Русско-византийская комиссия // Византийский временник. 1926. Т.24. С.115–130.
7. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.Р–1337. Оп.1. Д.4.
8. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.10.
9. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.39.
10. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.67.
11. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.170.
12. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1л. Д.53.
13. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1л. Д.94.
14. *Долгополов Л.* В стране Лазури (неизвестные стихотворения Д.П. Шестакова) // Дальний Восток. 1970. №7. С.141–143.
15. *Дюков И.А.* Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина в 1917–1947 гг. Казань: тип. Татполиграф, 1947. 124 с.
16. *Зайцев А.В.* Развитие исторической науки в Татарстане 20–30 годы ХХ века: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. 221 с.
17. История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского, Б.В. Горнунга, З.Г. Гринберга, Ф.А. Петровского, С.И. Радцига. Т.1. Эпос, лирика, драма классического периода. М.-Л., 1946. 487 с.
18. Казанский государственный педагогический институт. Казань: КГПИ, 1974. 197 с.
19. *Линсцер Г.Ф.* Методическая работа в ВПИ за 5 лет // Новый педагог. Казань, 1927. С.12–27.

20. *Молодяков В.* Последний ученик Фета // Новый журнал. Нью-Йорк, 2000. №219. Июнь. С.93–99.
21. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.218. Картон. 1391. Ед. хр. 5.
22. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.218. Картон. 1400. Ед. хр. 13.
23. Поэты 1880–1890-х годов. Ленинград: «Советский писатель», 1972. 724 с.
24. *Шестаков Д.П.* Два момента из истории нашей археологической науки // Труды Государственного Дальневосточного университета. 1926. Сер. XIV. №2. 43 с.
25. *Шестаков Д.П.* К вопросу о методах преподавания английского языка. Владивосток: тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1926. 20 с.
26. *Шестаков Д.П.* Стихотворения // ОРПК НБ КФУ. Ф.21. Ед. хр. 12.
27. *Шестаков С.П.* Завещание общинного врача Фебаммона // Известия Общества археологии, истории, этнографии. 1919. Т.ХХХ, вып. 2. С.151–165.
28. *Шестаков С.П.* Заметки к Гомеру (представлено акад. С.А. Жебелевым в ОГН 29 октября 1929) // Доклады АН СССР. Серия В. 1929. №15. С.271–273.
29. *Шестаков С.П.* Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524 // Византийский временник. 1926. Т.24. С.45–56.
30. *Шестаков С.П.* К вопросу об авторе продолжения Феофана // Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines. Belgrad, 1927. Compte-rendu. Belgrad, 1929. Pp.35–45.
31. *Шестаков С.П.* К истории Греко-болгарских отношений в третьем десятилетии X в. Отд. оттиск из сборника «Byzantinoslavica». Т.1. 1929. С.159–164.
32. *Шестаков С.П.* Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1923. Т.32, вып. 2. С.97–114.
33. *Шофман А.С.* С.П. Шестаков и его византийские штудии // ОРПК НБ КФУ. Ф.24. Ед.хр. 138.

Информация об авторе:

Шмелева Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); e-mail: procella@rambler.ru

Поступила 15.10.2022

Принята к публикации 30.11.2022

Pedagogical education in Kazan in the 1920s–1930s and the activities of S.P. and D.P. Shestakovs

L.M. Shmeleva
*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation*

The article examines the development of pedagogical education in the 1920s–1930s on the example of historical education. During this period, historical education was concentrated at the Eastern Pedagogical Institute, where there were two depart-

ments of Russian history and general history. The initial curriculum was similar to that of the History Department of Kazan University, but later it was reworked in accordance with new trends in the teaching of historical and social sciences. The publication of the decree "On the teaching of civil history in schools of the USSR" of the Council of People's Commissars and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated by May 26, 1934 in the Eastern Pedagogical Institute marked a return to a specific history in a systematic presentation and chronological sequence, which led to a new restructuring of historical education. All these twists and turns influenced the development of historical science in the country as a whole: the subject of research has changed, their intensity has decreased, many works have not been published. In this regard, the activities of Kazan professors S.P. and D.P. Shestakov are of interest. During this period, S.P. Shestakov tried to preserve historical education in Kazan, actively participating in the discussion of reforms, as well as offering new courses in connection with the establishment of Marxist methodology. He is quite actively published during this period, participates in the work of the Academy of Sciences. D.P. Shestakov took the changes more negatively and paid more attention to creative activity (he was a poet), although he continued to teach.

Keywords: Eastern Pedagogical Institute, S.P. Shestakov, D.P. Shestakov, historical education, pedagogical education

For citation: Shmeleva L.M. Pedagogical education in Kazan in the 1920s–1930s and the activities of S.P. and D.P. Shestakovs. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.79–90. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.79-90> (In Russian)

REFERENCES

1. Andrey Vezaliy. O stroenii chelovecheskogo tela / perevod (s izd. 1725 g.) chl.-korr. AN SSSR, prof. S.P. Shestakova (pod red. prof. anatomii V.N. Ternovskogo) [On the structure of the human body / translation (from the edition of 1725) by corresponding member of USSR Academy of Sciences, prof. S.P. Shestakov]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta (UZKU)*, 1930, vol.90 (Otdel meditsinskie nauki), kn.2, pp.162–180. (In Russian)
2. Arkhiv Rossiyskoy Akademii nauk (ARAN) [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F.154. Op.1. D.94. (In Russian)
3. ARAN. F.154. Op.1. D.122. (In Russian)
4. ARAN. F.411. Op.4-a. D.14. (In Russian)
5. Arkhivnye materialy Obshchestva arkheologii, istorii, etnografii (Arkhivnye materialy OAIE). Otchet za period s 1 aprelya 1927 po 1 aprelya 1928 g. [Archival materials of the Society of Archeology, History, Ethnography (Archival materials of the OAIE). Report for the period from April 1, 1927 to April 1, 1928]. *Otdel rukopisey i redkikh knig Nauchnoy biblioteki im. N.I. Lobachevskogo Kazanskogo federal'nogo universiteta (ORRK NB KFU)*. Ed. khr. 7585. (In Russian)
6. Beneshevich V.N. Russko-vizantiyskaya komissiya [Russian-Byzantine Commission]. *Vizantiyskiy vremennik*, 1926, vol.24, pp.115–130. (In Russian)
7. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT) [State Archive of the Republic of Tatarstan]. F.R–1337. Op.1. D.4. (In Russian)
8. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.10. (In Russian)

9. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.39. (In Russian)
10. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.67. (In Russian)
11. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.170. (In Russian)
12. GA RT. F.R–1487. Op.11. D.53. (In Russian)
13. GA RT. F.R–1487. Op.11. D.94. (In Russian)
14. Dolgoplov L. V strane Lazuri (neizvestnye stikhotvoreniya D.P. Shestakova) [In the country of Azure (unknown poems by D.P. Shestakov)]. *Dal'niy Vostok*, 1970, №7, pp.141–143. (In Russian)
15. Dyukov I.A. Kazanskiy gosudarstvennyy universitet im. V.I. Ul'yanova-Lenina v 1917–1947 gg. [Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin in 1917–1947] Kazan: tip. Tatpoligrafa, 1947. 124 p. (In Russian)
16. Zaytsev A.V. Razvitie istoricheskoy nauki v Tatarstane 20–30 gody XX veka: diss. ... kand. ist. nauk [The development of historical science in Tatarstan in 1920–1930s: thesis of the candidate of historical sciences]. Kazan, 1999. 221 p. (In Russian)
17. Istoriya grecheskoy literatury [History of Greek Literature]. Ed. by S.I. Sobolevskiy, B.V. Gor-nung, Z.G. Grinberg, F.A. Petrovskiy, S.I. Radtsig. Vol.1. *Epos, lirika, drama klassicheskogo perioda*. Moscow-Leningrad, 1946. 487 p. (In Russian)
18. Kazanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut [Kazan State Pedagogical Institute]. Kazan: KGPI, 1974. 197 p. (In Russian)
19. Linstser G.F. Metodicheskaya rabota v VPI za 5 let [Methodological work at the Eastern Pedagogical Institute for 5 years]. *Novyy pedagog*. Kazan, 1927, pp.12–27. (In Russian)
20. Molodyakov V. Posledniy uchenik Feta [The last learner of Fet]. *Novyy zhurnal*. New York, 2000, №219, June, pp.93–99. (In Russian)
21. Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F.218. Karton. 1391. Ed. khr. 5. (In Russian)
22. Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F.218. Karton. 1400. Ed. khr. 13. (In Russian)
23. Poety 1880–1890-kh godov [Poets of the 1880–1890s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1972. 724 p. (In Russian)
24. Shestakov D.P. Dva momenta iz istorii nashey arkheologicheskoy nauki [Two moments from the history of our archaeological science]. *Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta*, 1926, ser. XIV, №2? 43 p.
25. Shestakov D.P. K voprosu o metodakh prepodavaniya angliyskogo yazyka [To the question of methods of teaching English]. Vladivostok: tip. Gos. Dal'nevost. un-ta, 1926. 20 p. (In Russian)
26. Shestakov D.P. Stikhotvoreniya [Poems]. *Otdel rukopisey i redkikh knig Nauchnoy biblioteki im. N.I.Lobachevskogo KFU (ORRK NB KFU)*. F.21. Ed. khr. 12. (In Russian)
27. Shestakov S.P. Zaveshchanie obshchinnogo vracha Febammona [Testament of the Community Physician Febammon]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii, etnografii*, 1919, vol.XXX, vyp. 2, pp.151–165. (In Russian)
28. Shestakov S.P. Zametki k Gomeru (predstavleno akad. S.A. Zhebelevym v OGN 29 oktyabrya 1929) [Notes to Homer (presented by Academician S.A. Zhebelev to OGN in October 29, 1929)]. *Doklady AN SSSR*. Seriya V. 1929. №15, pp. 271–273. (In Russian)

29. Shestakov S.P. Zametki k stikhotvoreniam codicis Marciani gr. 524 [Notes on Poems codicis Marciani gr. 524]. *Vizantiyskiy vremennik*, 1926, vol.24, pp.45–56. (In Russian)

30. Shestakov S.P. K voprosu ob avtore prodolzheniya Feofana [On the question of the author of the continuation of Feofan]. *Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines*. Belgrad, 1927. Compte-rendu. Belgrad, 1929. R.35–45. (In Russian)

31. Shestakov S.P. K istorii Greko-bolgarskikh otnosheniy v tret'em desyatiletii Kh v. Otd. ottisk iz sbornika «Byzantinoslavica» [On the history of Greco-Bulgarian relations in the third decade of the 10th century. Separate print from the collection "Byzantinoslavica"]. Vol.1. 1929, pp.159–164. (In Russian)

32. Shestakov S.P. Smert' i demony smerti v predstavleniyakh drevnikh i novykh grekov [Death and the demons of death in the views of the ancient and modern Greeks]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii*, 1923, vol.32, vyp. 2, pp.97–114. (In Russian)

33. Shofman A.S. S.P. Shestakov i ego vizantiyskie shtudii [S.P. Shestakov and his Byzantine studies]. *Otdel rukopisey i redkikh knig Nauchnoy biblioteki im. N.I.Lobachevskogo KFU (ORRK NB KFU)*. F.24. Ed.khr. 138. (In Russian)

About the author:

Shmeleva Liudmila Mikhaylovna – Cand. Sci. (history), Associate professor of the Department of archaeology and general history of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation); e-mail: procella@rambler.ru

Received October 15, 2022

Accepted for publication November 30, 2022

Чувашское отделение
Восточного педагогического института
(по материалам рукописного фонда Н.В. Никольского)

А.П. Леонтьев

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Российская Федерация*

В статье проанализирована деятельность чувашского отделения Восточного педагогического института в 1926–1930 гг. Источниками статьи явились материалы Рукописного фонда профессора Н.В. Никольского в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отчеты, протоколы, отзывы, переписка и другие документы раскрывают роль Н.В. Никольского, Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова, В.Е. Егорова в развитии высшего образования в Чувашской АССР. Особо отмечена научно-исследовательская деятельность в чувашском отделении.

Ключевые слова: Рукописный архив Н.В. Никольского, высшее образование чувашей, чувашское отделение Восточного педагогического института

Для цитирования: Леонтьев А.П. Чувашское отделение Восточного педагогического института (по материалам рукописного фонда Н.В. Никольского) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.91–110. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.91-110>

В данном исследовании речь пойдет лишь о некоторой части документов, относящейся непосредственно к практической деятельности Восточного педагогического института (далее ВПИ) – знаменитого казанского вуза, одной из кузниц кадров для чувашских учебных заведений повышенного типа (техникумов и вузов), и чувашеведческих наук во второй половине 1920-х гг. Рассматриваемые материалы аккумулированы в основном в трех томах рукописного фонда профессора Н.В. Никольского, хранящегося в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Будучи секретарем почти всех совещаний, заседаний и других мероприятий института, секретарем совета национально-лингвистических отделений (далее НЛО) ВПИ, Николай Васильевич скрупулезно фиксировал мероприятия, черновые и частью беловые (машинописные) варианты, а также аккуратно собирал в папки копии многих зарегистрированных документов, со временем сформированные им в отдельные тома [4; 5; 6; 7].

В рукописном фонде Н.В. Никольского сохранено множество оригинальных документов, среди них – составленные и подписанные преподавателями чувашского отделения языка и культуры ВПИ Николаем Ивано-

вичем Ашмариным [12; с.163], Василием Егоровичем (Георгиевичем он станет позднее. – *А.Л.*) Егоровым, Гурием Ивановичем Комиссаровым, Николаем Васильевичем Никольским и др. Одним из примеров таких документов является следующее обращение ученых в совет чувашского отделения языка и культуры ВПИ: «Мы, нижеподписавшиеся, считаем кандидатуру Н.И. Ашмарина в члены Академии наук СССР вполне достойной по следующим основаниям. Научно-исследовательская работа Н.И. Ашмарина достаточно охарактеризована на западе (Месарош, Дмитриев, Мункачи) и в СССР (Самойлович, Поппе, Катанов, Никольский, Егоров, Петров)» [7, с.28]. Оказывается, первоначально предполагалось выдвинуть Н.И. Ашмарина в действительные члены АН СССР. Дата составления текста неизвестна. Но после этого материала находим другой текст, на наш взгляд, непосредственно связанный с предыдущим. 17 марта 1928 г. состоялось заседание правления Казанского отделения Общества изучения чувашской культуры, где участие принимал народный комиссар просвещения ЧАССР М.С. Сергеев. Скорее всего, нарком и попросил Н.В. Никольского составить данное обращение. По-видимому, в томе – черновой вариант, под ним фамилии: «Сергеев, Андреев» [7, с.28].

Рассмотренные нами тома охватывают 1926– по апрель 1930 гг. Почему не с 1922 г., с начала создания Восточного педагогического института [11, с.362], а только с февраля 1926 г., т. е. после открытия чувашского отделения? Ответ прост: Н.В. Никольский преподавал в Казанском педагогическом институте еще в 1918–1922 гг., в ВПИ – с первого академического года, являлся доцентом, заведующим кафедрой этнографии. Но в тот период делопроизводство вели другие сотрудники. С открытием чувашского отделения это немаловажное для функционирования любой организации, а для истории чувашского высшего образования в особенности, дело возлагалось на Николая Васильевича.

В отчете кафедры чувашской литературы предположительно конца 1929 г., сохранившемся в фонде, Н.В. Никольский подробно рассказывает о пройденной ею пути. Данный документ составлен к общественному смотру работы научных работников ВПИ. В нем освещалась краткая история кафедры, начиная с 1922 г., ее учебная работа: программы, их эволюция, связь с практической деятельностью, со школой и требованиями социалистического строительства, а также исследовательская работа, в том числе работа руководителей, ассистентов и выдвиженцев, научные командировки и научные доклады, общественно-педагогическая деятельность, работа учебного кабинета отделения и пр. [6, с.122]. Из отчета Н.В. Никольского следует: «С 1922 г. [в ВПИ] начало существовать чувашеведение и в первую очередь чувашский язык с соединенными с ним чувашской этнографией и общей этнографией народов Поволжья. С 1924 г. выделяется чувашский язык в самостоятельную дисциплину, а этнография с историей чуваш в особую. Язык читает В.Е. Егоров, а этнографию и историю Н.В. Никольский. В 1925 г. открывается Чувашское лингвистическое от-

деление; языку отводится значительное количество часов – 16, этнографии и истории чуваш – по 4 часа, литературе (устной) – 6 ч. в неделю, письменной литературе – 6 ч. Этнографию и историю читает Н.В. Никольский, язык – В.Е. Егоров и Н.И. Ашмарин, устную письменную литературу чуваш – Г.И. Комиссаров» [6, с.115].

Таким образом, у истоков чувашского отделения ВПИ стояла кафедра, основанная Н.В. Никольским. Он подчеркивает, что «программы составлялись с таким расчетом, чтобы потом каждый из окончивших Чувашское отделение мог воспользоваться ими в педагогической работе чувашской школы повышенного типа» [6, с.115]. Поражает объем научно-исследовательских работ, выполненных ученым за 1922–1930 гг., эту работу он скромно называет «исследовательской работой кафедры», хотя абсолютное большинство работ он писал сам. Среди опубликованных исследований – монографии «Краткий курс этнографии чуваш» (1929 г.), «Народная медицина у чуваш» (1929 г.), множество статей в казанской периодике. Отдельно приведен список рукописных трудов (всего 16) [6, с.116–117; 9]. Ни один из них даже к настоящему времени не издан в полном объеме, среди них: «Чувашский народный календарь», «Материалы по истории чуваш», «Русско-латинско-чувашский словарь для агрономов среди чуваш», «Русско-латинско-чувашский словарь для медицинских работников», «Список чувашских селений», «Топонимические названия как материал для истории чуваш» и др. Лишь сказки чувашского народа вышли в Чебоксарах в 1961 г. в маленьком сборнике – мизерная часть из объема в 28 печатных листов.

В данном отчете Н.В. Никольский также подробно описал процесс создания кабинета чувашеведения: «...начал формироваться в 1925 г., который должен был обслуживать все национальные дисциплины Чувашского отделения», «первоначально имел всего лишь 1 комнату при 3 шкафах, 25 стульях и 2 столах. В 1928 г. была получена еще 1 комната для методики чувашского языка и литературы с соответствующим оборудованием» [6, с.118–119]. Среди недостатков кафедры чувашской литературы и кабинета чувашеведения Н.В. Никольский называет «отсутствие полных собраний, хрестоматий и руководств по поэтике и по чувашской народной словесности» [6, с.120]. И это – при наличии готовых рукописей по всем чувашеведческим дисциплинам. Следует отметить, что за четыре года функционирования ВПИ так и не было издано стандартных учебных пособий. Работали, как метафорично высказывается Н.В. Никольский, на основе «сырья», т.е. на материалах, добытых самими преподавателями и студентами. Такая ситуация была связана и с тем, что многие решения Народного комиссариата просвещения Чувашии не были последовательными. Так, 30 марта 1926 г. было принято постановление «составить учебник по краеведению», «разработку учебника предложить принять на себя студентам Чувашского отделения ВПИ под руководством тов. Егорова В.Е.,

Никольского Н.В. и Смолина В.Ф.» [6, с.41], хотя к тому времени уже была книга Г.И. Комиссарова «Эпир суралнă сёр-шыв» (Наша родина).

Материалы в разбираемых нами томах размещены не по хронологии. Можно понять их составителя. Над систематизацией своего рукописного фонда он работал один. Вот что Н.В. Никольский пишет в ответ на обращение Чувашского научно-исследовательского института (ЧНИИ) от 18 июля 1935 г.: «Мои материалы по фольклору находятся в личной моей библиотеке (Казань, ул. Баумана, д. 49, кв. 2. Ход со двора). Архивы я не сдавал и пока не буду сдавать, так как разработкой занят сам. Вопрос об использовании ЧНИИ моих материалов для меня очень большой; разрешение его зависит от разрешения других вопросов, связанных с ним: [...] и описание, и классификация требуют длительного труда, если измерить это в часах, то на одни сказки потребуется не менее одного года ежедневной 6-часовой работы, песни, музыкальные материалы к ним еще столько же; а там в резерве: пословицы, поговорки и др. виды. Поставленные вопросы легче было бы разрешить, если бы от ЧНИИ приехал ко мне [д. Юрмекейкино, Аликовский р. (ныне Моргаушский район Чувашской Республики. – *А.Л.*)] кто-либо из уполномоченных со всеми директивами исследывающего характера» [4, с.395].

В научном архиве ЧГИГН нами не обнаружены документы, свидетельствующие о направлении какого-нибудь сотрудника к Н.В. Никольскому. А этот период для Николая Васильевича был самым трудным в его жизни. Из воспоминаний Г.И. Комиссарова следует, что «после закрытия чувашского отделения ВПИ [...] профессора Николая Ив. Ашмарина просили переехать в Чебоксары, чтобы возглавить кафедру чувашского языка в Чувашском педагогическом институте, но он не поехал. [...] Профессор Н.В. Никольский и доцент В.Г. Егоров тоже не поехали в Чебоксары» [2, с.1125–1126]. «Не поехал» – как бы немножко от «лукавого», так как Н.В. Никольского в Чебоксары, скорее всего, и не приглашали; в то время он был неблагодарным – после разгромных статей в чувашской периодике о его некоторых работах. И тут новые напасти в Казани. 14 января 1931 г. он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности (статья 58–11 УК РСФСР), 11 марта 1931 г. освобожден из-под стражи под подписку о невыезде. Советом врачей Н.В. Никольскому был поставлен диагноз: головные боли, головокружение, раздражительность, резкие потери памяти, нарастающие в течение года, связанные с артериосклерозом сосудов головного мозга при явлениях гипертонии, и он был признан нетрудоспособным, в связи с чем ему дана инвалидность 3 группы. 5 марта 1933 г. ученый был вновь арестован как член организации «Братство святого Гурия», 11 октября 1933 г. освобожден под подписку о невыезде [3, с.71].

Таким образом, Н.В. Никольский формировал свои архивные материалы в непростые для него времена. Поэтому не суть важно – соблюдена ли хронология или нет, главное – сохранены бесценные документы, зафиксировавшие кипучую деятельность ВПИ. А пытливый исследователь

при желании легко захронолизует источники в указанных нами томах. Мы также будем соблюдать хронологию, только в некоторых случаях отвлекаясь с целью конкретизации некоторых моментов деятельности чувашского отделения ВПИ.

В фонде сохранилось ряд организационных документов, касающихся деятельности Н.В. Никольского в Восточном педагогическом институте: утверждение правлением ВПИ решения совета отделения востоковедения «о представлении Н.В. Никольского к профессорскому званию» [5, с.12а], документ об избрании заведующим восточным отделением Г.Ш. Абдрахимова, а его заместителем – Н.В. Никольского» [5, с.12], протокол заседания Чувашского бюро Народного комиссариата просвещения Татарской АССР от 5 февраля 1926 г.: с предложением чувашскому отделению ВПИ «проработать вопросы: а) по исследованию чувашского языка и б) по истории чуваш» [5, с.4], постановление коллегии отдела печати Чувашобкома ВКП(б) от 8 февраля 1926 г. об желательном издании «собранных проф. Никольским материалов по фольклору» [5, с.5].

Особенно насыщено в документах рукописного фонда Н.В. Никольского представлен февраль 1926 г., так как, напомним, именно в этом месяце начинает свою учебно-педагогическую деятельность чувашское отделение. Так, здесь имеется сообщение Народного комиссариата просвещения (далее НКП) АЧССР за подписью наркома А.С. Никитина от 9 февраля 1926 г. по вопросам подготовки кадров для Чувашской республики. В нем одной из приоритетных задач НКП обозначено следующее: «Чтобы будущие работники в различных отраслях строительства культуры чувашского народа и его экономического благосостояния явились не только исполнителями, но и творцами. Для этого, как необходимая предпосылка, нужно знание прошлого чувашского народа и его языка, социально-экономических и природных условий его жизни, быта, обычаев, характера и мировоззрения народа. [...] Казань является основным центром подготовки будущих работников для АЧССР, здесь же с настоящего года положено начало существованию Чувашскому отделению при ВПИ. Эти два момента определяют, что подготовка чувашского студенчества к условиям работы в АЧССР прежде всего и лучше всего может быть проведена в Казани...» [5, с.14].

О выборе Казани в качестве места подготовки чувашских педагогических кадров писали и сами ученые. В письме к ректору Казанского университета от 15 января 1925 г. по вопросу дальнейшего развития кафедры чувашского языка и чувашеведения Н.В. Никольский отмечал, что «в Казани во всех вузах чуваш учится свыше 300 человек, причем большая часть приходится на разные факультеты университета. Ни в столицах, ни в поволжских городах нет такого количества студентов из чуваш» [8, с.69]. Доцент ВПИ Г.И. Комиссаров в дискуссии по вопросам вхождения Чувашии в какой-нибудь регион, вопреки официальной позиции Чувашской АССР (согласившейся с «рекомендациями» центра о включении респуб-

лики в Нижегородский край), размышлял: «Что положительного сулит нам вхождение в Волжско-Камский район? Вот что: 1) Казань близка чувашам; 2) Казань и Чувашская республика хорошо соединены и железной дорогой, и Волгой; 3) для чувашей Казань с давних времен являлась экономическим, административным и культурным центром; 4) и теперь Казань самый близкий город для чувашей, здесь обучается очень много чувашей» [1, с.2]. В период функционирования ВПИ Казань, как и до революции, оставалась культурно-просветительским центром чувашей, тем более, метрополия, то есть ЧАССР, пока еще была не в состоянии решать многие вопросы в сфере образования, тем более – высшего.

Кроме документов организационного характера, во всех трех томах хранится методологическая база по чувашеведению, то есть программы учебных предметов, которые читались на чувашском отделении ВПИ. Вот «Программа пропедевтического курса (предварительного обучения. – А.Л.) чувашского языка для студентов 1-го курса Чувашского НЛЮ на 1925–1926 гг.». Преподаватель В.Е. Егоров пишет: «[...] Алтайская семья языков. Сравнительная характеристика алтайской семьи языков с точки зрения грамматической структуры их. Место чувашского языка в языковой семье. Отношение чувашского языка к тюркским и монгольским языкам. [...] Фонетика. Физиология звуков чувашского языка. [...] Морфология. [...] Характерные особенности морфологии чувашского языка, свойственные всей алтайской семье языков: 1) отсутствие грамматического рода, 2) отсутствие строгой дифференциации частей речи. [...] Темы для докладов. Отношение чувашского языка к языку древних волжско-камских болгар. [...] Венгерские заимствования из болгарского языка и значение их в решении вопроса о родстве чуваш с древними волжско-камскими болгарями [...]» [5, с.18–20]. Василий Егорович в 1930 г. в Москве издал монографию «Введение в изучение чувашского языка», где «очертил круг будущих научных тем чувашского языкознания, определил основные проблемы глотто- и этногенеза (место чувашского языка среди алтайских языков, историческое развитие лексики чувашского языка, этноязыковые контакты болгаро-чувашей, стратификация заимствований в чувашском языке и др.» [13, с.554]. Анализ текста приведенной нами «программы» ясно указывает на первооснову монографии В.Г. Егорова.

Открывшееся чувашское отделение в первую очередь нуждалось в кадрах. В связи с этим правление ВПИ обратилось прежде всего к Н.И. Ашмарину и Г.И. Комиссарову, которые немалую часть жизни провели в Казани, и к тому времени внесли колоссальный вклад в чувашеведение. В казанский период научной деятельности Н.И. Ашмарин создал и частично опубликовал свои основополагающие труды по фонетике, грамматике, диалектологии и лексикографии чувашского языка: «Материалы для исследования чувашского языка» (1898), «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (1923), «Программу для составления чувашского словаря» (1900 г.), которая послужила основой для 17-томного «Словаря чу-

вашского языка» (Thesaurus Linguae Tschuwaschorum). 1-й и 2-й выпуски словаря были опубликованы в Казани при содействии профессора Н.Ф. Катанова. Н.И. Ашмарину принадлежит ряд статей по светской татарской литературе и татарскому литературному языку, проблемам чувашского этно- и глоттогенеза посвящено аналитически-обзорное исследование «Болгары и чувашаи» (1902 г.).

Г.И. Комиссаров в годы учебы в Казанской духовной академии (1908–1913 гг.) выпустил историко-этнографический труд «Чуваши Казанского Заволжья» (1911 г.), под влиянием взглядов русского философа и публициста В.С. Соловьева сочинил трактат «Смысл мировой истории», изданный в 1916 г. в г. Уфа. Он является первым исследователем, определившим границы трех этнографических групп чувашей (верховых, средненизовых и низовых) [10, с.299]. В Казани же им опубликована монография «Чăваш халăхĕн историйĕ» (История чувашского народа, 1921 г.), краеведческое пособие «Эпир суралнă çĕр-шыв» (Наша родина, 1921 г.) и множество статей.

В рассматриваемом фонде сохранился ответ Г.И. Комиссарова, работавшего до переезда в Казань завучем Приуральского чувашского педагогического техникума в Уфе: «За лестное для меня предложение от 11/XI [1925 г.] за № 1787, прибыть в Казань для занятия должности преподавателя ВПИ, я вынужден сообщить Совнацмену и Главпрофобру Татнаркомпроса, что я не в состоянии прибыть в Казань до окончания текущего академического года по следующим причинам: 1) я связан с обязательством провести учебный год в Уфе, так как в середине года меня не могут заменить другим лицом ни Чувпедтехникум, ни ИНО, в которых я работаю; [...] 5) на Чувашском отделении ВПИ пока отведено мало часов; на отведенные часы работники имеются (Н.В. Никольский и В.Г. Егоров); [...] 8) брать уроки в Казан. чувпедтехникуме в середине академического года я считаю неудобным, как по педагогическим, так и по этическим соображениям. Поэтому я прошу: 1) об отсрочке моего переезда в Казань до августа 1926 г. и зачислении меня преподавателем ВПИ только с этого месяца...» [5, л.36–37]. Из его мемуаров видно, что супруга его не переехала с ним в Казань, вскоре семья распалась.

Н.И. Ашмарин, глава многодетной семьи, наверное, также не сразу соглашался на переезд в Казань. Поэтому ректор ВПИ профессор С.П. Сингалевич 17 июня 1926 г. на заседании правления вуза ставит вопрос: «Запросить Ашмарина, на каких условиях он может приехать на работу в Казань?» [5, с.65].

По рассматриваемым документам можно проследить, как совместные усилия НКП ЧАССР и чувашского отделения ВПИ способствовали налаживанию учебного процесса. Так, в фонде сохранился доклад Н.В. Никольского «О Чувашском лингвистическом отделении при Восточном педагогическом институте и конференции нацменпедтехникумов при ВПИ», который он представил 8 сентября 1926 г. на заседании Академического

центра при НКП ЧАССР, на основании которого Академцентр постановил: «Наркомпросу ЧАССР необходимо принять все зависящие меры к тому, чтобы усилить профессорский и преподавательский персонал чувашского отделения посредством приглашения постоянных профессоров, а в случае необходимости и через приглашение профессоров на эпизодические курсы, уделив на это нужные средства», также рекомендовал чувашскому отделению «наладить в своей работе живую связь как с чувашскими школами повышенного типа, так и с трудящимися массами чуваш», кроме этого просил выделить «небольшие средства на пополнение кабинета [чувашеведения] нужными пособиями», а всем студентам-чувашиам г. Казани предлагал пройти краткосрочные курсы в чувашском отделении ВПИ [5, с.163].

Правление ВПИ 13 октября 1926 г. рассмотрело указанные выше пожелания Академцентра НКП АЧССР и постановило: «Выдвигаемые в протоколе пожелания осуществить при условии отпуска средств со стороны НКП АЧССР; указать на то, что отпускаемых Центром средств на кабинет чувашеведения недостаточно и что кабинет нуждается в дотации АЧССР; [...] 4) сообщить НКП АЧССР, что в ВПИ приезжают в ближайшее время Ашмарин и Комиссаров и просить НКП взять на себя оплату их квартир» [5, без нумерации, после л.162]. Из протокола № 2 совета НЛЮ института от 22 октября 1926 г. узнаем, что Ашмарин и Комиссаров «приступили к отправлению своих обязанностей» и в результате голосования в совете отделения «Ашмарин Н.И. считается избранным профессором по кафедре чувашского языка и турецко-татарского языкознания. [...] Комиссаров Г.И. считается избранным доцентом на кафедру по чувашской народной словесности и чувашской литературе с методами этих предметов» [7, с.3].

В документах, собранных Н.В. Никольским, сохранился учебный план, утвержденный советом НЛЮ от 21 сентября 1926 г. Согласно этому документу, на чувашском отделении между профессорами и преподавателями курсы были распределены следующим образом: I курс: Егоров, чувашский язык – 6 ч. в неделю, русский язык – 4 ч.; II курс: Никольский, география и природные богатства АЧССР – 4 ч., Ашмарин, чувашский язык – 6 ч., Максудов, арабский язык – 4 ч.; III курс: Никольский, история чувашского народа – 6 ч., современное хозяйство Чувашской республики – 2 ч., Комиссаров, чувашская народная словесность – 6 ч., краеведение в связи с проработкой школьных программ – 2 ч., школьная практика и семинарий – 2 ч. [7, с.9].

Здесь же был прописан студенческий состав курсов татарского и чувашского отделений. На II курсе чувашского отделения обучалось 16 человек: Имендаев, Сайкина, Андреев В., Осипов, Сергеев М.С., Михайлов, Куприянов, Шувалов, Баимкин, Ефремов, Макаров, Дорофеев, Резюков Н.А., Сотников, Иванов И.А., Герасимов М.А., на III курсе всего 5 человек: Юманков («выбыл в Ленинградский вуз»), Угандеев, Максимова М.А., Николаева М.Н., Николаев И.Н.». Согласно постановлению сове-

та, студент III курса Угандеев был оставлен в качестве ассистента-аспиранта [7, л.4об.].

Ряд документов из рукописного фонда Н.В. Никольского свидетельствуют и о финансовой стороне существования национальных отделений ВПИ, а именно средствах, которые удавалось добиться от руководства вуза на организацию учебного процесса. Так, протокол № 3 [заседания] Совета НЛЮ от 5 ноября 1926 г. сообщал, что «правление ВПИ от 22 октября 1926 г. постановило выделить Татарскому отделению 100 руб. на I квартал текущего года по статье учебных расходов, Чувашскому – 50 руб., Марийскому и Вотскому – 50 руб. (по 25 руб.)». «Никаких дополнительных ассигнований на кабинеты не будет. Вопрос о штатах пока еще не разрешен». [7, л.1].

Особо нужно отметить: ВПИ в части чувашеведения вплотную взаимодействовал с государственными органами Чувашской АССР и чувашскими организациями в Татарской АССР. Последние, соответственно, тесно контактировали с Чувашской республикой. Например, программы, составленные в начале академического года, отсылались в НКП Чувашии для изменений и дополнений, и они переделывались «согласно пожеланиям с мест, применительно к потребностям чувашской школы». Даже утвержденные Главпрофобром РСФСР программы отсылались «на просмотр в Чувашнаркомпрос и здесь они подвергались некоторым изменениям в применении к новым задачам чувашских школ» [6, с.115].

НКП ЧАССР также периодически обращался к чувашоведам ВПИ по разным вопросам. 5 ноября 1926 г. заместитель наркома [Иван Степанович] Степанов просит, «как к членам Академического центра», Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова и В.Е. Егорова «составить список книг по чувашеведческим дисциплинам: по языку, истории, этнографии, антропологии... чувашского народа. В список необходимо включить книги, которые необходимо приобрести в первую очередь. НКП может выделить на эту цель от 1500 до 2000 рублей...» [7, с.59].

На заседании совета чувашского отделения 10 ноября 1926 г. заведующий отделением Н.В. Никольский заявляет о необходимости еженедельных собраний для обсуждения вопросов, связанных с жизнью отделения. Шло его становление, много было нерешенных вопросов. С некоторым опозданием на этом же заседании утверждают программы Н.И. Ашмарина для II курса по чувашскому синтаксису; Н.В. Никольского – для II и III курсов по географии АЧССР, для III курса – современное хозяйство АЧССР и историю чувашского народа. В работе совета участвовали проф. Н.И. Ашмарин, доцент Г.И. Комиссаров, доцент В.Е. Егоров, уполномоченный НКП АЧССР Меценатов, а также студенты Афанасьев, Резюков и Угандеев [7, с.86].

Уже в первом академическом году работы отделения преподаватели подготовили учебно-методические пособия, о чем свидетельствует решение совета НЛЮ от 16 марта 1927 г.: «[Совет] по вопросу о приготовлен-

ных к печати руководства обращается к национальным республикам о напечатании следующих руководств: Н.В. Никольский «Курс этнографии чуваш», Г.И. Комиссаров «Чувашский фольклор», В.Е. Егоров «Фонетика чувашского языка», Г.И. Комиссаров «Методика преподавания чувашской литературы», «Хрестоматия по чувашской литературе», Н.В. Никольский «Хрестоматия по чувашской истории», «Хрестоматия по марийской истории», «География Чувашии», Н.И. Ашмарин «Словарь чувашского языка (продолжение вып. 1 и 2)». [7, л.148об.]. К сожалению, ни одно из указанных пособий не было издано. Тем не менее, сохранившиеся документы позволяют оценить высокий уровень профессионализма составителей учебных программ. Так, каждый пункт программы по курсу народной словесности на III курсе чувашского отделения ВПИ в 1926–1927 академическом году (для семинарской проработки) – тема не только отдельной лекции (само собой разумеется, для программы вуза), но и для самостоятельного исследования. Например, обрядовая поэзия состоит из 30 пунктов: обряды и заклинания при первом выгоне скота в поле, обряд окончания жатвы и молитва при совершении его, [...] осеннее поминовение покойников и его поэзия, [...] обряды и поэзия свадьбы: всего девять пунктов. Увы, будущие чувашские фольклористы не стали использовать эту программу. Составитель программы не указан. Но руками одного из биографов Н.В. Никольского профессора В.Д. Дмитриева отмечено, что ее составил Никольский [6, л.127–130]. В этом отношении опытный Н.В. Никольский подвинул своего младшего коллегу Г.И. Комиссарова войти «в курс дела» по преподаванию чувашской словесности, и Гурий Иванович в течение короткого времени написал несколько трудов: «Чăваш фольклорĕпе литература вĕрентĕвĕ (конспектсем) (Чувашский фольклор и литературоведение)», «Устное творчество (фольклор)», «Мотивы туда в чувашской народной поэзии», где при разграничении жанров чувашского фольклора однозначно и уверенно использовал «проработки» Николая Васильевича. К сожалению, ни одно из перечисленных сочинений не было выпущено в виде книги.

6 ноября 1927 г. совет «нацменовских отделений» (чувашского, марийского и вотского) избрал председателем Н.И. Ашмарина, а секретарем Н.В. Никольского [7, л.72]. В декабре 1928 г. этот великолепный тандем снова переизбран на свои должности.

Кого же готовили национально-лингвистические отделения? На это вопрос член правления ВПИ Г.Ф. Линцер дал ясный ответ: «...теперь эти отделения переименованы, и Чувашское отделение языка и культуры, и Татарское отделение языка и культуры и т. д. [имеются в виду вотское (удмуртское) и марийское отделения. – А.Л.] будут готовить «работников культуры, то, что мы называем татароведом, чувашеведом, мариведом, вотяковедом» [5, с.169]. То есть не просто педагогов, а универсальных специалистов-гуманитариев. Научно-исследовательскую работу национальных отделений курировал Н.В. Никольский, который вкратце осветил

данную работу и констатировал: «Несмотря на очень стесненные материальные и жилищные условия, научно-исследовательская работа не прерывалась. [...] Н.И. Ашмарин продолжал приготовление своего словаря чувашского языка для печати и другие работы по тюркологии, В.Е. Егоров написал работу по фонетике чувашского языка, Г.И. Комиссаров изготовил ряд работ по методике чувашского языка и литературы, по чувашскому фольклору, Н.В. Никольский приготовил для печати сокращенный курс этнографии чуваш, народную медицину чуваш и ряд других работ по истории и этнографии чуваш, мари и вотяков» [5, л.170].

Замнаркомпроса Чувашской республики [И.С.] Степанов в своем выступлении «признает за ВПИ краевое значение», констатирует, что «у национальностей Поволжья нет своих вузов, научных работников мы ждем от ВПИ», «национальные республики и области обязаны принять участие в обеспечении, но следует подчеркнуть необходимость постоянного обеспечения национальных отделений в первую очередь со стороны Г.П.Ф.», «уколон должен быть лингвистический», «в целях улучшения состава студенчества Чувашского отделения НКП ЧАССР разослал свою разверстку по чувашским педтехникумам. Желающие поступить на Чувашское отделение будут подвергнуты предварительному испытанию в Комиссии при НКП ЧАССР, будут даны стипендии; будет увеличено количество и размер их» [5, л.171]. Представитель НКП РСФСР [Ян Мартынович] Свикке полагает, что в отделениях «изучать татарский язык надо, но в целях научно-исследовательских необходим при нем арабский и персидский языки. [...] Чувашская культура в прошлом была тесно связана с арабской. Поэтому необходимо изучение на Чувашском отделении арабского языка» [5, с.173].

Однако 18 мая 1929 г. на заседании правления ВПИ решено было «снять с учебного плана татарского и чувашского отделений арабского языка» [5, л. без нумерации, после л.134]. Этот факт безусловно стал шагом назад в развитии восточных дисциплин. Отмену предрешило, очевидно, заключение временной комиссии, руководимой доцентом В.Е. Егоровым, в котором объяснялось это решение: «преподавание арабского языка на Чувашском отделении без особенного ущерба можно отменить. Между арабским и чувашским языком нет никакого сходства: арабский принадлежит к семитической (так в тексте. – А.Л.) семье языков, а чувашский – к алтайской. Каждый из этих языков имеет свой грамматический строй, резко отличающийся от другого. Влияние арабского языка на чувашский можно усмотреть только в нескольких десятках арабских слов, проникших в чувашский язык в древнее время. Влияние это нисколько не распространилось на грамматический строй чувашского языка – ни на фонетику, ни на морфологию, ни тем более на синтаксис его. По мнению комиссии, наоборот, весьма важно было бы для студентов чувашского отделения изучение татарского языка, который родственен и весьма близок чувашскому, и многие фонетические и морфологические формы последнего легко выводятся на первый. А между тем татарский язык совсем не значится в учебных планах. В виду

этого комиссия считает более целесообразным арабский язык на чувашском отделении заменить татарским» [7, л.87об.].

Примерно в то же время, т.е. в 1929 г. (в рукописном тексте дата не указана) Н.В. Никольский написал проект документа под названием «Задача учебного плана – удовлетворить местные нужды». «Местные», значит – национальные. «Ввиду требований с мест, дисциплины должны быть пронизаны чувашеведческими элементами, особенно это нужно сказать относительно педагого-методических и лингвистических дисциплин. В частности: а) общее языкознание должно, по возможности, оперировать с элементами тюрко-татарских и финно-угорских языков, русский язык должен иметь специфический, применительно к чувашскому составу школ, уклон, теория литературы должна уделить достаточно внимания чувашской поэтике» [5, л.137об.].

Среди документов собрания Н.В. Никольского сохранились не только ежегодные отчеты о деятельности чувашского отделения, но и отчетная документация его преподавателей. В них содержится множество интересных сведений о повседневном учебном процессе в ВПИ. Так, из отчета В.Е. Егорова о преподавании чувашского языка на I курсе за 1 семестр 1926–1927 академического года от 12 декабря 1926 г. следует: «За отчетный год пройдено: Вводная часть курса. Вокализм и консонантизм чувашского языка. Отношение чувашского письма к чувашскому языку. Принципы чувашского правописания. [...] Письменные работы составляли важнейший момент в преподавании чувашского языка. Они носили характер и поверочного диктанта, и переводов с русского на чувашский язык, и решения лингвистических задач, и самостоятельных сочинений на определенные темы...» Василий Егорович не стал скрывать в отчете и недостатки: «Успеваемость в чувашском языке весьма слабая. За исключением 5–6 человек все они поступили почти неграмотными в родном языке и не проявляют усердия к изучению его, а, наоборот, даже всячески изощряются в изыскании путей и средств к переходу на другие отделения...» [5, без нумерации, между л.104 и 105]. Так характеризовались учащиеся в первый год открытия чувашского отделения. Возможно, студентов набирали, чтобы выполнить план приема. Таких негативных оценок в других отчетах нами не замечено.

Ряд документов из собрания Н.В. Никольского содержат другие ценные свидетельства, характеризующие студенческий состав чувашского отделения ВПИ. Из резолюции чувашско-марийской секции Методической конференции ВПИ от 6 марта 1929 г. можно получить представление о критериях приема на отделение: «заблаговременно начинать подготовку к приему на I курс чувашского и марийского отделений, создавая на местах специальные курсы, и обращать самое серьезное внимание на классовый состав поступающих на национальные отделения. Ни в каком случае не допускать приема лиц, не сдавших приемные испытания, на другие отделения ВПИ» [5, с.138].

Также в фонде сохранились прошения студентов чувашского отделения. Так, учащийся II курса Чувашского отделения Николай Резюков 28 мая 1927 г. обращался в учебную часть ВПИ с просьбой допустить его «к слушанию лекций, практическим и семинарским работам» в литературно-лингвистическое отделение, так как он считает, что «преподавание родного языка и литературы должно быть тесно связано в нацменских школах с преподаванием русского языка и литературы»¹ [7, л.13]. 27 сентября 1929 г. студент III курса К.Я. Кустарин заявлял, что в период военного коммунизма обучался в Канашском педтехникуме при отсутствии в течение двух лет преподавателя русского языка, и не получил «соответствующее знание по русскому языку, и это является большим тормозом в изучении чувашского языка». Студент «убедительно просит» совет национальных отделений разрешить его перевестись на литературное отделение с обязательством сдачи специальных дисциплин по чувашскому отделению или, в крайнем случае, разрешить слушать лекции и сдавать зачеты по литературно-лингвистическому отделению, оставаясь студентом чувашского отделения» [7, л.53]. Эти документы говорят о желании молодых людей повысить уровень своего образования.

Однако в прошениях студентов можно выявить и тенденцию неприятия чувашеведческих дисциплин. Так, студентка I курса А.Русанова из Башкирии 3 октября 1929 г. просит перевести ее «с чувашского отделения на II курс литературного (русского. – *А.Л.*)», и жалуется, что она «круглая сиротка-батрачка», и в то же время заявляет: «в настоящее время мой муж учится в Уфе, в пединституте...», и почти шантажирует: «...куда я собираюсь переводиться в случае, если здесь не переведут (так в тексте. – *А.Л.*) на литературное отделение». Не известно, удовлетворили ли просьбу «сиротки-батрачки» при живом муже, однако весьма примечательны слова, написанные карандашом под подписью студентки: «Ты коммунистка или нет?» [5, л. без нумерации, между л. 123 и 124].

Из документов видно, как преподаватели старались помогать студентам. Студент 3 курса Степан Угандеев обращается в Наркомпрос Чувашии с просьбой назначить ему стипендию повышенного размера, так как он хочет «посвятить себя всецело изучению предметов чувашеведения и связанных с этими предметами дисциплин», однако из-за материальной не-

¹ После окончания ВПИ в 1930 г. Николай Андреевич Резюков преподавал в средних и высших учебных заведениях, работал в ЧНИИ (с октября 1937 по май 1938 гг. исполняющий обязанности директора), Республиканском институте усовершенствования учителей. В 1928–1933 гг. под руководством Н.И. Ашмарина участвовал в обработке материалов и подготовке рукописи 2–7 выпусков «Словаря чувашского языка», после смерти Н.И. Ашмарина самостоятельно подготовил к печати 8–14, выпускающий редактор 6–13 и ответственный редактор 14 и 17 выпусков, автор «Послесловия». – Дегтярёв Г.А. Резюков Николай Андреевич // Чувашская энциклопедия. Т.3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С.554.

обеспеченности ему «то и дело приходилось отрываться в поисках средств к существованию». Н.В. Никольский в текст заявления внес поправки вплоть до того, что сам написал дату и адрес студента [5, с.61]. 17 февраля 1927 г. Г.И. Комиссаров составил отзыв: «Студентка III курса Марфа Николаевна Николаева с интересом изучает чувашский фольклор, проявляет интерес к научной исследовательской работе. [...] Я очень бы желал, чтобы тов. Николаева получила возможность усовершенствоваться в области чувашского фольклора, для чего я просил бы совет отделения востоковедения утвердить Николаеву в звании ассистентки-практикантки по чувашскому фольклору». Отзыв коллеги поддержал профессор Н.В. Никольский [7, с.183–184]. Из письма наркома просвещения ЧАССР М.С. Сергеева от 30 августа 1928 г. на имя председателя совета чувашского отделения Н.И. Ашмарина следует, что преподавателей чувашского отделения интересовало трудоустройство их воспитанников: «Все окончившие курс Чувашского отделения нами использованы на педагогической работе, а именно: тов. Николаев назначен на чувашеведение в Чебоксарский педтехникум, Угандеев – в Ядринский педтехникум, Николаева – в Канашский педтехникум и Максимова – в Чебоксарскую Советскую школу II ступени. НКП считает необходимым отметить, что кончающие курс Чувашского отделения ВПИ предпочтительно пред другими кандидатами будут назначаться на подработку в первую очередь» [7, с.106].

Во второй половине 1920-х гг. в учебную практику внедрялись активные методы преподавания. Одним из самых распространенных являлся экскурсионный метод. На чувашском отделении ВПИ он также получил широкое распространение, о чем свидетельствуют организационные обсуждения учебных экскурсий. По мнению Н.В. Никольского и Г.И. Комиссарова, «экскурсии специального характера должны быть увязаны с научными экспедициями Академии наук, которая в последние годы все больше и больше разворачивает свои экспедиции в нацменовские местожительства». Представляет интерес сохранившийся подробный «План дальней экскурсии для студентов Чувашского отделения языка и культуры зимою 1927–1928 учебного года». Согласно этому документу, Г.И. Комиссаров предлагал посещать вместе с учащимися в Москве и Ленинграде учреждения и организации, «которые ведают чувашами или изучают их культуру», среди этих объектов: в Ленинграде – Яфетический институт, Академия истории и материальной культуры, отделение востоковедения Ленинградского государственного университета, Музей антропологии, [...] в Москве: Чувашпредставительство, Совнацмен при НКП РСФСР, Чувашсекция при ВКП(б), Общество изучения чувашской культуры, Институт востоковедения (быв. Лазаревский) и др. [5, л.195об.]

В своих отчетах преподаватели, как мы видели на примере отчетной документации Г.И. Комиссарова, нередко оценивали успеваемость студентов. Однако Н.В. Никольский, в отличие от Гурия Ивановича, был немногословен, так как его повседневная деятельность, очевидно, была нагро-

мождена решением административных вопросов. В отчете за 1927–28 академический год на II курсе чувашского отделения по «Географии и природным богатствам Чувашского края» он писал о студентах: «Педагогическая установка выявлена очень ясно у Афанасьева, Григорьевой, Тарасовой, которые, параллельно с научным изложением материала, делали опыты применения этого материала в школьной жизни». Николай Васильевич подчеркивал, что «работа руководителя, помимо преподавательской, сводилась к исследованию слабо разработанных в литературе вопросов, именно «О кустарных промыслах чуваш», «О районировании». Для этого использованы материалы, добытые лично в Чебоксарах и на местах» [5, л.114–115]. Нужно отметить, что Н.В. Никольский в 1926 г. окончил Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства, и поэтому вполне профессионально разбирался в проблематике географии и природных богатств Чувашского края. Его рукописная работа «Анализ посевного материала Чувашской АССР» (67 листов), на наш взгляд, открывает в этнографии, историке, фольклористе, статистике, лексикографии Никольском и агронома, и почвоведом, и агрохимиком, и историком-аграрником [9]. Кроме отчетов Г.И. Комиссарова и Н.В. Никольского, фонд содержит отчетную документацию Н.И. Ашмарина и других сотрудников отделения.

Следует подчеркнуть, что ВПИ, вернее, его совет нацменовских отделений, курировал учебно-воспитательный процесс казанских педагогических техникумов, о чем свидетельствует протокол № 7 заседания совета от 24 апреля 1928 г., где с докладом выступил заведующий учебной частью чувашского педтехникума Ф.Т. Таябинский. В этом техникуме, как в дореволюционное время в Симбирской чувашской учительской школе, учились не только чуваша, но и мари, вотяки, представители других национальностей. В решении совета, в частности, говорится, что «все национальные педтехникумы Казани (чуваш, крышен, татар) должны быть обращены в опытно-показательные педтехникумы ВПИ». В связи с этим совет просил областные отделы народного образования Марийской области и Вотякской области, Народный комиссариат просвещения Чувашской АССР «командировать в ВПИ педагогов для прослушания национальных дисциплин» [5, с.49–50].

Важным направлением работы чувашского отделения в конце 1920-х гг. становится подготовка преподавательских кадров из собственных воспитанников. Из резолюции чувашско-марийской секции методической конференции ВПИ от 6 марта 1929 г., написанной Н.В. Никольским, видны направления этой деятельности: «Принимая во внимание отсутствие научных исследователей по чувашеведению и мариведению, признать необходимым при национальных отделениях института аспирантуры – по 2 человека» [5, л.142об.]. «По чувашскому отделению пригласить на работу по кафедре чувашской диалектологии частично чувашского языка Т.М. Матвеева, сняв его с работы по НКП ЧАССР и обеспечив дотацией ежегодной от ЧАССР» [5, с.143].

Из документов явствует, что преподаватели пытались обеспечить для своих будущих преемников приемлемые бытовые условия. Из протокола заседания учебно-методической комиссии Чувашского отделения от 11 марта 1930 г. узнаем, что «ассистенты-выдвиженцы живут в тесных и холодных помещениях, получают обычную студенческую стипендию и не имеют дотаций, какими располагают, например, студенты-выдвиженцы Марийского отделения», поэтому комиссия просит дирекцию ВПИ об обеспечении ассистентов-выдвиженцев дотацией каждому хотя бы по 15 рублей в месяц и о предоставлении им более благоприятных для занятий жилищных условий...» [6, с.43]. Заметно, что надежды на помощь от госорганов ЧАССР было мало, по-видимому, руководство Чувашского отделения уже знает, что с нового учебного года начинает функционировать Чувашский педагогический институт в Чебоксарах. Протокол подписан заведующим отделением И.Е. Ефимовым² и секретарем Н.В. Никольским. Здесь же, без указания даты, – список студентов II курса, среди них известный чувашский прозаик, поэт Виктор Ефремович Рзай (окончил в 1933 г. Татарский педагогический институт) и будущий народный поэт Чувашской АССР Петр Петрович Хузангай (получил диплом ВПИ в последний год его деятельности) [6, с.53].

Имеющийся в рукописном фонде Н.В. Никольского отчет о работе чувашского отделения за 1928–1929 академический год представляет особый интерес, так как мы не располагаем отчетом за 1929–1930 гг. Возможно, его и не было, так как бессменный секретарь общепедagogических советов, конференций, заседаний, секретарь совета лингвистических отделений и чувашского отделения Н.В. Никольский, как мы выше сообщали, был арестован, а чувашское отделение было закрыто в 1931 г. Итак, в отчете Н.В. Никольский зафиксировал: «Если в 1927 г. разработка национальных дисциплин, соответственно запросам с мест, ставилась как задача только национальным отделениям, то теперь этот вопрос вступил в фазу значительного расширения: востокизация всего вуза – вот девиз настоящего момента, увязка с 5-летним планом хозяйственного и культурного строительства национальных республики и областей на всех отделениях вуза» [6, с.55]. Из документа узнаем, что руководящий состав чувашского отделения практически остался прежним. У администрации отделения имелось бюро в составе председателя профессора Н.И. Ашмарина и секре-

² Ефимов Иван Ефимович окончил Казанский педагогический институт (1929). С июня 1920 по 1925 – областной военный комиссар Чувашской автономной области. В 1925 избран заместителем Председателя ЦИК и назначен наркомом внутренних дел Чувашской АССР, в этом же году направлен на учебу. С конца 1920-х гг. на научно-педагогической работе: доцент, заместитель директора Казанского педагогического института. [...]. – Клементьев В.Н. Ефимов Иван Ефимович // Чувашская энциклопедия. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С.575–576.

таря профессора Н.В. Никольского. А «вопросы, требующие обсуждений всего коллектива, вносятся в совет национальных отделений (чувашиского и марийского), где председателем состоит профессор Н.И. Ашмарин, а секретарем профессор Н.В. Никольский» [6, с.55]. Кроме этих органов [администрации или управления отделением] были еще заведующие кабинетами. Кабинетом чувашеведения заведовал проф. Н.В. Никольский, а кабинетом методики чувашского языка и литературы – доцент Г.И. Комиссаров. «У первого имелись помощники из студентов: ассистенты-выдвиженцы И.К. Куприянов, М.Н. Никольский и Н.С. Павлов³, по кабинету методики – студенты IV курса Андреев и Павлов» [6, с.56].

Н.В. Никольский в отчете тезисно информирует об основных вехах чувашского отделения и о перипетиях изменений учебных планов, которые происходили практически ежегодно. Представляют особый интерес данные о научно-исследовательской работе преподавателей: «Профессор Н.И. Ашмарин читал чувашский язык на II к., диалектологию чувашского языка, сравнительное тюрко-татарское языкознание. Для курса чувашского языка пособиями для студентов были работы Н.И.А.: а) «Материалы для исследования чувашского языка». [...] Учение о звуках» (фонетика), [...] «Учение о формах (морфология)», [...] «Опыт исследования чувашского синтаксиса». [...] По чувашскому диалектологию студенты пользовались записками самого профессора. [...] Проф. Н.В. Никольский читал курс по чувашскому фольклору на III курсе и экономгеографию ЧАССР на II курсе. Каких-либо специальных руководств по этим дисциплинам не было. И тот, и другой курсы разрабатывались на основе того сырого материала, какой собран был (1900–1927 гг.) [...] Доцент Г.И. Комиссаров читал курс «История чувашской литературы» (на IV курсе), а также «Методику чувашского языка и литературы». [...] Руководств и пособий на чувашском языке не было. Г.И.К. разрабатывал курсы на основании того сырья, которым он располагает в достаточной степени. Однако категорически заявляет в своем отчете: «В будущем, когда будет издан мой курс истории чувашской литературы, над которым я сидел в этом году и еще продолжаю сидеть, работа студентов при подготовке семинарских докладов безусловно будет обеспечена, и вообще изучение курса истории чуваш-

³ Павлов Николай Степанович – литературовед, кандидат филологических наук (1960), доцент (1960). Окончил отделение чувашского языка и культуры ВПИ (1930). В 1942–63 преподавал в Чувашском государственном педагогическом институте, одновременно в 1947–62 декан историко-филологического факультета. В 1963–70 в НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР: старший научный сотрудник, заведующий сектором литературы и фольклора. Автор научных работ по истории чувашского литературоведения и критики, драматургии и публицистике, в т. ч. 2 монографий, наиболее известная из которых – «Краткий очерк истории чувашского литературоведения и критики» (1970). – Родионов В.Г. Павлов Николай Степанович // Чувашская энциклопедия. Т.3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С.357.

ской литературы получит надлежащее оформление» [6, с.59]. [...] Доцент В.Е. Егоров читал пропедевтический курс чувашского языка на I курсе. Разработал «Введение в изучение чувашского языка», работу безусловно ценную по языкознанию». Николай Васильевич отмечал, что кабинет чувашеведения имеет библиотеку в количестве 2000 корешков (книг), а в кабинете методики языка и литературы – 1100 корешков [6, с.65].

Подытоживая наш анализ части огромного пласта материалов о Чувашском отделении ВПИ, констатируем: несмотря на то, что эта структура существовала всего четыре года, она внесла огромный вклад в развитие высшего образования соплеменников; отделение явилось базой для формирования чувашских гуманитарных дисциплин в Чувашском государственном педагогическом институте; корифеи чувашеведения Н.И. Ашмарин, В.Е. Егоров, Г.И. Комиссаров, Н.В. Никольский в стенах ВПИ создавали свои известные научные труды (к сожалению, часть из них до сих пор не издана); история чувашского отделения ВПИ ждет своих исследователей для дальнейшего глубокого и всестороннего освещения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Вандер*. Чăваш республикине хăш района кĕртмеллине сÿтсе яватпăр. Совет Союзнe сĕнелле районланă хыçсăн Чăваш республикин аста пулмалла? [Обсуждаем вопрос о вхождении Чувашской республики в какой-нибудь район. Где должна быть Чувашская республика после нового районирования Советского Союза?] // Канаш. 1928. 15 августа. №156.

2. *Комиссаров (Вандер) Г.* Автобиографические записки (мои мемуары) [рукопись] // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 492.

3. *Леонтьев А.П.* «Уголовное дело» Н.В. Никольского // КИЛ. 2008. №3. С.71–82.

4. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 103.

5. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 300.

6. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 317.

7. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 323.

8. Никольский Н. Ректору Казанского университета // КИЛ. 2008. №3. С.71–82.

9. Никольский Н.В. Анализ посевного материала Чувашской АССР [рукопись] // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Ф.6. Оп.1. Д.9.

10. *Родионов В.Г.* Комиссаров Гурий Иванович // Чувашская энциклопедия. Т.2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008.

11. *Симулин А.М.* Восточный педагогический институт // Чувашская энциклопедия. Т.1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006.

12. *Хузангай А.П.* Ашмарин Николай Иванович // Чувашская энциклопедия. Т.1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006.

13. *Хузангай А.П.* Егоров Василий Георгиевич // Чувашская энциклопедия. Т.1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006.

Информация об авторе:

Леонтьев Алексей Петрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация); e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

Поступила 06.10.2022

Принята к публикации 30.11.2022

Chuvash department of the Eastern Pedagogical
Institute (by the manuscript fund of N.V. Nikolsky)

A.P. Leontiev

*Chuvash State Institute of Humanities
Cheboksary, Russian Federation*

The article analyzes the activities of the Chuvash department of the Eastern Pedagogical Institute in 1926–1930. The sources of the article were the materials of the Manuscript Fund of Professor N.V. Nikolsky in the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. There are reports, protocols, reviews, correspondence and other documents that reveal the role of N.I. Nikolsky, N.A. Ashmarin, G.I. Komissarov, V.E. Egorov in the development of higher education in the Chuvash ASSR. The research activity in the Chuvash department was particularly noted.

Keywords: N.V. Nikolsky's manuscript archive, higher education of the Chuvash, Chuvash department of the Eastern Pedagogical Institute

For citation: Leontiev A.P. Chuvash department of the Eastern Pedagogical Institute (by the manuscript fund of N.V. Nikolsky). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp. 91–110. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.91-110> (In Russian)

REFERENCES

1. Vander. Chävash respublikine khäsh rayona kërtemelline sýtse yavatpär. Sovet Soyuzne çenëlle rayonlanã khyççän Chävash respublikin açta pulmalla? (Obsuzhdaem vopros o vkhozhdenii Chuvashskoy respubliki v kakoy-nibud' rayon. Gde dolzhna byt' Chuvashskaya respublika posle novogo rayonirovaniya Sovetskogo Soyuza?) [We are discussing the question of the entry of the Chuvash Republic into some region. Where should the Chuvash Republic be after the new zoning of the Soviet Union?]. *Kanash*, 1928, 15 avgusta, №156. (In Chuvash)

2. Komissarov (Vander) G. Avtobiograficheskie zapiski (moi memuary) [rukopis'] [Autobiographical notes (my memoirs) [manuscript]]. *Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN)* [Scientific archive of the Chuvash State Institute for the Humanities]. Otd. I. Ed. khr. 492. (In Russian)

3. Leont'ev A.P. «Ugolovnoe delo» N.V. Nikol'skogo [“Criminal case” of N.V. Nikolsky]. *KIL*, 2008, №3, pp.71–82. (In Russian)

4. NA ChGIGN [Scientific archive of the Chuvash State Institute for the Humanities]. Otd. I. Ed. khr. 103. (In Russian)
5. NA ChGIGN. Otd. I. Ed. khr. 300. (In Russian)
6. NA ChGIGN. Otd. I. Ed. khr. 317. (In Russian)
7. NA ChGIGN. Otd. I. Ed. khr. 323. (In Russian)
8. Nikol'skiy N. Rektoru Kazanskogo universiteta [To Rector of the Kazan University]. *KIL*, 2008, №3, p.71–82. (In Russian)
9. Nikol'skiy N.V. Analiz posevnogo materiala Chuvashskoy ASSR [rukopis'] [Analysis of the sowing material of the Chuvash ASSR [manuscript]]. *Otdel rukopisey i redkikh knig Nauchnoy biblioteki im. N.I. Lobachevskogo Kazanskogo federal'nogo universiteta*. F.6. Op.1. D.9. (In Russian)
10. Rodionov V.G. Komissarov Guriy Ivanovich. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]: in 4 vol. Vol.2: Zh – L. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo, 2008. (In Russian)
11. Simulin A.M. Vostochnyy pedagogicheskiy institut [Eastern Pedagogical Institute]. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]: in 4 vol. Vol.1: A – E. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo, 2006. (In Russian)
12. Khuzangay A.P. Ashmarin Nikolay Ivanovich. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]: in 4 vol. Vol.1: A – E. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo, 2006. (In Russian)
13. Khuzangay A.P. Egorov Vasiliy Georgievich. *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]: in 4 vol. Vol.1: A – E. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izd-vo, 2006. (In Russian)

About the author:

Leontiev Alexey Petrovich – Cand. Sci. (history), Research Fellow, Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary, Russian Federation); e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

Received October 6, 2022

Accepted for publication November 30, 2022

Социально-экономическое положение студенчества
Восточного педагогического института в 1920-е гг.

А.И. Першина

*Лицей №273 им. Л.Ю. Гладышевой
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье исследуется социально-экономическое положение студенчества на примере Восточного Педагогического института в 1920-е гг. Обращается внимание на жилищную проблему и способы её решения, а также на основные вопросы, касающиеся социального обеспечения студентов: условия получения стипендии, льготного проезда, медицинского сопровождения. Особое внимание уделяется работе благотворительной организации «Европейская студенческая помощь», действовавшей от имени известного путешественника и филантропа Ф.Нансена.

Ключевые слова: высшее педагогическое образование, студенчество в 1920-е гг., Восточный педагогический институт, ранняя советская повседневность, студенческий быт в 1920-е гг., жизнь студентов после революции, миссия доктора Ф.Нансена, «Европейская студенческая помощь»

Для цитирования: Першина А.И. Социально-экономическое положение студенчества Восточного педагогического института в 1920-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.111–122. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.111-122>

Для понимания социально-экономического положения студенчества в 1920-е гг. важно представлять условия их существования в этот период. Огромный людской поток, наводнивший Казань во времена НЭПа требовал от города скорейшего решения жилищной проблемы, которая естественным образом затронула и многочисленное студенчество, в том числе и учащихся Восточного педагогического института (далее ВПИ). Одним из самых выгодных вариантов решить жилищный вопрос считалось получение места в общежитии. К концу 1920-х гг. в Казани насчитывалось семь студенческих общежитий с общей площадью 6517 кв. метров, где проживало 1317 человек [24, с.176]. Строительство новых студенческих общежитий долгое время не велось. Здания уже существующих общежитий были переполнены. Поэтому городские власти передали вузам здания бывших гостиниц: «Волга», «Свет», «Киев».

Наиболее удобными для проживания учащихся вузов Казани считались общежития №1 (Лобачевское) и №4, имевшие статус студенческих еще до революции. Условия проживания в общежитиях №2, 3, 6 и 7 друг от друга не отличались: «пыль, паутина на стенах, потолках и окнах, полы грязны» [15, с.2].

О фактах нарушения санитарно-гигиенических норм, имевших место в общежитиях на всем протяжении исследуемого периода не раз упоминалось в студенческой печати. Так, администрация одного из общежитий позволяла студентам пользоваться уборными (санузлами) только по воскресеньям и праздничным дням. Проблема чистого белья была насущной для студенчества. Как отмечали сами учащиеся, «девчата еще кое-как справляются с бельем, а ребятам приходится совсем плохо: сами стирать не умеют, а прачки берут по 15 копеек за штуку». Однако, студенты не теряли оптимизма, предлагая в обстановке, когда в общежитиях неделями не было воды, «умываться в Кабанае или, что несравненно приятнее и удобнее, совсем не умываться» [1, с.2].

Большую помощь молодым людям оказывали действовавшие в городе землячества: чувашское, марийское, вотское (удмуртское), которые имели возможность разместить некоторое количество учащихся в своих помещениях.

Пространство общежитий было благодатной почвой для наблюдения за настроениями студентов. На закрытых партийных собраниях вуза не раз поднимался вопрос о том, что «настроения живущей в общежитии студенческой массы поверхностно-удовлетворительное. Но в скрытой форме чувствуется недовольный ропот, который может прорваться» [8, л.46].

Всего 40% нуждавшихся студентов имело место в общежитии [23, л.219], остальным, для удовлетворения жилищных нужд, приходилось прибегать к услугам частного сектора. При оплате арендованного жилья учащиеся учебных заведений, в том числе и студенты вузов, были приравнены к категориям рабочих и служащих. Размер платы зависел от нескольких условий: удаленности от центра, наличия или отсутствия электричества, водопровода, канализации.

Одним из самых радостных моментов в жизни казанского студента можно было считать предоставление ему возможности жить в собственной комнате. Сохранились воспоминания Е.А. Ивановой, внучатой племянницы Ф.М. Достоевского, учившейся в 1920-е гг. в Восточном педагогическом институте: «С осени я живу не в углу, а в своей собственной комнате. Живу в Ивановском монастыре, в келье. Комната крошечная, низкая – в окне одна рама, входная дверь не затворяется, как следует, дует... но это все пустяки. Зато своя собственная комната. Если говорить простым языком – то попросту самая плохонькая комнатка на чердаке...» [4, с.289].

В случае, если ситуацию с жильем решить не удавалось, молодые люди были вынуждены возвращаться домой. В отчетах с сожалением отмечалось, что «много студентов преимущественно татар, узбек, башкир, прибывших из деревень и далеких окраин, не имеющих никаких связей в городе, оставшись без помещения, вынуждены уходить из города и уезжать домой...» [16, л.43].

Восстановить полную картину заболеваний и медицинской помощи студентам Восточного педагогического института 1920-х гг. не представля-

ется возможным ввиду недостатка источников. Однако, на основе имеющихся в личных делах медицинских справок возможно выявить наиболее распространенные среди учащихся заболевания: тиф, малярия, малокровие, неврастения, туберкулез. Каждый девятый студент, поступивший в ВПИ в 1922 г. переболел к этому времени тифом в разных формах: сыпным, брюшным и возвратным. Как свидетельствуют источники, на всем протяжении исследуемого периода амбулаторное обследование студенческого состава состоялось лишь однажды, в 1927 г. Из 236 человек, обратившихся за помощью, здоровыми были признаны 72 человека [9, л.27об.].

Необходимость улучшения поправки здоровья студентов становится очевидной. Поэтому руководство вуза старалось направлять их на отдых и лечение в санатории и дома отдыха. Однако этот вид социальной поддержки был редкостью. В 1926 г. лишь 26 студентов педагогического института смогли воспользоваться путевкой.

Постепенно, к концу 1920-х гг. набирает обороты интерес к физкультурному движению. Так, в 1926/27 учебном году силами студентов-энтузиастов в институте был создан кружок физической культуры. Занимались в основном баскетболом, а в зимнее время организовывали лыжные прогулки. С введением высшей допризывной подготовки в институте стала осуществляться подготовка к соревнованиям по гимнастике, футболу, волейболу, лыжным гонкам. В результате уже к концу 1928 г. кружок насчитывал 42 человека. В марте 1928 г. команда ВПИ была 3-м призером стрелковых соревнований секций Осовиахима и физкультурников Казани, а также первенствовала в смешанной лыжной эстафете. В марте 1929 г. женская команда по спортивной гимнастике заняла первое место в общегородских соревнованиях [3, с.35–36].

Даже несмотря на некоторые позитивные тенденции в области физкультуры и спорта к началу 1931 г. проблема решена не была. В институте отсутствовала собственная спортивная база, поэтому спортзал приходилось арендовать у Татарского коммунистического университета (далее ТКУ). Нередко занятия проводились в актовом зале самого института, который на время превращался учащимися в некое подобие футбольного поля. Студенты, занимавшиеся в соседнем с залом кабинете ленинизма, с горечью отмечали, что из-за постоянного шума «ни ленинизм, ни история партии не идут в голову» [14, л.58].

Здоровье студентов напрямую зависело от того, чем питались молодые люди. Масса публикаций периодической печати отличала крайне негативную оценку, как внешнего вида студенческих столовых, так и их работы. Питались, как правило, лишь госстипендиаты, получавшие кредитные талоны на обед и ужин. Так, о столовой казанского рабфака, обслуживавшей одновременно сразу два общежития, говорилось буквально следующее: «Приходится стоять в очереди за обедом почти по часу. Постоишь, час в очереди – получишь свою порцию, а сесть негде. Обедай стоя или еще жди. Обеды очень однородны, чуть ли не неделю дают одно и то

же блюдо. Да и варят то неважно, другой раз такой суп дадут, что и не притронешься. А с ужином дело обстоит еще хуже!».

Дополнить изучение данного вопроса может анализ меню студенческих столовых, организованных иностранными организациями, работавшими в Советской России во время голода 1921–1923 гг. В период с сентября по декабрь 1922 г. цены на товары первой необходимости – хлеб, картофель, крупу, выросли в среднем в три раза. Стало понятно, что государство не в состоянии справиться с бедствием самостоятельно. На призыв о помощи откликнулись различные иностранные организации, самой крупной из которых была Американская администрация помощи (АРА). О работе других организаций, таких, например, как «European Student Relief» (Европейская студенческая помощь – ЕСП) имеются лишь отрывочные сведения. Свою историю ЕСП начала в 1920 г. в составе всемирной студенческой христианской федерации. Центральный офис располагался в Швейцарии, в Женеве. Всемирная студенческая христианская федерация была основана американским миссионером Джоном Моттом в 1895 г. Мотт в 1946 г. был удостоен Нобелевской премии мира. Федерация существует в настоящее время и включает в свой состав ряд православных, протестантских и католических организаций. ЕСП имела собственные бланки и печать. В центре круглой по форме печати размещалось изображение двух земных полушарий, объединенных лентой с девизом на латинском языке «UT OMNES UNUM SINT!» – «Все должно быть едино!». Надписи на русском и английском языках: «Европейская студенческая помощь – European Student Relief» [19, л.28].

Появление ЕСП в России стало возможным после того, как 20 августа 1921 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между правительством РСФСР и АРА, и через неделю аналогичного документа с доктором Нансенем, представляющим международный Комитет помощи России (МКПР). ЕСП, согласно договору, могла осуществлять продовольственную помощь, организуя бесплатное питание российских студентов в столовых. Первые из которых были открыты в Самаре в начале мая 1922 г. Далее в течение 1922–1923 гг. питание было организовано в Саратове, Харькове, Казани, Томске, Новочеркасске, Ростове на Дону, Симферополе, Астрахани и Пензе. Казанский комитет ЕСП начало свою работу в октябре 1922 г. [6, л.161об.]. Руководителями отделения в Казань были направлены англичанин Лионель В.Харфорд и голландец Коепер. Е.С. Гинзбург, учившаяся в этот период в казанском университете, вспоминала: «Студенты почти сразу же начали называть его «Летучим Голландцем». Не только потому, что он был родом из Голландии, но и потому, что в его облике было что-то фантастическое. Он был огромного роста, но тонок в кости. Его голова на длиннющей шее так высоко поднималась над уровнем всех наших голов, что он всегда смотрел как бы мимо и вверх, тем более что был страшно близорук, и толстые выпуклые линзы закрывали его глаза. Ходил он в длинной, неуклюжей меховой дохе, с которой он не

расставался, конечно, и в наших нетопленных помещениях» [5, с.89]. С советской стороны в комитет должны были войти один представитель местных органов власти и четыре представителя студенчества [21, л.22–23].

Столовые работали шесть дней в неделю. Рацион питания был довольно разнообразным: рис, пшено, просо, бобовые, картофель, мясо, какао и т.д. Часть продовольствия завозилась в голодающий регион из-за границы, остальное закупалось на деньги организации на местном рынке. Калорийность студенческих обедов, состоявших из двух блюд, составляла в среднем 1501–1519 килокалорий. Вот примерное меню тех лет: на первое – рисовая или пшенная каша с мясом и какао, на второе – овощной или бобовый суп с просынным пудингом и чаем и т.д. Заботы о содержании столовых ложились на плечи самих студентов, в обязанности которых входило содержание обслуживающего персонала, текущий ремонт помещений и т.д. Нередко учащиеся привлекались к работе в столовых в качестве чернорабочих.

Всего в период с октября 1922 г. по июнь 1923 г. благодаря действиям казанского комитета ЕСП удалось организовать работу трех студенческих столовых, обслуживавших в общей сложности 1400 учащихся [6, л.112об.].

Вторым направлением деятельности ЕСП стало распределение одежды, собранной студентами европейских стран (Англии, Ирландии и Голландии) для «советских товарищей», которая, как правило, была уже в употреблении. В первую партию одежды, присланной иностранными студентами в Казань, вошло 650 пакетов женского и 500 мужского белья. Вместе с комплектами доставили около 70 мужских пальто и 40–50 костюмов, около 7 одеял, некоторое количество отрезков, шлемы, платки [7, л.333об.]. Из поступивших в распоряжение комитета вещей составлялись комплекты, которые распределялись между учащимися через лотерею [7, л.371об.]. В один комплект одежды входили: пара ботинок, брюки, пиджак, комплект белья и т. д.¹

Помимо вышеперечисленных направлений деятельности ЕСП занималась обеспечением советских вузов необходимой литературой. Для этого каждый факультет должен был составить список наиболее необходимых книг и журналов. Вузы могли заказывать как русскую, так и иностранную литературу.

Стремление государства в первые годы существования Советской власти организовать поддержку всем студентам оказалось довольно затруднительно реализовать на практике. Поэтому государство перешло к

¹ В мае 1923 г. после проведения лотереи в распоряжении комитета осталось некоторое количество одежды и ботинок. Коепер информировал собравшихся о ходатайстве, поступившем со стороны команды футболистов при Наркомпросе, с просьбой выдать 50 пар ботинок. Посоветовавшись, члены комитета решили: ботинки не выдавать, т.к. они для футбола были не пригодны // ГА РТ. Ф.41. Оп.1. Д.152. Л.371об.

обеспечению государственными стипендиями только лиц пролетарского происхождения и студентов старших курсов. Для того чтобы стать кандидатом на получение стипендии абитуриент (студент) должен был написать заявление и заполнить «Анкету для определения на государственную стипендию студентов вуза». Главная цель документа заключалась в отражении всех этапов жизни абитуриентов для определения его социального происхождения и отношения к новой власти [2, с.418].

Стипендии были разделены на три категории: государственные, хозяйственные и частные. Существовала также практика пожертвований от частных лиц не только в денежной форме, но и продуктами. В октябре 1926 г. Центральная стипендиальная комиссия издала декрет, по которому за основу оценки студента, как кандидата на стипендию, помимо академической успеваемости и степени нуждаемости, бралась во внимание его востребованность как специалиста и общественного работника.

В 1921/1922 учебном году стипендия состояла из 5 рублей в месяц и продовольственного пайка, выдававшегося чаще всего в виде сырых продуктов. В 1923 г. норма пайка для высших педагогических учебных заведений составляла 60 фунтов муки, 15 фунтов мяса, круп, муки 7,5 фунта, 2,5 фунта масла [22, л.222].

Главпрофобр Наркомпроса РСФСР определил следующий порядок обеспечения стипендиями в первую очередь: 1) рабфаковцы, 2) рабочие и крестьяне, имеющие стаж физического труда не менее пяти лет; 3) студенты, имеющие ответственный профсоюзный, общественно-административный и военно-политический стаж не менее пяти лет. Однако, по данным А.Ф. Шевченко, реальный размер госстипендии в провинциальных вузах в условиях постоянного обесценения денежных знаков в 1922/23 г. составлял на твердую валюту всего 70 коп. в месяц [25, с.340], при норме 5 руб.

Помогали студентам и хозяйственные стипендии, которые устанавливались различными организациями и учреждениями. Студент, желающий получить стипендию какого-либо учреждения, заключал с ним договор, согласно которому молодой человек после окончания вуза должен был отработать затраченные на него средства.

В 1924/25 г. хозяйственные стипендии составляли от 10–15 до 100–120 руб., в среднем 40–50 руб. В целом, размер стипендий зависел от месторасположения вуза в одном из так называемых двух «поясов дороговизны»: в первый входили обе столицы и рабочие центры, во второй – вся провинция. В 1928 г. была введена дифференциация по видам вузов и курсам обучения. Размер стипендии напрямую зависел от того, на каком курсе обучается студент. Приоритет отдавался учащимся индустриальных вузов, чья стипендия хоть и ненамного, но была выше, чем у всех остальных.

Для педагогического института было характерно небольшое количество студентов, получающих хозяйственную стипендию, размер которой варьировался от 8 до 22 руб. [10, л.56об]. Процент студентов, получающих частные (хозяйственные) стипендии на всем протяжении исследуемого

периода продолжал сокращаться и в результате достиг 2%, лишь каждый 43-й студент ВПИ имел возможность получить данный вид помощи.

После окончания работы стипендиальных комиссий, как правило, следовал поток заявлений-апелляций с просьбами о пересмотре решений. В комиссию поступали многочисленные доводы и сведения от отдельных людей, профсоюзов, комсомольских или партийных ячеек с требованием назначить претенденту стипендию. Распространены были и анонимки, их анализ позволяет сделать выводы о том, что написавший подобный документ, как правило, был хорошо осведомлен как об учебной, так и внеучебной деятельности объекта.

В 1928/1929 учебном году в Наркомпросе РСФСР был подсчитан приблизительный ежемесячный бюджет одного студента. Из него следовало, что при минимальных затратах учащимся необходимо было иметь на руках 63 руб. 84 коп., в то время как размер стипендии составлял от 30 до 45 руб., в зависимости от типа вуза и курса.

«Бедственное» материальное положение сказывалось и на формах проведения досуга. Как правило, имеющееся в распоряжении свободное время, большинство студентов ВПИ тратило на поиск работы. Вследствие денежных средств учащиеся зачастую лишались возможности посещать театр и кино: «Живем в комнате, не выходя никуда. Такая жизнь с материальными недостатками воспитывает в нас зависть, скупость, эгоизм. Характер становится замкнутым» На вопрос с чем это связано молодые люди давали самый распространенный в то время ответ – «не на что» [1, с.2].

Система социальной поддержки студенчества в 1920-е гг. включала в себя и льготный проезд учащихся на дальние расстояния. Наркомпрос совместно с Народным комиссариатом путей и сообщений регулярно разрабатывали циркуляры и инструкции о бесплатном проезде учащихся по железным дорогам и водным путям СССР. Для того чтобы воспользоваться подобным видом государственной поддержки студенту необходимо было написать заявление, в котором чаще всего указывались цели и место, реже дальность и причины поездки. Затем администрацией вуза принималось решение о размере предоставляемой льготы от 25 до 100%. Стоимость бланка талона на проезд оплачивалась студентом.

Оплата проезда была возможна в следующих случаях: 1) каникулярный отпуск; 2) выезд к месту проведения производственной практики; 3) и экскурсии. Удостоверения на проезд на каникулы выдавались два раза в год. Студенты имели право воспользоваться лишь плацкартными вагонами.

Льготный проезд устанавливался и для групп студентов, направляющихся на экскурсии. В распоряжении Главпрофобра от 8 января 1926 г. оговаривались условия проезда по железной дороге и водным путям. В первом случае учащиеся могли воспользоваться 50% скидкой, предоставляемой Главпрофобром, а во втором размер льготы каждое пароходство, осуществлявшее перевозку, устанавливало самостоятельно. В 1928 г. сту-

денты 4 курса татарского и чувашских отделений ВПИ получили 100% скидку на проезд на экскурсию в Ленинград и Москву [12, л.108].

В 1926 г. был установлен бесплатный проезд студентов к месту производственной практики. В 1930 г. правила были пересмотрены, и проезд студентов к месту практики стали оплачивать учебные заведения [13, л.7об].

В первой половине 1920-х гг. широкое распространение получили такие массово-политические мероприятия как недели помощи пролетарскому студенчеству. Их проведение, по мнению организаторов, должно было ликвидировать «старый традиционный взгляд на студенчество, как на некий паразитический элемент» [26, с.2]. Учащиеся выезжали в кантоны республики с концертными программами, занимались проведением вечеров с целью сбора средств. В октябре 1923 г. была проведена всесоюзная неделя помощи пролетарскому студенчеству, в рамках которой в Казани прочитаны лекции, даны спектакли и концерты. Осенью следующего года было основано Всесоюзное общество помощи пролетарскому студенчеству, сыгравшее большую роль в улучшении условий жизни и учебы учащихся вузов. Общество заботилось об увеличении числа стипендий, создании общежитий, столовых, обеспечении льготных условий приобретения студентами учебников и т.д.

Учащимся также было разрешено проведение так называемых «кружечных сборов» и сборов по подписным листам. В рамках таких недель предусматривались различные льготы организациям, выделявшим средства на студенческие нужды. Учащимся направлялись также средства, выручаемые от проведения некоторых развлекательных мероприятий.

Помимо государственной поддержки учащиеся старались организовать помощь нуждающимся товарищам собственными силами. Существовало несколько видов студенческой самопомощи: кассы взаимопомощи (КВ), студенческие кооперативы, бюро труда, работа землячеств.

В 1922 г. в ВПИ была организована касса взаимопомощи, а в следующем году был разработан ее устав. Цель заключалась в содействии улучшению экономического положения наиболее нуждающихся студентов. Стать членом можно было, написав заявление и внося вступительный взнос в размере 1 руб. Бюджет кассы взаимопомощи складывался из средств, полученных от вступительных и членских взносов, пожертвований, лекций, концертов, диспутов, сборов по подписным листам.

Спектр оказываемых услуг был обширным: выдача ссуд на срок от 1 до 1,5 месяцев, (в исключительных случаях (тяжелая болезнь) они выдавались безвозмездно), выдача хлебопродуктов и медикаментов. Особо нуждающиеся студенты могли воспользоваться услугами студенческого кооператива, как со скидками, так и совершенно бесплатно. Многие студенты вообще не получали стипендию на руки: она из кассы бухгалтерии вуза напрямую перечислялась в КВ. Такая система позволяла учащимся пи-

таться от стипендии к стипендии в вузовских буфетах и столовых, и приобретать канцтовары, одежду, учебные пособия в кредит.

Одним из направлений деятельности касс взаимопомощи была организация платных лекций совместно с профессорско-преподавательским составом вузов. Полученные средства от них поступали в распоряжение кассы. Так, в марте 1923 г. в актовом зале университета состоялась лекция профессора В.Т. Дитякина «Интеллигенция на распутье» [17, л.2об.].

Как видно из отчета кассы взаимопомощи ВПИ за 1923 г., основная часть заявлений с просьбами о помощи поступила от беспартийных студентов. В первую очередь были удовлетворены просьбы связанные с выдачей муки и денежных ссуд. В 1927–1928 учебном году в студенческую КВ было подано более 1000 заявлений, но удовлетворить все не представлялось возможным. Размер помощи составлял от 1 до 10 рублей [11, л.27об.].

Наряду с кассами взаимопомощи при вузах действовали бюро труда. Их основными задачами были постановка на учет безработных студентов и последующий поиск для них подходящих вариантов работы. В 1923 г. основную часть безработных составляли школьные работники, 161 человек. Работой было обеспечено лишь пять человек. В 1924 г. количество безработных значительно увеличилось, составив и составило 262 человека. В результате мероприятий бюро труда часть студентов были устроены на работу в артели репетиторов, переплетчиков, пакетчиков, статистиков и страховых агентов [18, л.20].

Активную помощь учащимся оказывали землячества. Целью подобных организаций была всесторонняя поддержка своих членов. Активную позицию занимали власти национальных республик и областей, чьи представители состояли в землячествах. Так, Чувашская АО(ЧАССР) и Марийская АО помогали общежитиям и студентам, живущим на частных квартирах дровами [20, л.1].

До революции одним из способов дополнительного заработка для студентов были «уроки», но в 1920-е гг. репетиторство в силу многих обстоятельств отошло на второй план. Подрабатывать этим видом интеллектуального труда удавалось лишь немногим студентам, поскольку рынок был занят безработными педагогами. Наиболее распространенной формой заработка для студента стал труд физический, труд разнорабочего, во многом случайный и низкооплачиваемый.

1920-е гг. стали временем становления нового государства и всевозможных экспериментов в области образования в целом и высшего педагогического образования в частности. Восточный педагогический институт, став крупнейшим вузом по подготовке педагогических кадров в Поволжье, несмотря на ряд озвученных выше проблем, все же смог наладить подготовку и выпуск будущих учителей в непростое для страны время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абрамкин Д.* Житье-бытье рабфаковцев // На вузовской стройке. 1929. №3.
2. *Амалиева Г.Г.* «Сочувствую РКП (б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...»: Социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е годы // Советская социальная политика 1920-х–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П.Романова, Е.Ярской-Смирновой. М., 2007. С.414–430.
3. *Бобырев Н.Д.* История физической культуры и спорта в казанском педагогическом университете (1876–1949) // Музейный вестник КГПУ. Казань, 2004. Вып. 1. С.35–36.
4. *Волоцкий М.В.* Хроника рода Достоевских. М., 1933. 442 с.
5. Гинзбург Е.С. Студенты 20-х годов // Юность. 1966. №8. С.85–90.
6. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.41. Оп.1. Д.125.
7. ГА РТ. Ф.41. Оп.1. Д.152.
8. ГА РТ. Ф.Р–1146. Оп.1. Д.4.
9. ГА РТ. Ф.Р–1146. Оп. 1. Д.154.
10. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.28.
11. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.154.
12. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.171.
13. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.275.
14. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.324.
15. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.1. Д.351.
16. ГА РТ. Ф.Р–1487. Оп.6. Д.2.
17. ГА РТ. Ф.Р–1489. Оп.1. Д.2.
18. ГА РТ. Ф.Р–1489. Оп.1. Д.3.
19. ГА РТ. Ф.Р–1489. Оп.1. Д.6.
20. ГА РТ. Ф.Р–1489. Оп.2. Д.11.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.1058. Оп.1. Д.164.
22. ГА РФ. Ф.1565. Оп.6. Д.265.
23. ГА РФ. Ф.5574. Оп.1. Д.39.
24. *Платова Е.А.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху 1917–1927 гг. СПб., 2001. 230 с.
25. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Т.1. Краснодар, 2002. 408 с.
26. С[туденческий] К[омитет] о нуждах студенчества // Красная Татария. 1923. №201.

Информация об авторе:

Першина Алия Ильдаровна – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания, Лицей №273 им. Л.Ю. Гладышевой (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: aliya.pershina.84@bk.ru

Поступила 31.10.2022

Принята к публикации 19.12.2022

The socio-economic status of students
of the Eastern Pedagogical Institute in the 1920s

A.I. Pershina

Lyceum №273 named after L.Yu. Gladysheva

St. Petersburg, Russian Federation

In the paper the socio-economic status of students is studied on the example of the Eastern Pedagogical Institute in the 1920s. Attention is drawn to the housing problem and ways to solve it, as well as to the main issues related to the social security of students: conditions for obtaining scholarships, preferential travel, medical support. Particular attention is paid to the work of the charitable organization "the European Student Relief", which acted on behalf of the famous traveler and philanthropist F. Nansen.

Keywords: higher pedagogical education, students in the 1920s, the Eastern Pedagogical Institute, early Soviet everyday life, student life in the 1920s, life of students after the revolution, doctor F. Nansen mission, the European Student Relief

For citation: Pershina A.I. The socio-economic status of students of the Eastern Pedagogical Institute in the 1920s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.111–122. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.111-122> (In Russian)

REFERENCES

1. Abramkin D. Zhit'e-byt'e rabfakovtsev [Life-mode of life of workers' faculty students]. *Na vuzovskoy stroyke*, 1929, №3. (In Russian)
2. Amalieva G.G. «Sochuvstvuyu RKP (b), tak kak ona dala mne vozmozhnost' učit'sya v vuze...»: Sotsial'naya podderzhka i kontrol' studentov Kazanskogo universiteta v 1920-e gody ["I sympathize with the RCP (b), since it gave me the opportunity to study at a university..."]: Social support and control of Kazan University students in the 1920s]. *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920-kh–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'*. Ed. by P.Romanov, E.Yarskaya-Smirnova. Moscow, 2007. Pp.414–430. (In Russian)
3. Bobyrev N.D. Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta v kazanskom pedagogicheskom universitete (1876–1949) [History of physical culture and sports at the Kazan Pedagogical University (1876–1949)]. *Muzeynyy vestnik KGPU*, vyp. 1, 2004, pp.35–36. (In Russian)
4. Volotskiy M.V. Khronika roda Dostoevskikh [Chronicle of the Dostoevsky family]. Moscow, 1933. 442 p. (In Russian)
5. Ginzburg E.S. Studenty 20-kh godov [Students in the 20s]. *Yunost'*, 1966, №8, pp.85–90. (In Russian)
6. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT) [State Archive of the Republic of Tatarstan]. F.41. Op.1. D.125. (In Russian)
7. GA RT. F.41. Op.1. D.152. (In Russian)
8. GA RT. F.R–1146. Op.1. D.4. (In Russian)
9. GA RT. F.R–1146. Op. 1. D.154. (In Russian)
10. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.28. (In Russian)
11. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.154. (In Russian)

12. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.171. (In Russian)
13. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.275. (In Russian)
14. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.324. (In Russian)
15. GA RT. F.R–1487. Op.1. D.351. (In Russian)
16. GA RT. F.R–1487. Op.6. D.2. (In Russian)
17. GA RT. F.R–1489. Op.1. D.2. (In Russian)
18. GA RT. F.R–1489. Op.1. D.3. (In Russian)
19. GA RT. F.R–1489. Op.1. D.6. (In Russian)
20. GA RT. F.R–1489. Op.2. D.11. (In Russian)
21. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation]. F.1058. Op.1. D.164. (In Russian)
22. GA RF. F.1565. Op.6. D.265. (In Russian)
23. GA RF. F.5574. Op.1. D.39. (In Russian)
24. Platova E.A. Zhizn' studenchestva Rossii v perekhodnuyu epokhu 1917–1927 gg. [The life of students in Russia in the transitional era 1917–1927]. Saint Petersburg, 2001. 230 p. (In Russian)
25. Rozhkov A.Yu. V krugu sverstnikov: zhiznennyy mir molodogo cheloveka v sovetskoj Rossii 1920-kh godov [Among peers: the lifeworld of a young man in Soviet Russia in the 1920s]. Vol. 1. Krasnodar, 2002. 408 p. (In Russian)
26. S[tudencheskiy] K[omite]t o nuzhdakh studenchestva [Student Committee on Student Needs]. *Krasnaya Tatariya*, 1923, №201. (In Russian)

About the author:

Pershina Aliya Ildarovna – Cand. Sci. (history), teacher of history and social studies, Lyceum №273 named after L.Yu. Gladysheva (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: aliya.pershina.84@bk.ru

Received October 31, 2022 Accepted for publication December 19, 2022

Принципы формирования научно-педагогических кадров в 1920-е гг. (на примере вузов Саратова)

Э.Ф. Абубикерова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация*

В статье рассматриваются тенденции формирования научно-педагогических кадров для советской высшей школы в 1920-е гг. Выявлены основные факторы, которые влияли на показатели количественного и качественного состава научно-педагогического сообщества саратовских вузов в рассматриваемое десятилетие. На основе архивного материала анализируется состав научной корпорации по партийной принадлежности. Рассмотрена деятельность органов власти по созданию новой категории ученых из числа рабочих и крестьян, характеризуется система аспирантской подготовки и института выдвиженчества.

Ключевые слова: высшая школа, советская власть, научно-педагогические кадры, состав научной корпорации, Саратов, 1920-е гг.

Для цитирования: Абубикерова Э.Ф. Принципы формирования научно-педагогических кадров в 1920-е гг. (на примере вузов Саратова) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.123–132. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.123-132>

Первая мировая война, революция, а затем и Гражданская война практически полностью парализовали экономику страны, восстановление которой требовало огромного количества специалистов в разных областях науки и техники. Молодое советское государство не имело своей базы подготовки научных кадров, поэтому необходимо было найти пути налаживания отношений и привлечения на свою сторону старых буржуазных специалистов. Руководители страны осознавали, что сотрудничество со старой интеллигенцией неизбежно, и только союз с ней может благотворно повлиять на дальнейшее развитие страны.

Кроме сфер, связанных с восстановлением народного хозяйства, также ощущалась острая нехватка кадров и в области гуманитарных наук. На фоне всеобъемлющей идеологической борьбы и формирования нового советского общества большевикам требовалась целая армия специалистов в области общественных наук. Своей базы специалистов большевики не имели, поэтому без старой интеллигенции обойтись было невозможно. Затруднение было вызвано также и немногочисленностью данной категории специалистов. Так, согласно данным Всесоюзной городской переписи 1923 г., численность их по стране составляла более 200 тыс. человек, причём учёных насчитывалось лишь 8,7 тыс. человек, т.е. всего 3% [22, с.47].

За три года с 1923 по 1924 гг. прирост численности культурно-просветительских кадров увеличился только на 0,8% [21, с.142–143], что не могло полностью удовлетворить потребности большевиков в полноценных кадрах для создания нового общества. Большая часть профессуры относилась к большевикам крайне негативно, что являлось основной сложностью для привлечения их на свою сторону.

Политика новой власти в сфере образования, которая во многом зависела от результатов политической борьбы среди руководителей страны, была весьма неоднозначной и противоречивой и оказывала существенное воздействие на состав научной корпорации, её количественные и качественные показатели, а также на особенности социального происхождения. Особо значимым фактором выступало и тяжёлое материальное положение большинства жителей Советской России, особенно в первой половине 1920-х гг.

В 1920-х гг. сеть вузов и их структура в Саратове, как и в целом по стране, постоянно подвергалась различного рода изменениям: появлялись новые вузы и факультеты, претерпевавшие затем реорганизации, происходило слияние вузов и факультетов, прекращалась и возобновлялась их деятельность. Так, в Саратове на протяжении рассматриваемого периода в качестве основных высших учебных заведений можно выделить следующие: Саратовский государственный университет, Саратовский сельскохозяйственный институт, переименованный в 1924 г. в институт сельского хозяйства и мелиорации, ветеринарный институт и институт красной профессуры.

Численность профессоров и преподавателей в целом по стране за десятилетие имела тенденцию к увеличению. К осени 1919 г. количество профессоров и преподавателей по сравнению с 1916 г. увеличилось в 2,5 раза и составило 4 тыс. 100 человек, а в период с 1919 г. по 1925 г. их численность превысила 14 тыс. человек [26, с.46, 57]. Наибольший рост был отмечен в 1923–1925 гг., когда он составил 22,9%. Это более чем существенное увеличение связано с окончанием Гражданской войны и притоком новых сил, в первую очередь молодежи из рабочих и крестьян. Что касается поступления молодых кадров, то его наивысший показатель отмечается в 1918–1922 гг. и составляет 19,7%, а в 1926–1928 гг. – всего лишь 6,6% [24, с.46]. Большой процент начавших работу именно в 1918–1922 гг., скорее всего, свидетельствует о привлечении партийных кадров к научно-преподавательской деятельности сразу после окончания революции.

На показатели количественного и качественного состава научно-педагогического сообщества саратовских вузов в рассматриваемое десятилетие влияли два основных фактора. Во-первых, стремление большевистской партии к созданию новой категории учёных, когда неугодные кадры вытеснялись из вузовской системы, а во-вторых, низкий уровень жизни большинства преподавателей, заставлявший их подыскивать новые рабочие места, зачастую в других городах.

В начале 1920-х гг. усилилось преследование представителей «старой» вузовской интеллигенции со стороны новой власти. Этот процесс имел место и в Саратовском Поволжье. Многие профессора всё отчетливее стали ощущать нездоровую атмосферу в университете. В личной переписке Н.К. Пиксанова с С.Ф. Платоновым профессор Н.К. Пиксанов делится своими душевными переживаниями и опасениями: «Чем дальше, тем это невыносимее. Хочется бежать куда угодно: в Томск, в Пермь, в Кострому. Как о чём-то виденном во сне вспоминаю о прежней работе в Петрограде, хотя там был не больше как «преподавателем» или приват-доцентом. Постоянно ищущу мыслью, куда бы деться, и, право, петроградское или московское недоедание ничто перед тяготами факультетских интриг в Саратове», «в саратовском факультете мне так тяжело, что я постоянно думаю об эмиграции» [27, с.248, 249].

Неоднократно выступавший против методических нововведений большевистского руководства профессор В.В. Голубев был подвергнут чистке в конце 1920-х гг., руководителем которой был ректор университета, профессор С.З. Каценбоген. В воспоминаниях студента того времени В.А. Ермолаева, присутствовавшего на чистке, содержится подробное описание всего происходящего на собрании. «Ректор обвинял В.В. Голубева в модном тогда грехе – механицизме. Однако все его обвинения рассыпались прахом после того, как выступил В.В. Голубев... Его речь часто прерывалась аплодисментами студенческой публики. Эти аплодисменты были настолько бурными, что руководители собрания вынуждены поставить вопрос очень остро, сказав, что аплодируют чуждые элементы. Ответы В.В. Голубева на вопросы были весьма смелыми, например: «Ваше социальное происхождение?» – «такое же, как у Николая Гавриловича Чернышевского, только его отец был протоиерей, а мой – просто иерей». В результате он был вычищен по первой категории, т.е. без права занимать какие бы то ни было должности [20, с.139–140]. Принудительный «исход» неугодных кадров в вузах Саратова не прекращался на протяжении всего рассматриваемого нами периода. Выдавливание «старой профессуры», особенно гуманитариев, в конце 1920-х гг. приобрело упрощённый характер.

После окончания Гражданской войны часть преподавателей Саратовского университета, ранее прибывших в Саратов с целью спасения от репрессий и голода, начала возвращаться к местам прежней работы. Вместе с тем общее сокращение численности научно-педагогических работников в саратовских институтах было незначительным, а в университете за 1920-е гг. наблюдалось даже их увеличение на 139 человек [25, с.224]. В этот период вузы пополнялись в основном за счёт молодых преподавателей и научных сотрудников – саратовцев, не всегда обладавших должной квалификацией [1, с.119–120].

Советская власть была заинтересована и в сохранении научного потенциала страны, и в воспитании новых преданных коммунистическому режиму кадров. В.И. Ленин на IX Всероссийском съезде Советов в 1921 г,

говоря о задачах Наркомпроса в новый период, отметил, что необходимо «в наиболее короткий срок создать кадры специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих» [23, с.337].

Осознавая, что без привлечения специалистов старой буржуазной школы невозможно достичь успехов в социалистическом строительстве, партия стремилась любыми способами привлечь таковых на свою сторону, выбирая наиболее лояльных представителей дореволюционных кадров. Важность данной задачи была подчеркнута на XI съезде РКП(б) в марте 1922 г., где говорилось – «во что бы то ни стало мы должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, [...], жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом...» [23, с.351].

Несмотря на то, что партийное руководство уделяло много внимания вопросу привлечения на свою сторону и перевоспитания научной интеллигенции, оно всё же постоянно заботилось о создании кадров из числа рабочих и крестьян.

На смену старым специалистам приходили окончившие Институт красной профессуры, первые выпускники советских вузов, немногочисленные партийные кадры, имевшие высшее образование. Особый состав преподавателей был на рабочем факультете, где не требовалось иметь научные заслуги и глубокие знания, а главными критериями были принадлежность к Коммунистической партии и пролетарское происхождение [2, с.112–113]. Именно по этой причине долгое время на рабфаке не работали профессора. Судя по сведениям, предоставленным Саратовскому губкому ВКП(б), первые профессора появились там в 1924 г., но по данным на 1927 г. они уже не значились [8, л.19; 5, л.16].

К середине 1920-х гг. было разработано Положение о студентах-выдвиженцах, которые к концу десятилетия стали существенным элементом в процессе формирования нового советского научно-педагогического сообщества. Институт выдвиженчества не только давал возможность определиться студентам [9, л.1], склонным к научной деятельности, но и в первую очередь имел своей целью заменить «ненадежные» кадры из старой профессуры новыми – из рабоче-крестьянской среды, подготавливая их к поступлению в аспирантуру и к дальнейшей научной деятельности. Важность института выдвиженчества в процессе воспроизводства советских научных кадров отмечал доцент Г.Е. Меерсон. Описывая кастовую замкнутость буржуазной науки царской России, когда «научные силы вербовались из своего класса», Г.Е. Меерсон сводил роль выдвиженцев к созданию новой, теперь уже советской кастовости [14, л.3–3об.].

В отборе кандидатов в выдвиженцы приоритет отдавался студентам, больше других преданным марксистской идеологии. Формально одним из главных критериев отбора при выборе являлся фактор «академической успеваемости и способности к научной работе», который на деле отходил на второй план [13, л.1; 10, л.9об.]. Полностью обеспечить пополнение состава

преподавателей выдвиженцами—членами партии не удавалось, в их рядах появлялись беспартийные студенты, процент которых был весьма незначителен [13, л.31–32], особенно по естественнонаучным специальностям.

Несмотря на большое количество выдвиженцев, аспирантура росла медленно. За период с 1927 по 1930 гг. обучение прошло 18 аспирантов. Возможно, причинами снижения темпов выдвижения в аспирантуру являлись нежелание студентов заниматься научной и преподавательской деятельностью, их слабая подготовленность. Очень часто на партбюро отбор проходил, исходя из социальной принадлежности, и не принималась во внимание академическая успеваемость студента, его желание продолжать своё обучение [13, л.33–34].

В Саратовском государственном университете первые аспиранты начали обучение в 1926 г. [25, с.270]. К концу 1920-х гг. аспирантов насчитывалось 42 человека [16, л.27–27об.], в основном выходцев из крестьян. В данном вузе борьба «за чистоту» аспирантских рядов была выражена довольно ярко. И в конце 1920-х гг. идейно-коммунистические кадры боролись с любыми попытками проникновения в аспирантуру социально чуждых элементов. Так, например, на заседании бюро партколлектива педагогического факультета от 17 октября 1929 г. по результатам обследования кафедр, несмотря на протесты части профессуры, некоторые аспиранты были отчислены и заменены «своими». В прениях преподаватель Лебедев прямо и откровенно высказал мысль, которая может считаться неким детерминантом: «Нужно было действовать напрямую, т.е. в основу брать не их академическую неуспеваемость, а социальное происхождение» [15, л.26–26об.].

С партийностью аспирантов дело обстояло явно в пользу коммунистов. Так, на трёх факультетах СГУ (педагогическом, экономическом и факультете советского права) членов ВКП(б) и ВЛКСМ числилось до 80%. Беспартийные аспиранты были лишь на одном, педагогическом факультете, составлявшие здесь менее четверти [16, л.27–27об.]. Большой процент партийных аспирантов в университете объясняется стремлением советской власти подготовить преданные кадры в гуманитарной сфере, особенно в сфере образования. Её стремление создать идейную опору в кадровом отношении можно проследить и на примере ветеринарного института.

В ветеринарном институте к концу 1920-х гг. числилось всего 14 аспирантов, и основной процент их приходился на выдвиженцев не из крестьян, а из рабочих. Рабочий класс всегда считался идеологически более «подкованным», благодаря этому партийность аспирантов в ветеринарном институте была даже несколько выше, чем в педагогическом — и составляла свыше 91%.

Активному внедрению института аспирантуры сильно мешала слабая материальная база, которая становилась явно недостаточной по мере расширения количества аспирантов. Из 30 аспирантов ИСХИМа в 1928 г. лишь девять человек получали стипендию. Возможности же «подработать» на стороне у них не было в силу большой общественной нагрузки. К

тому же ряд кафедр мало способствовали подготовке новой смены, не считая достаточно серьёзными проблемы аспирантуры [17, л.149].

Таким образом, к концу двадцатых годов выдвиженцы от партии большевиков занимали лидирующее положение в вузах Саратова, особенно на гуманитарных факультетах. С помощью выдвиженчества советская власть пыталась заменить старую профессию новыми, преданными коммунистической партии кадрами, хотя в конце двадцатых годов полностью заменить старую профессию ещё было невозможно. Сложнее дело обстояло с институтом аспирантуры. Здесь показатели кардинально менялись от вуза к вузу и от тех, что были нужными власти. На данном историческом этапе у большей части выходцев из рабочих и крестьян отсутствовала заинтересованность в занятии профессиональной научной деятельностью, что во многом объяснялось недостаточным материальным стимулированием этого процесса.

Вторая половина 1920-х гг. оказалась очень трагичной для учёных саратовских вузов. Свободная, независимая мысль вступила в открытое противоречие с партийной диктатурой. Противостояние с ней было явно неравным. Цепь закономерных событий привела к подавлению властью (моральному и физическому) всех с ней не согласных. Некоторые знаки грядущих перемен можно было обнаружить ещё в середине 1920-х гг. и ранее. Проблема обеспечения вузов марксистскими кадрами не являлась только внутриуниверситетской задачей, внимание к идеологической сфере заботило и губернские власти.

Как было сказано в докладе о Саратовском университете на заседании президиума Саратовского губкома ВКП(б) 29 октября 1923 г., в вузе имели место «тенденции к началу процесса вливания коммунистов в вузовские ряды», а также наметилась перестройка в идеологической работе, прежде всего со студентами [4, л.108–108об.]. Но эти тенденции были ещё не столь заметны. Однако в следующем году они набирают оборот. В частности, на заседании президиума Саратовского губернского комитета ВКП(б) 21 августа 1924 г. обсуждался вопрос «О привлечении к преподаванию общественно-исторических дисциплин на Педфаке соответствующих этой работе членов партии». Было решено добиваться реализации ходатайства губкома об усилении университета «коммунистическими преподавательскими силами» посредством обращения в ЦК РКП(б). Кандидаты в обязательном порядке должны были быть выпускниками Института красной профессуры – цитадели подготовки новых гуманитариев советского образца. Саратовский губком ВКП(б) просил прислать экономиста, историка России и историка социализма [6, л.50].

Действительно, состав преподавателей не мог не волновать власть предрержащих. С их точки зрения он не отвечал идеалам «красного» вуза. Несмотря на ряд мер, предпринимавших властью по укреплению в вузах партийной прослойки, к середине 1920-х гг. не удалось коренным образом изменить состав преподавателей и студентов университетов.

Так, на 1 февраля 1925 г. из 708 служащих СГУ подавляющее большинство (647 человек) являлось беспартийным и лишь 61 человек (8,6%) состоял в РКП(б) или РЛКСМ. Причём среди профессорского состава лишь два человека были партийными [3, л.3]. Например, факультет общественных наук, по данным на середину 1924 г., обладал лишь семью членами РКП(б), которые в основном работали на кафедре социологии и истории социализма [7, л.57об.]. Например, на педагогическом факультете ситуация была несколько иной – из 110 профессоров и преподавателей членами ВКП(б) и КСМ было 53 (48,2%), а 57 человек оставались беспартийными [16, л.37]. В целом же работников идеологического фронта данные цифры не устраивали.

К ноябрю 1928 г. в Саратове по учтенным данным числилось 64 научных работника-коммуниста [11, л.70–73, 74], большая часть которых вступила в партию сразу после революции и имела партийный стаж с 1917–1921 гг. Естественно, что по социальному происхождению основная часть их относилась к рабочим, крестьянам и служащим. Поскольку Саратовский университет по численности учёных опережал все остальные вузы, то и количество его научных работников-коммунистов составляло половину от общей численности таковых по Саратову. Данный факт, однако, существенно не изменил численные показатели партийной принадлежности в университете. За три года число членов и кандидатов в члены ВКП(б) увеличилось всего на 4% и составило к концу 1928 г. 32 человека. Основное ядро научных работников-коммунистов составляли молодые кадры (свыше 73% [11, л.74]), что свидетельствует о привлечении к научно-исследовательской и преподавательской деятельности выдвиженцев, аспирантов и выпускников советской высшей школы и института красной профессуры, преданных устоям советской власти.

К 1929 г. имела место тенденция к увеличению числа представителей ВКП(б) и ВЛКСМ среди общего числа преподавателей. Число коммунистов и комсомольцев увеличилось на 7% и составило 44 человека [19, л.58]. В некоторых вузах число коммунистов было весьма значительным – на педагогическом факультете СГУ – 48,2% коммунистов от общего числа учёных, а в Саратовском областном коммунистическом университете – 90%, хотя на тот момент в общегородском масштабе по-прежнему доминировали беспартийные.

К концу же 1920-х гг. ситуация по партийной принадлежности в некоторых вузах существенно изменилась. Наиболее динамично этот вопрос решался в институте сельского хозяйства и мелиорации, где количество коммунистов увеличилось в 10 раз, т.е. с 2 до 21 [12, л.52–53об.].

Но не во всех институтах к концу 1920-х гг. удалось кардинально изменить удельный вес партийной прослойки. Так, в ветеринарном институте основную массу составляли всё же беспартийные научные работники, доля которых была более 80%, а членов ВКП(б) насчитывалось всего 18 человек [18, л.11].

Все эти показатели свидетельствует о постепенном завоевании советской властью высших учебных заведений, которые подверглись в первое десятилетие правления большевиков масштабным изменениям. Эти изменения затронули, в первую очередь, социальный и возрастной состав научных кадров, что в свою очередь закладывало основы для формирования нового типа учёного – советского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абубикерова Э.Ф.* Профессиональная повседневность научно-педагогических работников Саратова в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения, 2012, т.12, №2, с.119–122.

2. *Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н.* История Саратовского университета. 1909–2009: в 2 т. Т.1. 1909–1945. Саратов: Изд-во СГУ, 2009. 296 с.

3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф.27. Оп.1. Д.1290.

4. ГАНИСО. Ф.27. Оп.3. Д.11.

5. ГАНИСО. Ф.27. Оп.3. Д.425.

6. ГАНИСО. Ф.27. Оп.3. Д.517.

7. ГАНИСО. Ф.27. Оп.3. Д.829.

8. ГАНИСО. Ф.27. Оп.4. Д.340.

9. ГАНИСО. Ф.27. Оп.8. Д.187.

10. ГАНИСО. Ф.35. Оп.1. Д.100.

11. ГАНИСО. Ф.55. Оп.1. Д.28.

12. ГАНИСО. Ф.55. Оп.1. Д.206.

13. ГАНИСО. Ф.92. Оп.1. Д.1.

14. ГАНИСО. Ф.92. Оп.1. Д.2.

15. ГАНИСО. Ф.92. Оп.1. Д.3.

16. ГАНИСО. Ф.92. Оп.1. Д.14.

17. ГАНИСО. Ф.109. Оп.1. Д.32.

18. ГАНИСО. Ф.184. Оп.1. Д.28.

19. Государственный архив Российской Федерации. Ф.5462. Оп.11. Д.331.

20. *Ермолаев В.А.* «Без гнева и пристрастия»: записки историка. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. 563 с.

21. *Жиромская В.Б.* Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. 166 с.

22. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Тр. ЦСУ СССР. Т.20. Вып. 1, ч.2. М., 1924.

23. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т.44. Июнь 1921 – март 1922. М.: Изд-во политической лит-ры, 1970. 725 с.

24. Научные кадры РСФСР. М.: Работник просвещения, 1930. 111 с.

25. Саратовский государственный университет. 1909–1959. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1959. 292 с.

26. *Синецкий А.Я.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М.: Советская наука, 1950. 236 с.

27. Соломонов В.А. Письма Н.К. Пиксанова С.Ф. Платонову 1908–1927 годов // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Вып. 2. Саратов, 2010. С.235–260.

Информация об авторе:

Абубикерова Эльмира Фаритовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация); e-mail: abubikerova.e@rggu.ru

Поступила 01.11.2022

Принята к публикации 19.12.2022

**Research and pedagogical personnel formation principles in the 1920s
(by the example of Saratov institutes of higher education)**

E.F. Abubikerova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

The article discusses the trends in the research and pedagogical personnel formation for the Soviet higher education in the 1920s. The main factors that influenced on the the quantitative and qualitative composition of the research and pedagogical community of Saratov institutes in the decade under review were identified. On the basis of archival material, the composition of the scientific corporation by party affiliation is analyzed. The activities of the authorities of a new category of scientists creation from among the workers and peasants are considered. Postgraduate study and promoted students institution are characterized.

Keywords: higher school, Soviet government, research and pedagogical staff, scientific corporation composition, Saratov, 1920s

For citation: Abubikerova E.F. Research and pedagogical personnel formation principles in the 1920s (by the example of Saratov institutes of higher education). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.123–132. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.123-132> (In Russian)

REFERENCES

1. Abubikerova E.F. Professional'naya povsednevnost' nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov Saratova v 1920-e gody [Professional Daily Scientific and Pedagogical Workers of Saratov in the 1920s]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, vol. 12, №2, pp.119–122. (In Russian)

2. Avrus A.I., Gaponenkov A.A., Danilov V.N. Istoriya Saratovskogo universiteta. 1909–2009 [History of the Saratov University. 1909–2009]: in 2 vol., vol. 1. 1909–1945. Saratov: Izd-vo SGU, 2009. 296 p. (In Russian)

3. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti (GANISO) [State Archive of the Contemporary History of the Saratov Region]. F.27. Op.1. D.1290. (In Russian)
4. GANISO. F.27. Op.3. D.11. (In Russian)
5. GANISO. F.27. Op.3. D.425. (In Russian)
6. GANISO. F.27. Op.3. D.517. (In Russian)
7. GANISO. F.27. Op.3. D.829. (In Russian)
8. GANISO. F.27. Op.4. D.340. (In Russian)
9. GANISO. F.27. Op.8. D.187. (In Russian)
10. GANISO. F.35. Op.1. D.100. (In Russian)
11. GANISO. F.55. Op.1. D.28. (In Russian)
12. GANISO. F.55. Op.1. D.206. (In Russian)
13. GANISO. F.92. Op.1. D.1. (In Russian)
14. GANISO. F.92. Op.1. D.2. (In Russian)
15. GANISO. F.92. Op.1. D.3. (In Russian)
16. GANISO. F.92. Op.1. D.14. (In Russian)
17. GANISO. F.109. Op.1. D.32. (In Russian)
18. GANISO. F.184. Op.1. D.28. (In Russian)
19. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F.5462. Op.11. D.331. (In Russian)
20. Ermolaev V.A. «Bez gneva i pristrastiya»: zapiski istorika [“Without anger and bias”: historian's notes]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2009. 563 p. (In Russian)
21. Zhiromskaya V.B. Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg.: problemy social'noy struktury [Soviet city in 1921–1925: problems of social structure]. Moscow: Nauka, 1988. 166 p. (In Russian)
22. Itogi Vsesoyuznoy gorodskoy perepisi 1923 g. [Results of the All-Union City Census of 1923]. *Trudy TsSU SSSR*. Vol.20. Vyp. 1, ch.2. Moscow, 1924. (In Russian)
23. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy [Complete set of works]. Ed. 5, vol. 44. June 1921 – March 1922. M.: Izd-vo politicheskoy lit-ry, 1970. 725 p. (In Russian)
24. Nauchnye kadry RSFSR [Scientific brainpower of the RSFSR]. Moscow: Rabotnik prosveshheniya, 1930. 111 p. (In Russian)
25. Saratovskiy gosudarstvennyy universitet. 1909–1959 [The Saratov State University. 1909–1959]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1959. 292 p. (In Russian)
26. Sinetskiy A.Ya. Professorsko-prepodavatel'skie kadry vysshey shkoly SSSR [The teaching staff of the higher school of the USSR]. Moscow: Sovetskaya nauka, 1950. 236 p. (In Russian)
27. Solomonov V.A. Pis'ma N.K. Piksanova S.F. Platonovu 1908–1927 godov [Letters from N.K. Piksanov to S.F. Platonov, 1908–1927]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr.* Ed. by A.V. Gladyshev. Vyp. 2. Saratov, 2010. Pp.235–260. (In Russian)

About the author:

Abubikerova El'mira Faritovna – Cand. Sci. (history), Associate professor of the Department of Contemporary Russian History, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation); e-mail: abubikerova.e@rggu.ru

Received November 1, 2022

Accepted for publication December 19, 2022

Региональная система подготовки учительских кадров
в Приенисейской Сибири в 1920–1930-е гг.

Л.Э. Мезит

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева
Красноярск, Российская Федерация*

В статье на региональном материале раскрывается процесс формирования системы подготовки педагогических кадров. Особое внимание уделено особенностям реализации государственной политики по массовой подготовке учительских кадров после окончания Гражданской войны и в период введения начального всеобщего обучения. На основе источников личного происхождения реконструируется учебно-воспитательный процесс в учительском институте, обладавшем значительной самостоятельностью. Анализируются причины, не позволившие в полной мере обеспечить региональную систему образования учительскими кадрами.

Ключевые слова: Красноярский институт народного образования, курсовая подготовка, Красноярский учительский институт, народное образование, Наркомпрос РСФСР

Для цитирования: Мезит Л.Э. Региональная система подготовки учительских кадров в Приенисейской Сибири в 1920–1930-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.133–139. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.133-139>

После изгнания колчаковцев и восстановления Енисейского губернского отдела образования с января 1920 г. в Красноярске развернулась активная работа по созданию новой школы. Стремительный рост числа образовательных учреждений обострил дефицит учительских кадров. Власть без учителей лишалась основной культурной опоры в деревне, где в один узел были связаны наиболее сложные противоречия и трудности социалистического строительства. Поэтому в регионе, как и по всей стране, началась кардинальная перестройка системы педагогического образования. Повышение образовательного уровня учительства стало приоритетной задачей губернских властей на ближайшую перспективу. В 1920-е гг. ее решение осуществлялось по ряду направлений: началось возвращение в школу учителей, работавших в других организациях, их переподготовка через систему краткосрочных курсов.

С апреля 1920 г. при районных отделах народного образования были организованы «самоучительские курсы – съезды», которыми руководили учителя, ранее обучавшиеся на губернских курсах. Развернутая система курсовой переподготовки существенно расширляла политический кругозор

слушателей, углубляла понимание учительских обязанностей, знакомила учителей с новой организацией системы образования. Вопросы содержания школьной работы, методики преподавания предметов почти не рассматривались. Большую работу по повышению квалификации учителей проводил педагогический музей, созданный в 1898 г.

В 1921 г. в губернии насчитывалось 15 постоянно действующих курсов с 1099 слушателями. Из-за отсутствия одежды, обуви, продуктов отсев среди слушателей был велик. Нередко занятия проводились без плана, при отсутствии опытных лекторов, поэтому курсы не давали глубоких систематических знаний. Среди слушателей преобладали молодые люди (более 90% из них были моложе 30 лет), 70% имели низшее или домашнее образование [6, с.27].

11 марта 1920 г. Енисейский губернский отдел народного образования принял решение о реорганизации бывшего учительского института (был создан в 1916 г.) в высшее педагогическое учебное заведение. Он был переименован в Красноярский институт народного образования (ИНО). В его составе находились следующие факультеты: словесно-исторический, физико-математический, естественно-исторический, сельскохозяйственный, инженерный. При институте создавался научно-педагогический музей, образцовая трудовая школа 1 и 2 степени и детский сад. Срок обучения в институте был 4 года. В число слушателей принимались учителя со стажем. Институт получил 25 000 рублей на организационные расходы. Официально он открылся 30 июля 1920 г. Ректором Красноярского института народного образования стал А.С. Гобов.

Система управления институтом была следующей: большой совет ИНО избирал преподавателей, утверждал учебные планы, организовывал отделения, давал рекомендации по методам преподавания. Таким образом, совет решал общие вопросы жизни и деятельности ИНО. Во главе института стояло Правление, объединявшее административный аппарат, хозяйственную часть. Студенты имели свое представительство во всех органах института народного образования.

В 1920–21 гг. в Красноярском ИНО было 45 преподавателей и 326 студентов и слушателей [2, л.74]. Основной контингент составляли бывшие воспитанники учительских семинарий, слушатели педагогических курсов и окончившие 7 классов и полный курс средней школы.

Учебная жизнь ИНО осуществлялась по самостоятельно разработанным программам. Основными методами преподавания являлись лекции и семинары. Педагогическая практика проходила в школах и педагогических техникумах. О том, как был организован образовательный процесс в ИНО, дают представления воспоминания бывшего студента ИНО Василия Дмитриевича Кудрявцева: «С осени 1921 г. я стал студентом первого курса ИНО. Лекции в институте проходили во второй половине дня, обычно 4 часа по расписанию, редко 6 часов. Я записывал лекции. Потом продумывал, углублял, пользуясь необходимой литературой. В ИНО была не-

плохая библиотека, составленная из библиотек учительской семинарии, гимназии, духовной семинарии. Кроме того, институт написал разрешение брать в городской библиотеке на дом книги, которые предназначались для чтения в библиотеке.

Все шло хорошо. Если бы не материальные трудности. Я получал только студенческий паек: 20 фунтов ржаной муки в месяц, 2 фунта мяса, фунт жиров, соль, спички, сахарин. Родители ничем помочь не могли. Приходилось подрабатывать на пиление и колке дров, очистке дворов, разгрузке вагонов. Несмотря на это, я первый из числа студентов первокурсников успешно сдал экзамены и зачеты. В те годы было много семинаров. Взяв тему для доклада к семинару, я сразу приступил к работе: читал источники. Пособия, продумывал план доклада.

Второй год учебы пошел уже легче. Нам с сестрой Верой, которая училась в Красноярской фельдшерской школе, удалось привезти в Красноярск немного муки и картошки. Это было важным подспорьем к весьма скромному студенческому пайку. Жили мы на Каче в доме Радайкина. У меня была отдельная комната и я в ней плодотворно занимался. В институте на моем факультете учились бывшие партизаны? Петров Петр Поликарпович, Низовцев Андрей и др. Мы собирались после лекций у кого-нибудь на квартире и спорили о русской литературе, об учительской профессии. В это время я окончательно определился: я стал филологом.

В конце второго курса пришел приказ Минпроса РСФСР о слиянии Красноярского ИНО с педфаком Иркутского университета. Из преподавателей в Иркутск переехали немногие. А студенты – большинство. Наряду с Красноярским ИНО в педфак вошел Читинский ИНО. Так оказались 3 земляческие группы: иркутяне (самая многочисленная), красноярская, и читинцы [5, с.186]. Материальные трудности и здесь были немалые. С пайка сняли, у меня в кармане было 5 рублей. Вчетвером мы сняли небольшую комнату. Питание – ржаной хлеб, чай, раз в неделю – суп или щи. Только в ноябре университет получил 300 государственных стипендий (по 8 рублей в месяц) на 2 тыс. студентов. Я был зачислен на стипендию. Члены красноярского землячества коммунисты получали по 5 рублей от Красноярского губкома РКП(б). Я тоже ее получал, хоть был беспартийный, т.к. в Красноярске занимался большой общественной работой. На 13 рублей я мог снимать угол, быть сытым, поэтому все силы отдавал учебу» [5, с.182–186].

В 1922 г. все педагогические учебные заведения, в том числе и в Красноярске, были сняты с государственного снабжения из-за недостатка средств. Сохранился как самостоятельный только Минусинский педагогический техникум. Остальные педагогические техникумы влились в Красноярский институт народного образования [4, с.117].

Тогда же прошла очередная реорганизация структуры ИНО. Он был преобразован в высшее учебное заведение в составе одного факультета с тремя отделениями: дошкольным, школьным для подготовки учителей для

политехнической школы и школьным для подготовки учителей техникумов. Из учебных планов были исключены такие предметы, как музееведение, библиотековедение, археология, внешкольное образование [3, л.1]. Часть студентов ИНО, поступившие на высшую ступень образования были переведены в Иркутский университет на педагогический факультет.

К началу 1922–23 учебного года контингент ИНО составлял 346 человек. В 1923 г. состоялся второй и последний выпуск института. Среди выпускников были будущий писатель Петров П.П., Успенская Т.С. – врач Красноярской водной больницы [4, с.118].

Красноярский институт народного образования был реорганизован в Красноярский педагогический техникум. Насколько непродуманным оказалось данное решение, свидетельствуют материалы Всесоюзной переписи 1926 г. По ее результатам, в Сибирском крае 75% учителей начальных классов и 66,8% учителей предметников не имели специальной предметной подготовки [7, с.15]. При этом школьная сеть неуклонно росла, как и потребность в учителях. Новый педагогический техникум состоял из 4 курсов. Первые два курса – общеобразовательные, последние – специальные. Третий курс состоял из двух отделений: естественно-математического и социально-исторического. Четвертый курс делился на два отделения: школьное и дошкольное отделения [6, с.118].

В начале 1923–24 гг. во вновь организованном педагогическом техникуме обучалось 141 студент, использовались активные методы обучения [4, с.119]. Большое внимание уделялось экскурсиям в музей Приенисейского края, а также на Часовенную гору с целью геологических, ботанических исследований [4, с.120]. Первый выпуск нового учебного заведения состоялся в 1924 г. в количестве 47 человек. Интересен опыт оформления выпуска в виде конференции, на которой выпускники выступали с докладами по предметно-педагогическому циклу на такие темы, как «Психологическое развитие ребенка», «Марксизм и воспитание» и пр. [4, с.121]. Педагогический техникум был хорошо оборудован, имел высококвалифицированный состав педагогов. При техникуме работали систематические рабочие курсы по переподготовке учителей. В 1932 г. ему было присвоено имя А.М. Горького [6, с.12].

К 1933 г. в Красноярском педагогическом техникуме имелось три отделения: дефектологическое, школьное и дошкольное. Факультативно изучались ненецкий, эвенкийские языки, т.к. некоторые выпускники уезжали работать в школы Крайнего Севера. В техникуме было открыто заочное отделение. В 1935 г. было организовано отделение народов Севера [6, с.122].

Введение всеобщего начального обучения потребовало увеличения учительских кадров. В Красноярске в 1930 г. был открыт второй педагогический техникум на базе 3 школ с педагогическим уклоном. Он состоял из политико-просветительского и дошкольного отделений [4, с.122].

В 1932 г. окружком партии смог добиться открытия Красноярского педагогического института, в котором имелось 4 отделения: физико-математическое, естественное, русского языка и литературы и рабочий факультет. При институте были организованы и постоянно действующие краткосрочные курсы для учителей края [4, с.126].

Кроме того, в крае продолжали работать шесть педагогических техникумов, в которых обучалось 1400 учащихся. К ранее действовавшим техникумам появились новые. В 1932 г. в Енисейске был открыт педагогический техникум народов Севера имени А.С. Бубнова. Он имел три отделения: северное, татарское, русское [1, л.125]. В 1939 г. в Игарке открыли педучилище народов Севера, а в с. Абакан начал работу Абаканский учительский институт [6, с.131].

В августе 1935 г. был создан Институт повышения квалификации краевого отдела народного образования (ИПКНО). На него была возложена обязанность направлять и руководить системой заочного обучения и готовить учащихся к сдаче экзаменов экстерном. В октябре 1938 г. приказом Наркомпроса ИПКНО был переименован в институт усовершенствования учителей, задачей которого стала методическая помощь и повышение квалификации педагогов.

Таким образом, в середине 1930-х гг. в регионе сложилась система подготовки и переподготовки педагогических кадров для системы образования. Представление об изменении численности учительских кадров в регионе дает приведенная ниже таблица. Вместе с тем в крае не хватало 549 учителей. В 1938 г. из-за отсутствия учителей 2570 учащихся начальных классов не могли посещать школу. В ряде школ Балахтинского, Назаровского, Ирбейского, Даурского, Иланского, Краснотуранского районов некоторые учебные дисциплины не преподавались, а учителя имели большую нагрузку по часам. Все школы перешли на двухсменный режим работы, а в 52 классах занятия велись в три смены [1, л.30].

Динамика численности педагогических кадров в Красноярском крае
[6, с.160]

Тип школы	1914 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Начальная	1101	4937	6441	5614
Неполная средняя	60	2991	3721	4298
Средняя	131	1872	2507	3327

С приходом в массовую школу выпускников пединститута, педагогических техникумов наметилось повышение уровня общеобразовательной подготовки учителей. В начальной школе края работали 8 тысяч учителей, из которых педагогическое образование имели 24%, в неполной средней школе – 61%, в средней школе – 95% [6, с.159]. Однако из-за нехватки педагогических кадров органы народного образования вернулись к практике

1920-х гг.: развернули сеть краткосрочных педагогических курсов; к учительской деятельности привлекали лиц, имевших соответствующее образование или опыт работы. Если в 1920-х гг. на курсах оказывались, как правило, педагоги, проявившие искренний интерес к школе, они попадали на курсы по желанию, то в 1930 гг. сюда направляли всех работавших в школе. Большое место в учебных планах отводилось общественно-политической подготовке учителей, что не способствовало повышению их методического и психолого-педагогического уровня. Таким образом, в 1930-е гг. сложившаяся в Приенисейской Сибири система педагогического образования, не справлялась с запросами школ региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П–26. Оп.1. Д.537.
2. ГАКК. Ф.П–47. Оп.1. Д.3.
3. ГАКК. Ф.Р–947. Оп.1. Д.18.
4. *Козлова А.Ф.* Развитие системы педагогического образования в Красноярском крае за годы Советской власти (1917–1967 гг.) // Народное образование в Красноярском крае за годы Советской власти. Красноярск: КГПИ, 1970. С.105–144.
5. *Кудрявцев В.Д.* Нас учили работать творчески // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск: Наука, 1989. С.182–197.
6. Очерки истории народного образования Красноярского края XVII – начало XXI вв. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2014. 580 с.
7. *Соскин В.Л.* Высшая школа Сибири в период строительства социализма: этапы и историография // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск: Наука, 1989. С.5–39.

Информация об авторе:

Мезит Людмила Эдгаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск, Российская Федерация); e-mail mezit@yandex.ru

Поступила 09.10.2022

Принята к публикации 25.11.2022

Regional system of teacher training
in the Yenisei Siberia in the 1920s–1930s

L.E. Mezit
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation

The article reveals the process of formation of a system for the training of pedagogical personnel on the basis of regional material. Particular attention is paid to the peculiarities of the implementation of the state policy for the mass training of teachers

after the end of the civil war and during the introduction of primary universal education. On the basis of sources of personal origin, the teaching and upbringing process at the teacher's institute, which had considerable independence, is reconstructed. The reasons that did not allow to fully provide the regional education system with teaching staff are analyzed.

Keywords: Krasnoyarsk public educational institute, course preparation, Krasnoyarsk teachers' institute, public education, People's Commissariat of Education

For citation: Mezit L.E. Regional system of teacher training in the Yenisei Siberia in the 1920s–1930s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.133–139. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.133-139> (In Russian)

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [State Archive of the Krasnoyarsk Territory]. F.P–26. Op.1. D.537. (In Russian)
2. GAKK. F.P–47. Op.1. D.3. (In Russian)
3. GAKK. F.R–947. Op.1. D.18. (In Russian)
4. Kozlova A.F. Razvitie sistemy pedagogicheskogo obrazovaniya v Krasnoyarskom krae za gody Sovetskoj vlasti (1917–1967gg.) [The system of teacher education development in the Krasnoyarsk Territory during the Soviet power period (1917–1967)]. *Narodnoe obrazovanie v Krasnoyarskom krae za gody Sovetskoj vlasti*. Krasnoyarsk: KGPI, 1970. Pp.105–144. (In Russian)
5. Kudryavtsev V.D. Nas uchili rabotat' tvorcheski [We were taught to work inventively]. *Vysshaya shkola i nauchno-pedagogicheskie kadry Sibiri (1917–1941 gg.)*. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp.182–197. (In Russian)
6. Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Krasnoyarskogo kraja XVII – nachalo XXI vv. [Essays on the history of public education in the Krasnoyarsk Territory of the 17th – early 21st centuries.]. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astafeva, 2014. 580 p. (In Russian)
7. Soskin V.L. Vysshaya shkola Sibiri v period stroitel'stva sotsializma: etapy i istoriografiya [Higher School of Siberia during the period of socialism constructing: stages and historiography]. *Vysshaya shkola i nauchno-pedagogicheskie kadry Sibiri (1917–1941 gg.)*. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp.5–39. (In Russian)

About the author:

Mezit Lyudmila Edgarovna – Cand. Sci. (history), Associate professor of the Department of National History, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation); e-mail mezit@yandex.ru

Received October 9, 2022

Accepted for publication November 25, 2022

УДК 37.08(091)(470.326)

Подготовка педагогических кадров для системы дошкольного образования в Тамбовском крае в 1920–1930-е гг.

И.В. Маторина

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Тамбов, Российская Федерация*

Одной из центральных проблем становления и развития системы дошкольного образования была острая нехватка педагогических кадров в стране в целом и на местах. В статье рассматривается вопрос подготовки педагогических кадров для дошкольных учреждений в Тамбовском крае в 20–30-е гг. XX в., деятельность губернских, уездных дошкольных подотделов в этом направлении: организация курсовой и кружковой работы, наличие специализированных учебных заведений по подготовке специалистов по дошкольному воспитанию, примерные программы обучения. Показана прямая зависимость изменений в направлении подготовки педагогических кадров для системы дошкольного воспитания и образования региона от изменения политической ситуации в стране, от решений Всероссийских Съездов по дошкольному воспитанию.

Ключевые слова: система дошкольного воспитания, подготовка педагогических кадров, дошкольный подотдел, Всероссийский Съезд по дошкольному воспитанию, курсовая подготовка

Для цитирования: Маторина И.В. Подготовка педагогических кадров для системы дошкольного образования в Тамбовском крае в 1920–1930-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.140–150. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.140-150>

Октябрьская революция 1917 г. и II Всероссийский съезд Советов положили начало кардинальным изменениям в системе образования России, а также формированию системы общественного дошкольного воспитания. Вновь созданное правительство – Совет Народных комиссаров (Совнарком) с первых дней советской власти приступил к реформированию народного образования «на началах новой педагогики и социализма» [12].

В первую очередь изменения коснулись системы органов управления образованием, полномочия которых в центре и на местах документально закрепило положение Совета народных комиссаров от 18 июня 1918 г. «Об организации дела народного образования в РСФСР» [13]. В республике вводилось общегосударственное регулирование системы образования через создание Государственной комиссии по просвещению [13, ст.1]. Руководство на местах осуществлял Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос) через отделы народного образования, регулируя свою деятельность положениями, разработанными Государственной комиссией по просвещению. Новый комиссариат возглавил А.В. Луначар-

ский. В функции Наркомпроса входило также «непосредственное заведывание учебными учреждениями» [13, ст.7]. Впервые в российской истории в состав органов управления образованием: и Государственную комиссию, и Народный комиссариат просвещения РСФСР – вошли самостоятельные отделы дошкольного воспитания.

Формирование системы общественного дошкольного образования и воспитания в советской России начинается с принятия Государственной комиссией по просвещению ряда документов: «Декларации по дошкольному воспитанию», принятые в ноябре 1917 г. и «Основных принципов Единой трудовой школы» (обращения Государственной комиссии по просвещению от 16 октября 1918 г.). Эти документы декларировали постулаты, лежащие в основе идей дошкольного воспитания. Оно должно было начинаться с самого раннего возраста и быть общественным и бесплатным. Отмечалось, что «система дошкольного воспитания должна являться составной частью всей школьной системы и должна быть органически связана в одно целое со всей системой народного образования» [14, с.258], что «вся система нормальных школ от детского сада до университета представляет собою одну школу, одну непрерывную лестницу» [21]. Таким образом, дошкольные учреждения впервые были включены в государственную систему образования, став его первой ступенью, тем самым подтверждая единство и преемственность всей системы образования.

Но задекларировать идеи в документе – это одно, а реализовать их в жизни – другое. Становление системы общественного дошкольного образования и воспитания протекало в тяжелых социально-экономических условиях, со своими особенностями на местах и напрямую зависело от политических изменений в жизни страны. Многое приходилось делать впервые. Новое дело требовало квалифицированных кадров: инструкторов в дошкольные подотделы народного образования, педагогических работников во вновь организуемые дошкольные учреждения. Для государства насущной проблемой в деле дошкольного строительства оказалось отсутствие необходимого количества педагогов, работавших с дошкольниками, решить которую государство могло, лишь взяв эту заботу на себя. Как отмечают исследователи дошкольного советского образования: «Основной стала курсовая подготовка: были созданы центральные курсы в Москве, краткосрочные курсы на местах, высшие и средние педагогические учебные заведения по подготовке дошкольных работников в Петрограде, Москве и некоторых других городах. Но квалификация провинциальных работников была еще крайне низка, что сказывалось на качестве работы дошкольных учреждений» [14, с.261].

Подотдел дошкольного воспитания Тамбовского губернского отдела народного образования начал функционировать с 18 февраля 1918 г. [5, л.1], постепенно стали работать уездные, городские, волостные дошкольные подотделы. Из отчетов заведующих дошкольными подотделами Горьковского, Уотделов народного образования за 1919 г. следует, что деятель-

ность подотделов ввиду недостатка кадров, носила организационный характер [6, л.4, 6]. Инструкторы дошколотделов совершали поездки по уезду с целью обследования на местах вопросов и возможности открытия дошкольных учреждений, прежде всего детских садов, разъясняли идеи дошкольного воспитания среди населения, ходатайствовали перед уездным земотделом об уступке для дошкольных учреждений бывших помещичьих усадеб с находящимися на них постройками, давали ответы на запросы различных учреждений, собирали и направляли сведения в губернский отдел народного образования о количестве детей дошкольного возраста по волостям уезда. В составе уездного подотдела с февраля по март 1918 г. состояли только заведующий, делопроизводитель и один инструктор. К июню количество инструкторов увеличилось до пяти [6, л.13].

В таких неблагоприятных условиях (работа одного инструктора на огромной территории уезда, при отсутствии транспорта и пр.) деятельность дошкольных подотделов не могла принести блестящих результатов. Тем не менее, работа велась. В губернии открывались площадки, детские сады, и другие дошкольные учреждения, требующие квалифицированных сотрудников. Полное отсутствие специалистов по дошкольному воспитанию в губернии стало одной из главных проблем на начальном этапе дошкольного строительства в Тамбовском крае.

29 апреля 1919 г. в Москве состоялся I Всероссийский Съезд по дошкольному воспитанию. На Съезде обсуждались вопросы организации дошкольного образования в общегосударственном масштабе, а также на локальном уровне. На повестку дня были вынесены вопросы, обсуждавшиеся на конференциях заведующих губернскими дошкольными подотделами, предшествовавших Съезду. Важнейшей задачей этих мероприятий была признана пропаганда новых форм дошкольного образования, в рамках которых ведущая роль отводилась подготовке «высококвалифицированных кадров педагогических работников, способных реализовать на практике все поставленные цели дошкольного воспитания» [22, с.21]. От Тамбовской губернии на Съезд была делегирована инструктор уездного дошколотдела народного образования Н.П. Молчанова [6, л.8].

Первая конференция, созванная подотделом дошкольного воспитания при Тамбовском губернском отделе просвещения, проходила в Тамбове 11–13 декабря 1918 г. На конференции было отмечено, что «требование работников по дошкольному воспитанию громадно и Центр не имеет возможности удовлетворить поступающие к нему требования с мест о присылке работников» [2, с.75]. В связи с этим губернский подотдел дошкольного воспитания анонсировал открытие в Тамбове краткосрочных курсов продолжительностью 6 недель, рассчитанных на 30 человек слушателей по 2 представителя от каждого уезда. На конференции развернулась горячая полемика о необходимости устройства курсов на местах в уездах, об их продолжительности, о важности не столько теории в данном вопросе, сколько практического опыта. Общим решением было принято счи-

тать, что «на устройство краткосрочных курсов надо смотреть как на компромисс, вызванный острым недостатком работников, курсы сделать постоянными, постепенно изменяя программу с 6 недель на трехмесячные, с трехмесячных на шестимесячные и позже годовые, и постоянные» [2, с.75; 3]. Шестинедельные курсы детских садовниц (дореволюционное название работниц детских садов, используемое и впервые годы советской власти), были организованы в январе 1919 г. На них было прислано 40 представителей от уездных отделов [19, с.35]. В разосланных ГУБОНО положениях, которые легли в основу дошкольного строительства в губернском масштабе, отмечалось, что курсы, как одно из звеньев дошкольного строительства, должны стать основой работы каждого дошкольного центра. Дошколотделам рекомендовалось включать в организационный план постоянную организацию – Курсовое бюро, намечающую и выясняющую задачи курсов, подготавливающую все условия для их открытия, а также устанавливающую связь с выпускниками курсов, а через них с дошкольными учреждениями на местах [7, л.10].

Для налаживания правильной курсовой работы Тамбовский губернский отдел народного образования обратился за помощью в Лекционное бюро преподавателей Московского университета. Осенью 1918 г. в Москве по инициативе В.А. Флерова, Е.А. Звягинцева, Н.Н. Иорданского, И.М. Соловьева и Н.В. Чехова был организован кружок лекторов – педагогов. В задачи кружка входило объединение лекторов, работающих на педагогических курсах по школьному, дошкольному и внешкольному образованию; разработка программ, как систематических, так и цикловых лекций, содействие в устройстве курсов на местах. Разработанные Лекционным бюро программы рассылались на места, а отделы народного образования использовали их по-своему, комбинируя темы. Изначально разрабатывались программы для учительских курсов. Летом и осенью 1919 г. Лекционным бюро были проведены курсы в городах Кирсанов, Усмань и Моршанск Тамбовской губернии. Причем в Усмани лекторам пришлось вести занятия и на дошкольных курсах [20, л.29]. С ростом числа детских садов Лекционное бюро разработало программу исключительно для дошкольных месячных курсов. Всего за период с 1918–1921 гг. Тамбовским ГУБОНО было проведено 3 губернских курса. Сначала трехмесячные, затем шестимесячные и наконец годовые. Проводились подобные занятия и по уездам [11, л.35]. Для поддержания связи с окончившими губернские курсы 3-го цикла организовывались конференции, программа которых составлялась на основе присланных с мест вопросов, возникших непосредственно в процессе работы [7, л.1].

Типовая программа курсов включала в себя общеобразовательный курс, состоявший из следующих предметов: «Революция и культура», «Советская конституция», «Введение в политическую экономию и краткая история социализма», «История педагогических течений», «Основы естествознания», «Задачи социальной педагогики», «Основы математики»,

«Русская литература XIX в. в связи с движением общественной мысли». Специальный курс по дошкольному воспитанию включал в себя такие предметы, как «Задачи и принципы дошкольного воспитания в Советской России», «Введение ребенка в мир природы», «Анатомия и физиология детского организма», «Психология раннего детства и дефективных детей», «Гигиена и первая помощь в детском саду, организация и оборудование детского сада и площадки», «Игры и игрушки в детском саду», «Драматизация и детский театр», «Выразительное чтение и рассказывание», «Детская литература и выставки работ детского сада», «Устройство детских праздников», «Ручной труд», «Лепка, Игры и разные виды физического воспитания», «Пение и музыка», «Садоводство и огородничество», а также периодические недельные конференции и экскурсии [4, л.23]. Однако работа по подготовке педагогических кадров в Тамбовском крае сильно осложнялась в связи с отсутствием достаточного количества лекторов, необходимой педагогической и методической литературы, тяжелыми экономическими и материальными условиями (отсутствие отапливаемых помещений и пр.), социальными потрясениями (рост заболеваемости населения, голод, Антоновское восстание).

По инициативе Н.К. Крупской с 1919 г. при наиболее крупных педагогических вузах постепенно стали открываться дошкольные факультеты и отделения, а затем создаваться и дошкольные техникумы. 27 октября 1918 г. в Тамбове открылся Тамбовский государственный университет в составе агрономического и педагогического факультетов (университет начал свою работу раньше официальной даты открытия – 7 ноября 1918 г.). В объявлении об открытии педфака указывалось, что набор будет осуществляться на отделения дошкольного воспитания, учителей начальной школы, учителей средней школы [15, с.64]. В течение первого учебного года были разработаны полные четырехгодичные учебные планы для трех отделений: дошкольного, учителей школ 1-й и 2-й ступеней. Учебный план предусматривал серьезную методологическую подготовку по всем дисциплинам с последующей углубленной специализацией. В него входили общие для всех отделений предметы и практические занятия, а также специальные предметы. Учебные планы занятий подробно описаны в коллективной монографии по истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина под редакцией А.Л. Авреха [15]. Курс педологии недолгое время в ТГУ читал известный педагог, психолог П.П. Блонский, с 1919 г. руководивший Московской академией народного образования, активный участник идейно – политического преобразования образовательно-воспитательной модели школы [1, с.144]. При дошкольном отделении был открыт опытный детский сад, для практической проработки вопросов по дошкольному воспитанию. В силу целого ряда причин с ноября 1919 г. в ТГУ начинается период реорганизаций. Педагогический факультет реорганизован в Институт народного образования имени Надежды Константиновны Крупской – Ульяновой – ИНО, присоединив-

шегося к ТГУ в статусе факультета, затем в Практический институт народного образования (ПИНО). Все это время в работе дошкольного отделения принимала участие Е.Н. Скоренкова, окончившая Московские Педагогические курсы имени Тихомирова, больше 20 лет занимавшаяся организацией дошкольных детских учреждений [16, с.19]. Е.Н. Скоренкова также руководила дошкольной студией при ПИНО, занимавшейся в том числе и разработкой теоретических и методических вопросов дошкольного воспитания. Так дошкольной студией были разработаны методические материалы для бесед с 7-летками, согласованные с Губсоцвосом и разосланные по дошкольным учреждениям губернии [8, л.6].

После выхода в феврале 1923 г. распоряжения о ликвидации практических институтов или преобразовании их в техникумы, Тамбовский ПИНО был закрыт. Закрылся также и Тамбовский педагогический техникум, образованный после череды реорганизаций Екатеринбургского учительского института, работавшего в Тамбове еще с 1870 г. Вместо него был образован новый трехгодичный педтехникум. Из старого техникума в новое учебное заведение перешли 1, 2, 3 курсы, а из студентов ПИНО был организован 4 курс [17, с.37].

Преподавательский состав подбирался в новый педтехникум по рекомендации партийных и общественных организаций. Первый выпуск учащихся состоялся в 1924 г. В том же году в октябре на III Всероссийском Съезде по дошкольному воспитанию обсуждались вопросы развертывания дошкольной работы в сельской местности. В деревнях предлагалось открывать летние площадки и ясли – площадки, закрепляя их зимой в постоянные дошкольные учреждения. Центральные органы власти требовали от местных учреждений обращать особое внимание на вопросы дошкольного воспитания и усилить организационную работу по созданию дошкольных учреждений как в городе, так и особенно в деревне. В связи с этим было принято решение включить в учебный план четвертого курса педтехникума предметы по дошкольному воспитанию по особой программе. На них отводилось четыре недельных часа [9, л.30]. В качестве руководителя курса по дошкольному воспитанию была приглашена заведующая Центральным детским садом Тамбова А.П. Барина, одновременно исполняющая обязанности инспектора по дошкольному воспитанию губернского отдела народного образования. Кроме того, А.П. Барина была делегатом III Всероссийского Съезда по дошкольному воспитанию в Москве.

Учебный курс по программе дошкольного воспитания при желании могли посещать и учащиеся 3 курса. Невыполнение всей программы или части работ по ней учащимися выпускного четвертого курса не влекло за собой их задержку в педтехникуме. К 1924 г. курс по дошкольному воспитанию для подготовки работников детских площадок закончили 9 человек [23].

В декабре 1926 г. педагогический техникум просил согласия ГУБОНО ходатайствовать перед центральными властями об открытии дошкольного отделения. Но такого согласия не получил. Свой отказ ГУБОНО мотивировал тем, что «по пятилетнему плану к 1929/30 г. сеть детских садов и очагов увеличится лишь на 6, работников для них потребуется около 12–15. На годы с 27/28–29/30 намечается главным образом организация детских площадок. Учитывая указанное, незначительное расширение сети, в 27/28 г. открывать дошкольное отделение педтехникума рано» [10, л.104об.]. Но в тоже время учитывая потребность в работниках детских площадок, было решено сделать курс педагогического техникума по дошкольному воспитанию более продолжительным. Выпускники курсов временно допускались к исполнению обязанностей воспитателя детского сада. Для получения права воспитателя детского сада слушательницы курсов обязаны были в течение 4-хгодичного срока сдать испытания за весь курс педтехникума.

В 1930-е гг. подготовка дошкольных работников происходила в не менее сложных условиях. Новые веяния в педагогике (директивное закрытие педологии), смены политических курсов, когда на протяжении одного десятилетия трижды менялись основные программные документы и партийные постановления о школе [14, с.276] – все это предъявляло новые требования к подготовке дошкольников.

Программа восьмимесячных курсов подготовки дошкольных работников при Тамбовском педагогическом техникуме в 1936 г. уже включала в себя русский язык (письменный и устный), математику, историю, географию, педагогику, гигиену, природоведение с методикой, МУЗО, занятия с материалами, рисование, лепку, физкультуру и игры в детских учреждениях, методику письма, чтения и математики в дошкольных учреждениях, методику развития речи и детскую литературу [18]. Об общественной значимости этих курсов говорит тот факт, что из 35 слушательниц, 29 были командированы районными отделами образования.

В 1937 г. педагогический техникум был переименован в педагогическое училище [24, с.4]. В 1939 г. дошкольное отделение было преобразовано в самостоятельное педагогическое училище, которое просуществовало до 1955 г.

В сложившихся условиях основной формой подготовки педагогических кадров для дошкольных учреждений в Тамбовской губернии по-прежнему оставалась курсовая и кружковая работа объединенных дошкольных коллективов. Курсы при губернских и уездных ОНО, курсы при Тамбовском педагогическом техникуме, курсы, организуемые центральным детским садом г. Тамбова, по мере возможности обеспечивали педагогическими кадрами растущую сеть дошкольных учреждений Тамбовского края и являлись проводниками основных задач и идей дошкольного воспитания. Однако проблема нехватки педагогических кадров в Тамбовском крае оставалась острой вплоть до начала Великой Отечественной войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аврех А.Л.* ППС «Тамгоснута»: статистический портрет // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т.22, вып. 1 (165). С.140–146.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.1404. Оп.1. Д.10.
3. ГАТО. Ф.1404. Оп.1. Д.12.
4. ГАТО. Ф.1404. Оп.1. Д.149.
5. ГАТО. Ф.1404. Оп.1. Д.182.
6. ГАТО. Ф.Р–1404. Оп.1 Д.194.
7. ГАТО.Ф.Р–1404. Оп.1 Д.312.
8. ГАТО. Ф.Р–1404. Оп.1 Д.890.
9. ГАТО. Ф.Р–1404. Оп.1 Д.1287.
10. ГАТО. Ф.Р.–1404. Оп.1. Д.1288.
11. ГАТО. Ф.Р–1404. Оп.1 Д.1643.
12. Декрет об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств в ведомстве Наркомпроса // ГАТО. Р–1404. Оп.1. Д.12. Л.12.
13. Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1959. С.453–457.
14. *Егоров С.Ф., Лыков С.В., Волобуева Л.М.* Введение в историю дошкольной педагогики: Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. С.Ф. Егорова. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 320 с.
15. История Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина / А.Л. Аврех [и др.]; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». 2-е изд. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. 336 с.
16. *Канищев В.В., Будюкина Н.Н.* Трудный старт. К истории Тамбовского государственного университета 1918–1921 гг. // Вестник ТГУ. 2013. №4 (120). С.9–22.
17. *Кожухов В.Н.* Первые годы педтехникума. Ст. из рукописного журнала Тамбовского педагогического училища им. Ушинского «Советский учитель», апрель 1966 г. С.37 // Фонды Музейно-выставочного комплекса ТГУ имени Г.Р. Державина. КП, инв. №33766.
18. Копии свидетельств об окончании 8-месячных курсов при Тамбовском педагогическом училище за 1936 г. // Фонды Музейно-выставочного комплекса ТГУ имени Г.Р. Державина. КП, инв. №33767.
19. Культурное строительство в Тамбовской губернии. 1918–1928. М., 1983. 206 с.
20. Обзор деятельности Кружка по организации курсов в 1919 г. // ГАТО. Ф.1404. Оп.1. Д.147.
21. Основные принципы единой трудовой школы. От государственной комиссии по просвещению. 16 октября 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1974 гг. / сост. А.А. Абакумов и др. М.: Педагогика, 1974. С.137–146.
22. *Свечникова В.В., Шауро И.Г.* Нормативное регулирование и методическое обеспечение дошкольного образования в советский период // Вопросы экономики и права. 2020. №4. С.20–24.

23. Списки выпускников Тамбовского педагогического училища, окончивших после Октябрьской революции. Машинопись // Фонды Музейно-выставочного комплекса ТГУ имени Г.Р. Державина. КП, инв. №33763.

24. Стенограмма юбилейной конференции учителей – воспитанников Тамбовского педагогического училища 1870–1945 гг. г. Тамбов, Машинопись. С.4 // Фонды Музейно-выставочного комплекса ТГУ имени Г.Р. Державина. КП, инв. №33764.

Информация об авторе:

Маторина Ирина Владимировна – аспирант, хранитель фондов Музейно-выставочного комплекса, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Российская Федерация); e-mail: mirw5@yandex.ru

Поступила 09.10.2022

Принята к публикации 25.11.2022

Training of teaching staff for the system of preschool education in the Tambov region in the 1920s–1930s

I.V. Matorina

*Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russian Federation*

One of the central problems with the formation and development of the system of preschool education was an acute shortage of teaching staff in the country generally and locally. This paper considers the issue of training teaching staff for preschool institutions in the Tambov region in the 1920s–1930s, the activities of governorate and uyezd preschool subdivisions in this regard: the organization of courses and clubs, the availability of educational institutions to train specialists in preschool education, suggested training programs. We showed the direct dependence of changes in the training of teaching staff for the system of preschool education of the region on changes in the political situation in the country, on the decisions of the All-Russian Congresses on preschool education.

Keywords: preschool education system, training of teaching staff, preschool subdivision, All-Russian Congresses on preschool education, training courses

For citation: Matorina I.V. Training of teaching staff for the system of preschool education in the Tambov region in the 1920s–1930s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.140–150. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.140-150> (In Russian)

REFERENCES

1. Avrekh A.L. PPS «Tamgosnuta»: statisticheskiy portret [The teaching staff of "Tamgosnut": a statistical portrait]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2017, Vol. 22, vyp. 1 (165), pp.140–146. (In Russian)
2. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO) [State Archive of the Tambov Region]. F.1404. Op.1. D.10. (In Russian)

3. GATO. F.1404. Op.1. D.12. (In Russian)
4. GATO. F.1404. Op.1. D.149. (In Russian)
5. GATO. F.1404. Op.1. D.182. (In Russian)
6. GATO. F.R–1404. Op.1 D.194. (In Russian)
7. GATO.F.R–1404. Op.1 D.312. (In Russian)
8. GATO. F.R–1404. Op.1 D.890. (In Russian)
9. GATO. F.R–1404. Op.1 D.1287. (In Russian)
10. GATO. F.R.–1404. Op.1. D.1288. (In Russian)
11. GATO. F.R–1404. Op.1 D.1643. (In Russian)
12. Dekret ob ob"edinenii uchebnykh i obrazovatel'nykh uchrezhdeniy i zavedeniy vsekh vedomstv v vedomstve Narkomprosa) [Decree on the unification of educational institutions of all departments in the department of the People's Commissariat of Education]. *GATO. R–1404. Op.1. D.12. L.12.* (In Russian)
13. Dekrety Sovetskoj vlasti. Tom II. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. [Decrees of the Soviet power. Volume II. March 17 – July 10, 1918]. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoy lit-ry, 1959. Pp.453–457. (In Russian)
14. Egorov S.F., Lykov S.V., Volobueva L.M. Vvedenie v istoriyu doshkol'noy pedagogiki: uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy [Introduction to the history of preschool pedagogy]. Ed. by S.F. Egorov. Moscow: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2001. 320 p. (In Russian)
15. Istoriya Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni G.R. Derzhavina [History of Tambov State University named after G.R. Derzhavin] / A.L. Avrekh [i dr.]; M-vo obr. i nauki RF, FGBOU VO «Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina». 2-e izd. Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2018. 336 p. (In Russian)
16. Kanishchev V.V., Budyukina N.N. Trudnyy start. K istorii Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta 1918–1921 gg. [Difficult start. For the history of the Tambov State University 1918–1921]. *Vestnik TGU*, 2013, №4 (120), pp.9–22. (In Russian)
17. Kozhukhov V.N. Pervye gody pedtekhnikuma. St. iz rukopisnogo zhurnala Tambovskogo pedagogicheskogo uchilishcha im. Ushinskogo “Sovetskiy uchitel”, aprel' 1966 g. S.37 [The first years of the pedagogical college. An article from the handwritten journal of the Ushinsky Tambov Pedagogical College “Soviet teacher”, April 1966, p.37]. *Fondy Muzejno-vystavochnogo kompleksa TGU imeni G.R. Derzhavina. KP, inv. №33766.* (In Russian)
18. Kopii svidetel'stv ob okonchani 8-mesyachnykh kursov pri Tambovskom pedagogicheskom uchilishche za 1936 g. [Copies of certificates of completion of 8-month courses at the Tambov Pedagogical College for 1936]. *Fondy Muzejno-vystavochnogo kompleksa TGU imeni G.R. Derzhavina. KP, inv. №33767.* (In Russian)
19. Kul'turnoe stroitel'stvo v Tambovskoy gubernii. 1918–1928 [Cultural construction in the Tambov province. 1918–1928]. Moscow, 1983. 206 p. (In Russian)
20. Obzor deyatelnosti Kruzhka po organizatsii kursov v 1919 g. [Overview of the activities of the Circle on the organization of courses in 1919]. *GATO. F.1404. Op.1. D.147.* (In Russian)
21. Osnovnye printsipy edinoy trudovoy shkoly. Ot gosudarstvennoy komissii po prosveshcheniyu. 16 oktyabrya 1918 g. [Basic principles of the unified labor school. From the state commission on education. October 16, 1918]. *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1974 gg.* Compiler A.A. Abakumov and others. Moscow: Pedagogika, 1974. Pp.137–146. (In Russian)

22. Svechnikova V.V., Shauro I.G. Normativnoe regulirovanie i metodicheskoe obespechenie doskol'nogo obrazovaniya v sovetskiy period [Normative regulation and methodological support of preschool education in the Soviet period]. *Voprosy ekonomiki i prava*, 2020, №4, pp.20–24. (In Russian)

23. Spiski vypusknikov Tambovskogo pedagogicheskogo uchilishcha, okonchivshikh posle Oktyabr'skoy revolyutsii. Mashinopis' [Lists of graduates of the Tambov Pedagogical College who graduated after the October Revolution. Typescript]. *Fondy Muzejno-vystavochnogo kompleksa TGU imeni G.R. Derzhavina*. KP, inv. №33763. (In Russian)

24. Stenogramma yubileynoy konferentsii uchiteley – vospitannikov Tambovskogo pedagogicheskogo uchilishcha 1870–1945 gg. g. Tambov, Mashinopis'. S.4 [Transcript of the anniversary conference of teachers – pupils of the Tambov Pedagogical College 1870–1945. Tambov, Typescript, p.4]. *Fondy Muzejno-vystavochnogo kompleksa TGU imeni G.R. Derzhavina*. KP, inv. №33764. (In Russian)

About the author:

Matorina Irina Vladimirovna – Postgraduate student, Curator of the collection of the Museum and Exhibition Complex, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation); e-mail: mirw5@yandex.ru

Received October 9, 2022

Accepted for publication November 25, 2022

Деятельность Карельского государственного педагогического института в 1930-е гг.

С.Н. Филимончик

*Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Российская Федерация*

В статье проанализирована организационная, учебная и научная деятельность Карельского государственного педагогического института в условиях сталинской модернизации 1930-х гг. Выявлены источники формирования, численность, состав таких новых социальных групп городского населения Карелии как преподаватели и студенты вузов. Доказано, что деятельность вузов Карелии существенно повысила в 1930-е гг. доступность высшего образования для сельской молодежи, представителей финно-угорских народов.

Ключевые слова: Карельский государственный педагогический институт, Учительский институт, студенты

Для цитирования: Филимончик С.Н. Деятельность Карельского государственного педагогического института в 1930-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.151–155. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.151-155>

История Карельского государственного педагогического института (далее КГПИ) освещена в книгах, изданных к юбилею вуза. Основное внимание в них уделено послевоенной истории института, а первые годы его деятельности охарактеризованы сравнительно кратко. Хранителями памяти много лет выступали проректоры КГПИ Р.П. Калинин и Н.В. Предтеченская. Под их началом был опубликован ряд архивных документов, составлена хроника событий [1], создана солидная база данных для реконструкции коллективной биографии работников вуза [7]. Кафедра истории КГПИ подготовила книгу о руководителях пединститута разных лет [8]. Целью данной статьи является комплексный анализ деятельности педагогического института Карелии в контексте политических реформ 1930-х гг.

Председатель правительства Карелии Э.А. Гюллинг, до 1918 гг. доцент Гельсингфорского университета, мечтал открыть в Петрозаводске университет. Однако в начале 1930-х гг. правительство РСФСР сочло эту идею оторванной от реальных возможностей региона. Кроме того, университетская модель образования тогда подвергалась критике за, якобы, оторванность от насущных задач. В условиях форсированной индустриализации поощрялось создание отраслевых вузов.

КГПИ открылся в 1931 г. в составе одного физико-технического отделения. К занятиям приступили 48 студентов, половина из них прибыла на учебу из карельской глубинки, а 6 человек являлись иммигрантами из

Америки. Закончили вуз половина из тех, кто поступил в 1931 г. [4, л.20]. В 1934 г. в КГПИ действовали уже четыре факультета: физико-математический, естественная, исторический, языка и литературы. При вузе был организован учительский институт, готовивший учителей для семилетних школ.

Руководство республики подчеркивало, что КГПИ занимает особое положение, поскольку это национальный вуз. В нем создавались как русские, так и национальные группы, в которых преподавание велось на финском языке. Подготовка в приграничной республике специалистов высшей квалификации, владеющих финским языком, велась с расчетом на то, что в условиях революционного взрыва они станут создателями передового общества на Севере Европы. На учебу в КГПИ активно привлекали карелов и финнов. В первой половине 1930-х гг. финны составляли 3% населения Карелии, при этом их доля среди студентов КГПИ превышала 40%. Учеба в советском вузе рассматривалась в качестве фактора вертикальной мобильности для финской молодежи, прибывшей в Карелию из Америки. С учетом того, что карельское население в основном проживало в деревнях, достаточно заметным было представительство карелов среди вузовской молодежи – 22–25% [2, л.15].

Обеспечить национальные группы педагогами помог Ленинградский обком ВКП(б), который командировал в КГПИ специалистов, владевших финским языком: А.С. Лутта стала первым деканом биологического факультета, А.А. Райкерус возглавил физико-математический факультет и др. В середине 1930-х гг. 31% преподавателей составляли финны, 8% карелы. Учебников на финском языке не доставало, поэтому сотрудники вуза сами переводили программы, учебные пособия для национальных групп. Несмотря на перегрузку учебными поручениями, преподаватели разработали авторские курсы лекций по финскому языку, истории финноязычной литературы.

В середине 1930-х гг. в стране утвердилась новая идеологическая концепция, в которой упор делался на защиту геополитических интересов России. В условиях укрепления государственно-охранительных тенденций возросла подозрительность сталинского режима к так называемым представителям иностранных государств. Педагогический институт обвинили в том, что он «являлся штаб-квартирой финских буржуазных националистов» [2, л.1]. В период репрессий были расстреляны прибывший в СССР из Швеции декан факультета языка и литературы В.В. Сало, эмигрант из США, историк Т.Я. Рантанен. Восемь лет провел в заключении У.Н. Руханен, преподаватель истории финской литературы. Ставшая неудобной власти «кадровая политика» сломала судьбы первых директоров КГПИ: И.А. Викхо умер под следствием, Э.М. Сювянена приговорили к расстрелу, П.Е. Савельев и П.Г. Грибков получили тюремные сроки.

В разгар критики «финнизации» началась работа по созданию литературного карельского языка. В КГПИ были созданы карельские группы. Издан букварь карельского языка, подготовлены учебники грамматики, морфологии. Однако в 1940 г. в Карело-Финской ССР эта работа по решению

властей была остановлена, в образовании вновь стал широко использоваться финский язык. Таким образом, во второй половине 1930-х гг. изучение финно-угорских языков в КГПИ дважды вынужденно прерывалось.

В 1936 г. в КГПИ работали 3 профессора, 7 доцентов, 30 и.о. доцентов и 16 ассистентов [5, л.6–9]. Должности профессоров и доцентов занимали известные ленинградские ученые на условиях совместительства. Они помогали обеспечить необходимый уровень преподавания, наладить коммуникации в научной среде, сформировать атмосферу внутренней жизни вуза, направляли на работу в КГПИ своих учеников. Кафедрой истории КГПИ руководил А.Е. Кудрявцев – заведующий кафедрой истории средних веков Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. По совету научного руководителя в 1938 г. на работу в КГПИ приехал аспирант Кудрявцева Е.С. Гардин, вскоре он, защитив диссертацию, возглавил кафедру истории, стал деканом исторического факультета. Кафедрой математики в КГПИ руководил заведующий кафедрой математики Ленинградского кораблестроительного института М.К. Куренский. В 1939 г. к нему в аспирантуру поступили молодые преподаватели КГПИ математики Р.А. Нисконен и А.Ф. Ипатов.

В конце 1930-х гг. заметно выросло число начавших работу в КГПИ аспирантов столичных вузов. Если в 1937 г. на кафедре истории только один преподаватель имел ученую степень, то в 1940 г. уже половина преподавателей защитили кандидатские диссертации. Работа в вузе побуждала к педагогическому и научному творчеству. Она обеспечивала достаток, каким он виделся жителю Петрозаводска. В 1936 г. средний заработок рабочего в Петрозаводске составлял 216 руб., а зарплата и. о. доцента пединститута – 650 руб. и выше [3, л.8]. При этом любимая работа сулила немало испытаний. Командированного в КГПИ из Ленинграда преподавателя политэкономии М.Г. Никулина в 1934–1938 гг. дважды исключили из партии и, как неизбежное следствие, дважды уволили из вуза: за социальное происхождение жены, за терпимость к «классово чуждым». Увольнения отнюдь не были вызваны профессиональной некомпетентностью, как только затихли массовые репрессии, М.Г. Никулина назначили заместителем директора КГПИ.

Когда был создан пединститут, в Карелии работали всего две средних школы, поэтому остро стояла проблема набора первокурсников. В решениях обкома партии как в эпоху «военного коммунизма» звучало слово «разверстка»: хозяйственные тресты, райкомы комсомола, Наркомпрос получали задания по поиску кандидатов к приему в вуз. С середины 1930-х гг. первоочередное внимание стало уделяться открытию средних школ в республике, и появилась возможность отбирать более подготовленных абитуриентов. Ввели вступительные экзамены, но около половины студентов пришлось зачислять с неудовлетворительными оценками, так как качество преподавания в новых школах было невысоким. Первые годы из-за низкой подготовки поступивших оценивалась в основном текущая успеваемость студентов, во второй половине 1930-х годов утвердилась система сессий с зачетами и экзаменами. На «хорошо» и «отлично» училось не более трети студентов.

Учеба требовала от молодежи упорства и целеустремленности. Студенческие общежития больше походили на казарму: в холодных комнатах жило по 16 человек. Стипендию (50–90 руб.) получали только студенты с высокой успеваемостью, а таких было немного. Большинству сельских мигрантов на помощь родителей-колхозников рассчитывать не приходилось. Помогать студентам стал институт, организовав подсобное хозяйство: построили коровник, свинарник, курятник. Активно трудилась своя рыболовная артель [4, л.4]. В 1937 г. в новом четырехэтажном каменном учебном корпусе выделили отдельное крыло для студенческого общежития. Во время советско-финляндской войны здание КГПИ было передано под военные нужды, занятия в вузе приостановили.

После Советско-финляндской войны Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР. И.В. Сталин рассчитывал, что удастся усилить советское влияние в Финляндии и стремился поддержать приграничную союзную республику. 24 марта 1940 г. на совещании в Москве Сталин выдвинул предложение о создании в Карелии университета. Ректором был назначен финский политик Т.И. Лехен, а проректором по учебной и научной работе стал директор КГПИ К.Д. Митропольский [6, с.6, 9]. Педагогический коллектив КГПИ составил кадровую основу университета. Более 50 институтских преподавателей перешли в штат нового вуза. Университет был создан, когда в республике накопили материальные ресурсы и практический опыт вузовской работы. В 1930-е гг. КГПИ подготовил более 500 учителей и тем внес вклад в осуществление всеобщего семилетнего образования в городах и промышленных центрах Карелии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карельский государственный педагогический университет в цифрах и фактах: исторические хроники / сост. Р.П. Калинин. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2006. 419 с.
2. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф.3. Оп.5. Д.164.
3. НАРК. Ф.1168. Оп.3. Д.4.
4. НАРК. Ф.1168. Оп.3. Д.37.
5. НАРК. Ф.1168. Оп.3. Д.57.
6. Петрозаводскому государственному университету 50 лет / отв. ред. М.И. Шумилов. Петрозаводск: Карелия, 1990. 300 с.
7. Преподаватели Карельского государственного педагогического университета. 1931–2001. Биографический словарь / отв. ред. Н.В. Предтеченская. Петрозаводск: Редакционно-издательский отдел Карельского научного центра РАН, 2001. 299 с.
8. Ректоры КГПУ: биографические очерки / отв. ред. Г.В. Чумаков. Петрозаводск: Изд-во КГПУ; Изд-во Скандинавия, 2006. 168 с.

Информация об авторе:

Филимончик Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация); e-mail: syrса@yandex.ru

Поступила 18.10.2022

Принята к публикации 01.12.2022

Activities of the Karelian State Pedagogical Institute in 1930s

S.N. Filimonchik

*Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russian Federation*

This article analyzes the organizational, educational, and scientific activities of the Karelian State Pedagogical Institute during the Stalinist modernization of the 1930s. Sources of formation, number, and composition of new social groups of the Karelian urban population: university lecturers and students were identified. The article shows that the institute activities in Karelia significantly increased the availability of higher education for rural youth and the Finno-Ugric peoples' representatives in the 1930s.

Keywords: Karelian State Pedagogical Institute, Teachers' Institute, students

For citation: Filimonchik S.N. Activities of the Karelian State Pedagogical Institute in 1930s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.151–155. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.151-155> (In Russian)

REFERENCES

1. Karel'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet v tsifrakh i faktakh: istoricheskie khroniki [Karelian State Pedagogical University in numbers and facts: Historical chronicles]. Compiler R.P. Kalinin. Petrozavodsk: Izd-vo KGPU, 2006. 419 p. (In Russian)
2. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kareliya (NARK) [National Archives of the Republic of Karelia]. F.3. Op.5. D.164. (In Russian)
3. NARK. F.1168. Op.3. D.4. (In Russian)
4. NARK. F.1168. Op.3. D.37. (In Russian)
5. NARK. F.1168. Op.3. D.57. (In Russian)
6. Petrozavodskomu gosudarstvennomu universitetu 50 let [Petrozavodsk State University 50 years old]. Ed. by M.I. Shumilov. Petrozavodsk: Kareliya, 1990. 300 p. (In Russian)
7. Prepodavateli Karel'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 1931–2001. Biograficheskiy slovar' [Lecturers of the Karelian State Pedagogical University. 1931–2001. Biographical dictionary]. Ed. by N.V. Predtechenskaya. Petrozavodsk: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN, 2001. 299 p. (In Russian)
8. Rektory KGPU: biograficheskie ocherki [Karelian State Pedagogical University rectors: biographical essays]. Ed. by G.V. Chumakov. Petrozavodsk: Izd-vo KGPU; Izd-vo Skandinaviiya, 2006. 168 p. (In Russian)

About the author:

Filimonchik Svetlana Nikolaevna – Cand. Sci. (history), Associate professor of the Department of National History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation); e-mail: syrsa@yandex.ru

Received October 18, 2022

Accepted for publication December 1, 2022

Подготовка высших педагогических кадров в Советской Бурятии

В.В. Номогоева, А.М. Шойдонова

*Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Российская Федерация*

В статье рассматриваются вопросы подготовки педагогических кадров Бурятии в советское время. Особое внимание в организации этого процесса уделяется опыту Бурятского государственного пединститута. Изучение деятельности БГПИ представляется важной составляющей в вопросе подготовки педагогов с высшим образованием. Цель исследования – изучение вклада БГПИ в дело подготовки учительских кадров с 1932 по 1991 гг. Представлены следующие задачи исследования: определение предпосылок создания пединститута; изучение основных этапов становления пединститута; выявление наиболее значимых выпускников института, занятых в региональной системе образования. За изучаемый период пединститут выпустил целую плеяду талантливых и выдающихся учителей, многое сделавших для развития образовательной системы Бурятии.

Ключевые слова: образование, культурная модернизация, педагогические кадры, советская модернизация, Бурятия

Для цитирования: Номогоева В.В., Шойдонова А.М. Подготовка высших педагогических кадров в Советской Бурятии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13. №1. С.156–163. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.156-163>

В 2023 г. отмечается знаменательное событие – столетний юбилей Республики Бурятия. За это время пройден значительный путь, включавший в себя сложные процессы трансформации и модернизации. Особое значение имеет вопрос организации системы образования и подготовки педагогических кадров высшей квалификации для нужд образовательных организаций региона. При этом, наибольшее влияние в этом процессе оказал ведущий вуз республики – Бурят-Монгольский государственный педагогический институт – Бурятский государственный педагогический институт – Бурятский государственный университет.

Вопросы становления и развития института в разные годы были освещены разными исследователями [1; 2; 3; 4]. М.П. Хабаев, как основоположник высшего образования в Бурятии, описал вопрос становления Бурят-Монгольского государственного педагогического института. Являясь непосредственным участником событий, он представил наиболее интересные материалы за 1930–1940-е гг. [11]. В 2000 г. вышла в свет монография «Alma Mater», автором которой являлся И.И. Осинский. В книге были отражены наиболее важные вехи создания БГПИ-БГУ, уделено внимание вопросам становления педагогических коллективов и формирования струк-

турных подразделений [9]. Значимыми являются публикации С.В. Калмыкова на посту ректора университета [5]. В 2022 г. издана книга «Бурятский государственный университет: история и современность», ставшая результатом многолетней работы В.В. Номогоевой и Л.Б. Ивановой [7].

Первые годы становления молодой республики стали временем значительного изменения всех отраслей экономической и социальной жизни. В 1920–1930-е гг. перед местными властями были поставлены важнейшие задачи: индустриализация республики, развитие сельского хозяйства и качественное изменение культурной жизни. Все возможные позитивные изменения сдерживала тотальная безграмотность населения и значительная нехватка профессиональных специалистов разных областей.

Статистические данные наглядно демонстрируют всю глубину кризисной ситуации. В 1923 г. действовало 450 школ, в которых обучались около 20000 человек. Общее количество педагогических работников составило всего 654 человека. При этом, доля педагогов с высшим образованием составляла всего 1,6%. В 1924 г. эта доля выросла до показателя 3,6% [8]. В республике наблюдался острый кадровый голод, напроочь отсутствовал резерв квалифицированных педагогических кадров. Особенно тяжелой была ситуация в сельских районах республики.

В таких условиях руководство школ столкнулось с вынужденной необходимостью снизить квалификационные требования к учителям. На работу принимались люди, имевшие только общее или среднее образование. Сложившаяся ситуация негативно сказывалась на образовательном процессе. Наркомпрос Бурят-Монгольской АССР неоднократно докладывал о неоднозначных результатах проверки профессиональной пригодности педагогических коллективов. В одной из сельских школ Баргузинского района проверили диктант, написанный учениками 3-го класса. Одну работу проверяли молодая учительница и директор школы. Результаты были показательными: учительница обнаружила три грамматические ошибки, директор выявил целых тринадцать ошибок [6]. Такая ситуация была типичной для своего времени, низкий профессиональный уровень педагогов отмечался повсеместно.

Необходимо было скорее решить вопрос подготовки квалифицированных педагогических кадров, в том числе имевших высшее образование. Региональные власти понимали, что создание педагогического института в Бурят-Монголии является делом первостепенной важности. Активные обсуждения общественности происходили в период с 1921 по 1932 гг. С убедительной аргументацией и обоснованием необходимости открытия высшего педагогического учебного заведения в Бурятии выступали выдающиеся деятели и ученые – Базар Барадиевич Барадин, Морхоз Петрович Хабаев, Козьмин Николай Николаевич и другие.

Вопрос планомерно обсуждался на Заседании Центрального комитета бурят-монголов Восточной Сибири (1921 г.), II Объединенном пленуме Областного комитета ВКП(б) (1928 г.), Заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета XV созыва (1931 г.) и других важных собраниях [10].

Обсуждение было продолжительным, значительное время понадобилось для изыскания необходимых денежных средств и других ресурсов. В результате, открытие первого вуза состоялось в 1932 г. и было восторженно встречено широкой общественностью. Становлению Бурят-Монгольского пединститута значительную помощь оказали высшие учебные заведения Иркутска, Томска, Москвы, Ленинграда и других городов страны. Первым директором учреждения был назначен М.П. Хабаев, оказавший большую роль в становлении образовательной системы в регионе. Морхоз Петрович прекрасно понимал существовавшую проблему и был готов направить все усилия коллектива на подготовку учителей физики, математики, естествознания, истории, русского языка и литературы, родного языка и литературы.

Первый выпуск педагогов с высшим образованием состоялся летом 1932 г. Это были 15 студентов бывшего бурят-монгольского отделения Иркутского госуниверситета. В 1936 г. состоялся первый выпуск 34 студентов, которые полностью учились именно в пединституте. Всего за 1932–1941 гг. педагогический и учительский институты подготовили для школы 407 учителей (367 – очного отделения, 40 – заочного отделения). За годы Великой Отечественной войны было подготовлено 310 педагогов (233 на очном отделении и 77 на заочном) [7, с.190]. Все эти люди стали первыми специалистами с высшим образованием, получившими дипломы непосредственно в республике.

Период 1932–1945 гг. можно назвать периодом становления Бурятского государственного педагогического института. Выпускниками института стали выдающиеся педагоги, которые учили и воспитывали подрастающее поколение республики. В числе первых выпускников стоит выделить Г.И. Упхонова, выпускника 1938 г., внесшего значительный вклад в методику преподавания русского языка в бурятских школах. Он написал ряд научных трудов и учебных пособий, в том числе учебник грамматики русского языка для 5–6 классов бурятских школ.

И.В. Баранников, выпустившийся в 1940 г., учитель русского языка и литературы. Впоследствии он станет заведующим сектора тюркских и монгольских групп в Академии педагогических наук РСФСР. Иннокентий Васильевич внёс значительный вклад в область изучения русского языка в национальных регионах. Его методика первоначального обучения русскому языку в бурятской школе до сих пор актуальна и до сих пор используется при обучении иностранных граждан.

Постановлением Совета народных комиссаров СССР «Об улучшении подготовки учителей» от 20 августа 1945 г. был ознаменован переход к обычному распорядку обучения студентов, перестройки образовательного процесса в педагогических институтах по всей стране. Переход на мирные рельсы требовал значительного увеличения числа выпускников, ужесточения квалификационных требований к будущим учителям. За 1945–1955 гг. институт окончило 2013 педагогов, из них 1537 окончили очное отделение и 476 заочное [7, с.190].

В марте 1947 г. Бурят-Монгольскому государственному педагогическому институту было присвоено имя Доржи Банзарова. Первый бурятский ученый родился в 1822 г. в семье бурятских казаков, получил высшее образование в Казанском Императорском университете. Банзаров защитил диссертацию «Черная вера или шаманство у монголов» в 1846 г., успешно занимался научной деятельностью и имел устойчивую репутацию в научных кругах. Присвоение институту имени бурятского ученого имело важное символическое значение для дальнейшего становления национальных педагогических и преподавательских кадров.

В целях поддержки учебной и научно-исследовательской деятельности был учрежден ряд именных стипендий для отличников института. 27 апреля 1957 г. перед зданием института была установлена скульптура Доржи Банзарова, выполненная известным художником и скульптором Бурятии А.И. Тиминим и отлитая из чугуна рабочими Улан-Удэнского ПВЗ. Открытие памятника стало значимым событием, в мероприятии приняли участие пионеры, комсомольцы, представители научных и общественных организаций г. Улан-Удэ.

В знаковый 1947 г. институт закончила Д.Б. Улымжиева, которая долгое время работала учителем истории в Ноехонской школе. Из-за острой нехватки квалифицированных кадров она учила детей и другим предметам: биологии, географии и химии. Дулма Батуевна, за 38 лет педагогической деятельности, с честью несла гордое звание учителя. В этом году она отпраздновала 100-летний юбилей и является старейшим педагогом Бурятии.

К послевоенному поколению студентов относится Э.Р. Раднаев, учитель бурятского языка и литературы. С 1952 г. трудился в Оронгойской и Иволгинских школах. Позже начал научную деятельность, впоследствии был избран членом-корреспондентом Российской академии образования. Эрхито Раднаевич сделал многое для сохранения бурятского языка, был настоящим энтузиастом своего дела.

Также хотелось бы отметить выдающегося бурятского педагога М.Ч. Гармаеву, которая окончила институт в 1957 г. За свою трудовую практику она преподавала математику во многих сельских школах Курумканского района. Мария Чириповна стала наставником для многих поколений учителей математики, в числе ее выпускников доктора и кандидаты наук, победители математических олимпиад.

В 1957 г. институт отмечал 25-летний юбилей, было отмечено, что за это время было подготовлено 3289 учителей. Выпускники института плодотворно работали в школах республики, успешно обучали детей и вносили свой вклад в методику обучения разным предметам в национальных школах. В этот год институт был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР за успехи в подготовке учительских кадров.

В 1960 г. Бурят-Монгольский государственный педагогический институт имени Доржи Банзарова был переименован в Бурятский государствен-

ный педагогический институт имени Доржи Банзарова. Повысился статус руководителя института – вводились должности ректора и проректоров.

С 1960-х гг. начался новый этап в развитии пединститута, были созданы новые и переформированы ранее существовавшие факультеты. В 1960 г. был открыт факультет физического воспитания. В 1962 г. был образован факультет иностранных языков с тремя отделениями: английского, немецкого и французского языков. В 1977 г. был создан индустриально-педагогический факультет, в 1978 г. – факультет начальных классов. С 1962 г. на базе института действовал университет научно-педагогических знаний. Главной задачей этого общественного учреждения являлись пропаганда научно-педагогических знаний среди учителей и родителей, повышение научно-теоретического и методического уровня педагогических кадров. В конце 1970-х гг. в институте было 7 факультетов, где велась подготовка учителей по 13 специальностям.

Н.П. Тарова, выпускница 1966 г., бессменно работала в Селенгинской школе. Она проводила большую краеведческую работу, подробно описала историю своего села, написала биографии местных старожилов и знаменитых людей. Т.Б. Тогочиева закончила институт в 1968 г., она сыграла заметную роль в развитии образования республики в 1970–1980-е гг. Шананская школа, где она работала, была опорной школой для учителей малокомплектных школ всей республики.

В 1979 г. приказом Министерства просвещения РСФСР Бурятский пединститут был отнесен к вузам высшей, то есть первой, категории, что явилось очередным признанием достижений его коллектива. В 1982 г. преподаватели и студенты института, общественность республики отметили 50-летие со дня открытия первого вуза в Бурятии. Указом Президиума Верховного Совета СССР 17 марта 1982 г. за достигнутые успехи в подготовке кадров для народного образования, обучении и воспитании студентов Бурятский государственный институт имени Доржи Банзарова был награжден орденом «Знака Почета».

1980-е гг. ознаменовали перестройку – начало глубоких перемен в жизни советского государства и общества. Страна вступила в полосу политических и социально-экономических преобразований, которые сказались и на подготовке педагогических кадров. С каждым годом росло количество выпускников института: за 1955–1970 гг. – 7446 человек, за 1970–1980 гг. – 7500 человек и за 1981–1990 гг. – 8083 человека [7, с.190].

За 1981–1995 гг. БГПИ окончило около 13755 человек, была воспитана целая плеяда выдающихся учителей, верных педагогическому мастерству. Постепенно сформировались целые учительские династии, поколениями обучавшиеся в пединституте. Большим уважением в республике пользуется семейство Кобелевых из г. Северобайкальска. Отец семейства, Петр Алексеевич выучился на учителя физкультуры, мать – Валентина Николаевна работала учителем физики и химии. Их дети продолжили традицию: Ольга Петровна стала учителем начальных классов, Николай Петрович продолжил дело отца и стал учителем физкультуры.

Семейство Болдоновых из г. Улан-Удэ, на протяжении многих поколений, получали образование в БГПИ-БГУ. Венедикт Леонтьевич был учителем русского языка и литературы, его жена – Ольга Александровна долгое время работала учителем математики и биологии. Их дети также были заняты в образовательной системе: Лия Венедиктовна работала воспитателем, Татьяна Венедиктовна – учителем немецкого и английского языков. В лице Александра Ивановича, учителя основ безопасности и жизнедеятельности и физкультуры, продолжило традицию третье поколение Болдоновых. Его сын Иван Александрович работает учителем математики и информатики в настоящее время.

За всю свою историю Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова подготовил более 77 тысяч кадров высшей квалификации. Вклад БГПИ-БГУ в дело подготовки кадров высшей квалификации для Бурятии невозможно переоценить. Вуз всегда себя позиционировал в качестве одного из динамично развивающихся и перспективных вузов Дальнего Востока, главного научного и образовательного центра республики, места успешной реализации студенческих инициатив. БГПИ-БГУ за 95 лет существования стал ведущей кузницей педагогических и научных кадров, альма-матер выдающихся педагогов и учителей Бурятии. В настоящее время в системе образования республики трудится более 17000 педагогических работников, в том числе общего образования более 13000. Из них диплом о высшем образовании имеют 85,3%, а высшую и первую квалификационную категорию – 62,7%.

Задача подготовки квалифицированных педагогических кадров остается важной задачей руководства и профессорско-преподавательского коллектива университета. В настоящее время вуз продолжает оказывать существенное влияние на социально-экономическое и инновационное развитие республики, формирование ее человеческого капитала, становясь своеобразным драйвером и точкой опоры в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бальхаева И.Х.* Становление высшей школы в Бурят-Монгольской АССР (1932–1940 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2009. №1. С.10–23.
2. *Бюраева Ю.Г.* Профессиональное образование Республики Бурятия: история и современность // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. №4(40). С.158–165.
3. *Дуринов А.А.* Очерки истории школ и педагогического образования в Бурят-Монголии. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1948. 123 с.
4. *Иванова Л.Б.* Государственная политика в области подготовки педагогических кадров в СССР в послевоенные годы (на примере Бурятии) // Власть. 2022. Т.30. №3. С.233–238.
5. *Калмыков С.В.* Университеты связуют времена. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. 304 с.
6. Народное образование Бурят-Монгольской АССР: по докладу Наркомпроса на совещании заведующих аймачными отделами народного образования // Бурят-Монгольская правда. Верхнеудинск. 1926. 6 февраля (№28). С.4.

7. *Номогоева В.В., Иванова Л.Б.* Бурятский государственный университет: история и современность. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2022. 192 с.

8. *Номогоева В.В., Шойдонова А.М.* Становление системы подготовки педагогических кадров Бурят-Монгольской АССР (1920–1930) // Исторический журнал: научные исследования. 2021. №6. С.27–35.

9. *Осинский И.И.* Alma Mater. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999. 645 с.

10. Стенографический отчет: II Сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета XV созыва [16–21 декабря 1931 г., Москва-Кремль]. М.: ВЦИК, 1931. 355 с.

11. *Хабеев М.П.* Очерки истории формирования высшего педагогического образования в Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. 89 с.

Информация об авторах:

Номогоева Виктория Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Российская Федерация); e-mail: nomogoeva67@mail.ru

Шойдонова Алтына Мункожаргаловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Российская Федерация); e-mail: shoyd89@mail.ru

Поступила 17.10.2022

Принята к публикации 01.12.2022

Training of higher pedagogical staff in Soviet Buryatia

V.V. Nomogoeva, A.M. Shoidonova
Buryat State University named after D. Banzarov
Ulan-Ude, Russian Federation

The article deals with the issues of training the teaching staff of Buryatia in the Soviet era. Special attention in the organization of this process is paid to the experience of the Buryat State Pedagogical Institute. The study of the activities of the BSPI is an important component in the issue of training teachers with higher education. The purpose of the paper is to study the contribution of the BSPI to the training of teachers from 1932 to 1991. The following tasks of the study are presented: determination of the prerequisites for the creation of a pedagogical institute; study of the main stages of the formation of the pedagogical institute; identifying the most significant graduates of the institute employed in the regional education system. During the period under study, the Pedagogical Institute graduated a pleiad of talented and distinguished teachers who did a lot for the development of the educational system of Buryatia.

Keywords: education, cultural modernization, teaching staff, Soviet modernization, Buryatia

For citation: Nomogoeva V.V., Shoidonova A.M. Training of higher pedagogical staff in Soviet Buryatia. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.156–163. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.156-163> (In Russian)

REFERENCES

1. Bal'khaeva I.Kh. Stanovlenie vysshey shkoly v buryat-mongol'skoy ASSR (1932–1940 gg.) [Formation of higher education in the Buryat-Mongolian ASSR (1932–1940)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2009, №1, pp.10–23. (In Russian)
2. Byuraeva Yu.G. Professional'noe obrazovanie Respubliki Buryatiya: istoriya i sovremennost' [Vocational education in the Republic of Buryatia: past and present]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2020, №4(40), pp.158–165. (In Russian)
3. Durinov A.A. Ocherki istorii shkol i pedagogicheskogo obrazovaniya v Buryat-Mongolii [Essays on the history of schools and teacher education in Buryat-Mongolia]. Ulan-Ude: Burmngiz, 1948. 123 p. (In Russian)
4. Ivanova L.B. Gosudarstvennaya politika v oblasti podgotovki pedagogicheskikh kadrov v SSSR v poslevoennye gody (na primere Buryatii) [State policy in the field of teacher training in the USSR in the post-war years (by the example of Buryatia)]. *Vlast'*, 2022, vol. 30, №3, pp.233–238. (In Russian)
5. Kalmykov S.V. Universitety svyazuyut vremena [Universities connect times]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gos. un-ta, 2010. 304 p. (In Russian)
6. Narodnoe obrazovanie Buryat-Mongol'skoy ASSR: po dokladu Narkomprosa na soveshchaniy zaveduyushchikh aymachnymi otdelami narodnogo obrazovaniya [Public education of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic: according to the report of the People's Commissariat for Education at a meeting of heads of aimak departments of public education]. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. Verkhneudinsk, 1926, 6 fevralya (№28), p.4. (In Russian)
7. Nomogoeva V.V., Ivanova L.B. Buryatskiy gosudarstvennyy universitet: istoriya i sovremennost' [The Buryat State University: past and present]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2022. 192 p. (In Russian)
8. Nomogoeva V.V., Shoydonova A.M. Stanovlenie sistemy podgotovki pedagogicheskikh kadrov Buryat-Mongol'skoy ASSR (1920–1930) [Formation of the system of training pedagogical staff of the Buryat-Mongolian ASSR (1920–1930)]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2021, №6, pp.27–35. (In Russian)
9. Osinskiy I.I. Alma Mater [Alma Mater]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gos. un-ta, 1999. 645 p. (In Russian)
10. Stenograficheskiy otchet: II Sessiya Vserossiyskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta XV sozyva (16–21 dekabrya 1931 g., Moskva-Kreml') [Verbatim report: II Session of the All-Russian Central Executive Committee of the XV convocation (December 16–21, 1931, Moscow-Kremlin)]. Moscow: VTsIK, 1931. 355 p. (In Russian)
11. Khabaev M.P. Ocherki istorii formirovaniya vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v Buryatii [Essays on the history of the formation of higher pedagogical education in Buryatia]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1983. 89 p. (In Russian)

About the authors:

Nomogoeva Victoria Vladimirovna – Dr. Sci. (history), Associate professor of the Department of History of Buryatia, Buryat State University named after D. Banzarov (Ulan-Ude, Russian Federation); e-mail: nomogoeva67@mail.ru

Shoidonova Altyna Munkozhargalovna – Cand. Sci. (history), Associate professor of the Department of History of Buryatia, Buryat State University named after D. Banzarov (Ulan-Ude, Russian Federation); e-mail: shoyd89@mail.ru

Received October 17, 2022

Accepted for publication December 1, 2022

Учебная повседневность студентов Елабужского
учительского института в 1939–1941 гг.

И.В. Маслова

*Елабужский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета
Елабуга, Российская Федерация*

Статья посвящена изучению учебной повседневности студентов Елабужского учительского института в период становления системы высшего педагогического образования в СССР. Согласно Постановления СНК РСФСР в 1939 г. 48 педагогических училищ были преобразованы в учительские институты. За несколько лет в стране была создана широкая сеть таких институтов. Постановлением Правительства Союза ССР в Елабуге к началу 1939–40 учебного года на базе педагогического училища был создан Учительский институт республиканского значения. Исследование проведено на примере Елабужского учительского института на основе анализа архивных источников и материалов периодической печати.

В исследовании проанализированы основные структурные компоненты учебной повседневности студентов учительского института: темпоральные характеристики, связанные с учебной деятельностью; организация учебно-воспитательного процесса в вузе; соблюдение общепринятых норм и правил поведения обучающихся, приемы проведения досуга и отдыха, культура питания и быта. Изучены жилищно-бытовые и материально-финансовые условия жизни студенческой молодежи в условиях советской действительности в предвоенный период.

Ключевые слова: советский студент, Елабужский учительский институт, учебная повседневность, педагогическое образование

Для цитирования: Маслова И.В. Учебная повседневность студентов Елабужского учительского института в 1939–1941 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.164–175. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.164-175>

Система вузовского обучения в Российской Федерации в 2022 г. оказалась перед проблемой отхода от болонской процесса и модернизации в соответствии с ценностями и целями, которые государство и общество ставит перед образованием. В связи с этим актуально изучить опыт развития образовательных учреждений, накопленных в разные годы, в том числе и в советский период.

Система становления высшего педагогического образования в СССР была неразрывно связана с реформами школьного образования. С принятием в 1930 г. постановления о «Всеобщем обязательном начальном обучении» резко возросла потребность в учителях. Для решения этой проблемы в Постановлении предусматривались следующие мероприятия: «а) срочно развернуть сеть педагогических институтов и техникумов, а

также специальных педагогических курсов, увеличить количество учащихся в них, а также вводить применение других форм подготовки учителей; б) принять меры к привлечению на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности; в) привлечь к работе по всеобщему обучению в порядке производственной практики учащихся педагогических учебных заведений; г) усилить коммунистическое и рабочее ядро среди учителей» [12, с.621–626]. Вслед за реформой начального образования начались преобразования в средней школе: в 1934–1935 гг. в связи с введением в СССР всеобщего обязательного 7-летнего обучения и острым недостатком учителей были организованы учительские институты с 2-летним сроком обучения для подготовки учителей 5–7-х классов неполных средних и средних школ. Согласно Постановлению СНК РСФСР в 1939 г. 48 педагогических училищ были преобразованы в учительские институты [11, л.107]. За несколько лет в стране была создана широкая сеть таких институтов. Только в РСФСР в 1940 г. действовало уже 130 учительских институтов, а к 1945 г. их насчитывалось уже 187 [16]. Постановлением Правительства Союза ССР в Елабуге к началу 1939–40 учебного года на базе педагогического училища был создан Учительский институт республиканского значения. Это было первое высшее учебное заведение в Елабуге. Учительский институт готовил квалифицированных учителей для неполных средних школ 5–7-х классов средней школы, срок обучения составлял 2 года. В первый год был открыт прием студентов на четыре факультета: 1) исторический; 2) русского языка и литературы; 3) физико-математический; 4) естественно-географический. В 1939 г. на каждый факультет принималось по 60 человек. Вступительные испытания проводились в форме экзаменов. Например, поступая на исторический факультет абитуриент должен был сдать три экзамена: 1) историю народов СССР и Конституции СССР (этот экзамен был обязательным для поступления на все факультеты; 2) географию; 3) русский язык [5]. Приемную компанию проводили в ближайших к Елабуге 12 районах Татарской и Удмуртской АССР. В институт принимались девушки и юноши в возрасте 17–35 лет, имеющие образование не ниже 9 классов средней школы. Несмотря на то, что с 1932 г. в СССР уже действовала 10-летняя система среднего образования, в правилах приема в учительский институт значилось именно 9-летнее образование. Это объяснялось тем, что в первые годы советской власти школьное образование включало две ступени (пятилетнюю и четырехлетнюю), с учетом этого формулировка «не ниже 9 классов» позволяла поступать в учительские институты и недавним выпускникам школ и тем, кто окончил среднюю ступень обучения до 1932 г.

Стоит заметить, что с октября 1940 г. обучение во всех высших учебных заведениях стало платным и составляло для вузов Москвы, Ленинграда и столиц Союзных республик 400 руб. в год, а для остальных вузов 300 руб. в год. «Плата за обучение взимается в соответствующие учебные заведения два раза в год: 1 сентября и 1 февраля. Примечание: за первое полугодие 1940–1941 учебного года – плата за обучение вносится не позже 1

ноября сего года» [13, с.910]. Заочное обучение оплачивалось в половинном размере. Но при этом студенты обучавшиеся на хорошо и отлично получали стипендию от 150 руб. в месяц и выше.

Студенты, не внесшие плату за обучение, отчислялись из института. Согласно приказу от 8 сентября 1940 г. по Елабужскому учительскому институт «ввиду отказа вносить плату за обучение» из числа студентов было отчислено сразу 45 человек [4, л.52об]. Согласно мнению секретаря учебной части института Н.Конькина, были студенты, которые поступали в институт только ради получения стипендии: «Например, в прошлом году поступила на учебу в институт т. Метелева. Проучившись пять месяцев за плохую успеваемость, была исключена из института. В нынешнем году она снова поступила на учебу и как только узнала о платности за обучение, одна из первых заявила об уходе. Или другой студент I курса исторического факультета Салимов прислал нам в дирекцию письмо, чтобы выслали ему стипендию за вторую половину сентября, он считает ее заработанной» [6].

Студентам, сдавшим вступительные испытания на две пятерки и четверку или принимавшимся в вуз без экзаменов, как окончивший школу с отличием уже с сентября назначалась стипендия по 150 руб. в месяц. Таким образом они могли оплатить свое обучение в вузе уже после получения стипендии за первые два месяца. Но таких было не много, большинство студентов, для оплаты учебы получали денежные переводы от родителей. «Это подтверждает то, что родители желают учить своих детей» сообщает на страницах местной газеты Н.Конькин [6].

К факторам учебной повседневности студента советского Учительского института предвоенного времени относятся: темпоральные характеристики, связанные с учебной деятельностью; организация учебно-воспитательного процесса в вузе; соблюдение общепринятых норм и правил поведения в вузе, приемы проведения досуга и отдыха, культура питания и быта.

К основным темпоральным характеристикам студенческой жизни относились продолжительность учебного времени и бюджет времени. Продолжительность учебного времени была в целом такой же, как и у современных студентов. В структуре учебного года было два семестра, в конце каждого из семестров зачетно-экзаменационная сессия. Зимние каникулы составляли две недели, летние каникулы два месяца. В 1939 г. в учебные занятия велись пять дней в неделю, но и июня 1940 г. во всех вузах страны была введена шестидневка.

Бюджет времени студента в 1939–1940 гг. серьезно отличался от современного. Во-первых, студент проводил на учебных занятиях гораздо больше времени (3–4 пары в день); во-вторых, учитывая нехватку литературы в провинциальном учительском институте для подготовки к занятиям, студентам приходилось и вторую половину дня проводить в институте занимаясь в читальном зале или в специализированных кабинетах; в-третьи, вся общественная и культурно-массовая работа была сосредоточена в рамках деятельности комсомольской организации вуза, а значит от-

дых и досуг студента так же проходил в стенах вуза. В целом общий бюджет времени, проводимом в стенах института, составлял от 8 до 10 часов.

Характеризуя организацию учебно-воспитательного процесса в вузе, отметим, что основным учебным предметом, на всех факультетах являлся «Основы марксизма-ленинизма». Методика преподавания этого предмета предполагала чтение лекций в соответствии с главами учебника «Краткий курс истории ВКП(б)», а на семинарах работали с источниками – изучали произведения классиков марксизма-ленинизма. В архиве сохранился приказ по учительскому институту от 2 апреля 1940 г., в котором сообщалось, что «по основам марксизма-ленинизма на место зачета будет экзамен по пройденной части курса. Всем студентам необходимо учесть это распоряжение и вести подготовку по курсу основ марксизма-ленинизма с таким расчетом, чтобы получить отличные отметки» [4, л.101об].

В учительском институте не использовали понятия семинарских занятий, учебные занятия называли уроками или уроками-часами. Подобные «понятийные» несоответствия являлись отголосками педагогического училища, на базе которого и возник учительский институт. Вместе тем процесс обучения включал лекционные, практические (семинарские) занятия, лабораторные работы.

Непривычно выглядел учебный план, в котором дисциплины прикреплялись не к специальности, по которой обучался студент, а к кафедре, которая была основной на факультете. Например, на историческом факультете за кафедрой истории были закреплены следующие дисциплины: история СССР, история средних веков, история древнего мира, история нового времени, методика преподавания истории.

Преобладали, как сейчас бы сказали контактные формы обучения лекционные и практические занятия. В раздел «Отдельные дисциплины» включались предметы, которые изучались на всех факультетах. Сюда входили: основы марксизма-ленинизма, психология, педагогика, немецкий язык, военная подготовка [17, л.6].

Для проведения самостоятельной работы студентов при каждой кафедре работали специализированные кабинеты. К началу первого учебного года (1939/1940 гг.) в институте были оборудованы кабинеты марксизма-ленинизма, физики, химии, биологии, языка и литературы, физкультурный зал и даже клуб.

Учитывая нехватку учебной литературы, студенты много времени проводили в читальном зале библиотеки. В библиотеке института не хватало не только учебников и художественной литературы, столь необходимой на факультете русского языка и литературы. Чтобы восполнить ее недостаток руководству вуза приходилось покупать книги у населения. Уже в первую сессию в январе 1940 г. было принято решение, что все кабинеты и библиотека будут работать с 9:00 до 22:00 часов с перерывом с 14 до 15 часов, чтобы у студентов была возможность готовиться к экзаменам [4, л.144].

Очень серьезные требования предъявлялись к показателям успеваемости, при чем эти показатели публиковались на страницах местной газе-

ты «Сталинский путь». Например, в летнюю сессию 1940 г. 98,5% получили по итогам сдачи «Основ марксизма-ленинизма» положительные отметки [9]. Сохранившиеся в фондах Музея истории Елабужского института фотографии позволяют предположить, что экзамен принимала комиссия в составе двух-трех преподавателей. Кроме того, на экзамене присутствовал постоянный «корреспондент» учительского института и готовил для местной газеты статьи по итогам сессии, в которых подробно сообщал, какие вопросы содержались в экзаменационном билете у того или иного студента и какие дополнительные вопросы ему были заданы в ходе экзамена. «Студент второго курса исторического факультета Щербаков по истории древнего мира на основные вопросы ответил не ниже, как на «хорошо», но не мог на карте показать реки Дунай» [7].

Руководство учительского института уделало особое внимание сдаче сессии в срок и без двоек: «в прошлой сессии имелись случаи, когда некоторые студенты являлись на экзамен не подготовленными, что приводило к бесконечным пересдачам. Нынче повторная сдача экзаменов запрещается» [10]. Вместе с тем были предприняты меры для поощрения успевающих студентов, те их них, которые успешно сдавали лабораторные и практические работы, получали право досрочной сдачи сессии. Чтобы стимулировать студентов к успешной сдаче экзаменов была введена практика индивидуальных договоров социалистического соревнования «за отличничество».

В институте велась большая воспитательная работа в рамках мероприятий проводимых ВЛКСМ, студенческих кружков и клубов, проводились публичные лекции и политинформации. В комнате отдыха можно было послушать патефон, музицировать на баяне, играть в шашки, шахматы, на бильярде.

Будущие учителя обязаны были принимать участие в праздничных демонстрациях. В приказе по Елабужскому учительскому институту сообщалось: «29 и 30 апреля провести подготовку строя к 1 мая. Назначить сбор во дворе 2-го здания института (во дворе общежития) в 16.00. Обязать старост групп обеспечить 100% явку на сбор. Предупредить всех студентов института, что разъезжаться на праздник могут только после демонстраций» [4, л.54]. Студенты, нарушившие это распоряжение были наказаны: снижением стипендии на 40%, объявлением выговора и взысканием «поставить на вид» и «предупредить».

На каждого студента, поступившего в институт, заводилась личная карточка, в которую записывались основные сведения о студенте. В 1939/40 гг. в карточку вносились следующие сведения:

- личные данные: фамилия имя и отчество, год и место рождения (без указания дня и месяца), национальность, образование (№ школы, № аттестата), паспорт, трудовой стаж, социальное происхождение, знание языков народов СССР, адрес родителей;
- партийность и воинская обязанность: партийность, членство в ВЛКСМ, профсоюзе, отношение к воинской обязанности.

– данные, связанные с обучением в вузе: факультет, специальность, номера приказов о зачислении, переводе и отчислении, поощрения, взыскания, отпуск (речь об академическом отпуске), сведения о стипендии (по семестрам). Последние данные с определенной долей условности можно назвать своеобразными маркерами студенческой учебной повседневности.

Учебная повседневность регламентировать правилами института, нарушение приводило к дисциплинарным взысканиям и наказаниям. Огромное внимание уделялось дисциплине студентов, что породило достаточное количество видов дисциплинарных взысканий. Учитывая, что посещение учебных занятий было строго обязательно, за пропуски студентов отчисляли. Примером может служить объявление строго выговора студенту физмата уже 22 сентября 1939 г. (т.е. уже в первый месяц деятельности вуза) за пропуск 12 уроков-часов без уважительной причины [4, л.12]. Посещаемость студентов проверялась по журналам, которые вели старосты групп и еженедельно (по пятницам) предоставляли данные в деканат.

Но проблема непосещения занятий сохранялась, о чем свидетельствовал специальный приказ по учительскому институту от 10 ноября 1939 г., в котором сообщалось, что за неделю процент пропусков без уважительной причины составил 2,1. В качестве меры взыскания студентов снимали со стипендии с того месяца, в котором им было объявлено взыскание. Самым суровым дисциплинарным взысканием за пропуски было отчисление из института. Например, приказом от 16 ноября 1939 г. за пропуски были отчислены сразу пять студентов с разных факультетов. Подобные меры давали свои результаты и студентов, которые не пропускали занятий и показывали положительную динамику в учебе могли вновь «зачислять в число стипендиатов». В целом процент студентов «снятых» со стипендии за первый семестр был не значительным и составил 4,7% (7 человек из 148) [4, л.30–31об].

В 1940 г. была введена практика свободного посещения студентами учебных занятий. При этом устанавливались правила: 1) заявление на право свободного посещения учебных занятий студенты пишут на имя директора института; 2) студенты самостоятельно выбирают какие предметы выносятся на самостоятельное изучение, а значит не требуется обязательного посещения занятий по этому предмету; 3) студент мог пропустить не более 1/3 занятий в неделю; 4) учет посещаемости студентов переведенных на «свободное посещение ведут старосты групп; 5) «сохраняется обязательно посещение студентами семинарских занятий по курсу марксизма-ленинизма и военной подготовки» [4, л.126об.–127].

Выговором с предупреждением наказывалось и посещение занятий в нетрезвом виде. Под предупреждением понималось «что за подобные случаи впредь виновные будут безоговорочно отчисляться» [4, л.22]. Выговором наказывалась утеря зачетной книжки.

Те же правила регулировали и систему поощрений, получившую распространение в институте. За отличные показатели в учебе помимо стипендии студентов премировали суммой от 50 до 100 руб.

В целях улучшения качества учебы было учреждено переходящее красное знамя на лучшую группу института. Одновременно установлена разовая денежная премия на лучшую группу 200 руб. [4, л.32].

Отдельное поощрение устанавливалось за хорошие показатели в учебе и за активное и отличное участие в военно-физкультурной работе. Премии по этим показателям в размере 75 руб. получали 2–3 студентов в семестр [4, л.45]. Учитывая важность оборонно-массовой и физкультурной работы среди студентов руководство вуза установило специальные премии в этой области: две первых премии по 100 руб.; три вторых по 75 руб.; пять третьих по 50 руб. [4, л.32]. Студенты обучающиеся на хорошо и отлично награждались путевками в дома отдыха. Летом 1940 г. 12 студентов учительского института получили путевки в дом отдыха, и один студент был направлен на лечение в санаторий Тарловский [15].

Одним из направлений патриотической работы среди советского студенчества было создание массовых оборонных организаций и обществ, которые распространяли основы военных знаний. Студенты Елабужского учительского института принимали активное участие в деятельности общественно-политической оборонной организации Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). Основными задачами организации были: пропаганда использования химических веществ в мирных целях распространение знаний и навыков о том, как защищаться от химического оружия. Одним из приоритетных направлений Осоавиахим была деятельность по организации физической подготовки советских граждан, с этой целью вводились специальные знаки по сдаче спортивных нормативов. С 1932 г. был введен значок «Ворошиловский стрелок» (двух ступеней), для получения которого нужно было продемонстрировать зачетные результаты по стрельбе из боевой винтовки. В феврале 1940 г. сразу несколько студентов института «за активное участие в стрелковом деле и выполнение норм по 29 очков» были премированы значком Ворошиловский стрелок II ступени [4, л.45]. Физическая подготовка и спорт были подчинены делу обеспечения обороноспособности страны. «По новой программе Осоавиахима стрелки проходят многогранную военную подготовку. Особое внимание должно быть уделено проведению тактических занятий на лыжах» [8]. Студенты учительского института принимали участие лыжных соревнованиях, устраивали лыжные прогулки и походы.

Еще одним направлением патриотической работы стало участие в соревновании за получение значка ПВХО I ступени. С этой целью из числа преподавателей в марте 1940 г. была создана комиссия для приема нормативов комплекса «Готов к противоздушной и противохимической обороне». Нормативы включали: общие знания об авиационных бомбах и химическом оружии, умения собирать и использовать противогаз, пользоваться бомбоубежищем и газоубежищем, навыки оказания первой доврачебной помощи [1].

Свидетельством важности и первостепенности военной подготовки в советском вузе был призыв в армию. Ежегодно в сентябре студенты юно-

ши массово отчислялись из вуза в связи с призывом на службу в РККА. К ноябрю 1939 г. 26% из числа поступивших на первый курс студентов ушли в армию. Студенты, прошедшие службу в РККА, вернувшиеся на учебу, освобождались от военной подготовки.

Еще одной характеристикой повседневности студенчества были трудовые десанты: поездка на работу в колхозы, на торфозаготовки, участие в строительных отрядах.

Став студентом Елабужского учительского института обучающиеся, получали общежитие, в котором проживали в комнате по 14–16 человек. В первое время в общежитии не хватало умывальников и отсутствовала возможность кипятить воду для бытовых нужд (мытья и стирки). В общежитии могли проживать исключительно студенты. Родственникам запрещалось ночевать в общежитии, в противном случае студента лишали права проживания в общежитии.

Студенческая столовая работала с перебоями [2]. Но несмотря на все бытовые неудобства студенты проявляли старание в учебе и общественной жизни. Рассматривая культуру питания и быт студенчества соотнесем стоимость продуктовой корзины в СССР и размер студенческой стипендии.

Согласно официальной статистике в СССР к 1940 г. в структуру питания советских граждан (продовольственная потребительская корзина в среднем на душу населения в год) входили продукты, приведенные в таблице.

***Продовольственная потребительская корзина в СССР
и ее стоимость в 1940 г. [3; 14]***

Название продуктов	В среднем на душу населения в год в кг	В среднем на душу населения в месяц в кг	Цена за 1 кг (руб.)	Цена за единицу потребления
Хлебные продукты (хлеб, мука, макароны, крупа)	195 кг	16, 25	4	65
Картофель	118	9,8	–	–
Овощи	67	5,6	–	–
Мясо (говядина)	24	2	9,60	19,2
Рыба (хек) и рыбные продукты	5,1	0,425	3	1,3
Молоко и молочные продукты	143	12	1,60	19,2
Яйца	54	4,5	5 (десяток)	2,25
Масло растительное	2,3	0,2	14,50	2,9
Сахар	8,7	0,725	3,80	2,7
ИТОГО				112 руб. 55 коп.

Анализ «Справочника единых отпускных и розничных цен на продовольственные товары по г. Москве» за 1937 г., позволил с учетом незначительной погрешности определить стоимость потребительской корзины в месяц в 1940 г.

В справочнике не приведены цены на картофель и овощи, но можно предположить, что елабужские студенты привозили их из дома. В целом стипендии в 150 руб. в месяц хватало, чтобы обеспечить себя продуктами, учитывая, что примерная месячная стоимость продовольственной потребительской корзины по Москве составляла 112 руб. 55 коп.

К числу пищевых правил провинциального студенчества следует отнести: использование продуктов исключительно советского производства; употребление в пищу сезонных продуктов; употребление большого количества хлеба, который мог заменять основное блюдо.

В целом учебная повседневность студентов Елабужского учительского института 1939–1940 гг. определялась временными параметрами учебного года включавшего по два семестра, две сессии, и два каникулярных периода. Общий бюджет времени, в течение которого студент находился в институте, составлял от 8 до 10 часов, что объяснялось большим количеством часов контактной работы, необходимостью самостоятельной работы в читальном зале и учебных кабинетах вуза. Учебная деятельность организовывалась в соответствии с учебным планом и строго регламентировалась правилами, устанавливаемыми законодательством в области системы образования и локальными актами вуза.

Культура питания включала большое количество хлеба, каш, сезонных овощей, соленые и квашеные продукты собственного производства. Широкое распространение получили практики питания в пунктах общественного питания (столовых). Приемы организации досуга были подчинены общегосударственным принципам военно-патриотического и трудового воспитания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Будь готов к ПВХО: пособие для подготовки населения к ПВХО / под ред. П.Кобелева. Омск: ОГИЗ: Омское областное гос. изд-во, 1941. 44 с.

2. Воспоминания Самойловой В.И. // Фонды музея Елабужского института КФУ. Ф.1. Оп.5.

3. Доклад ЦСУ СССР, Института экономики Академии наук СССР и Института питания Академии медицинских наук СССР Н.А. Булганину об уровне потребления основных продовольственных и промышленных товаров в СССР на душу населения // Сборник документов «Советская жизнь. 1945–1953 гг.» М.: РОССПЭН, 2003: [Электронный ресурс] URL: <http://istmat.org/node/18419> (дата обращения: 5.06.2022).

4. Елабужский учительский институт. Приказы директора 1939–1940 гг. // Архив Елабужского института КФУ. Ф.1. Оп.1. Д.1.

5. К открытию Елабужского государственного учительского института // Сталинский путь. 1939. 18 июля.
6. *Конькин Н.* В учительском институте // Сталинский путь. 1940. 24 ноября.
7. *Конькин Н.* В учительском институте // Сталинский путь. 1941. 26 января.
8. Овладевайте лыжным спортом // Сталинский путь. 1940. 12 декабря.
9. Овладевают большевизмом // Сталинский путь. 1940. 25 июля.
10. Организованно проведем зимнюю экзаменационную сессию // Сталинский путь. 1940. 12 декабря.
11. Постановление СНК РСФСР «О реорганизации педагогических училищ Наркомпроса РСФСР в учительские институты» // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.А 259. Оп.24. Д.179.
12. Постановление СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 г. // История Советской Конституции (в документах). М., 1957. С.621–626.
13. Постановление СНК СССР №638 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР, и об изменении порядка начисления стипендий» // Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических республик 1940 г. №27. 26 октября. М.: Тип. Упр. Делами СНК Союза ССР, 1940. С.901–932.
14. Справочник единых отпускных и розничных цен на продовольственные товары по г. Москве за 1937 г. М., 1937. 270 с.
15. Студенты едут в дома отдыха // Сталинский путь. 1940. 17 июля.
16. Учительские институты // Большая советская энциклопедия (БСЭ): [Электронный ресурс] URL: <http://bse.sci-lib.com/article114951.html> (дата обращения: 5.06.2022).
17. Учительский институт. Данные о выполнении учебного плана в 1940–1941 гг. // Архив Елабужского института КФУ. Ф. б/н. Оп. б/н. Д.9а.

Информация об авторе:

Маслова Инга Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Елабуга, Российская Федерация); e-mail: imaslovainga@gmail.com

Поступила 02.08.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Educational everyday life of students of the Yelabuga Teacher's Institute in 1939–1941

*I.V. Maslova
Yelabuga Institute (branch) of the Kazan Federal University
Yelabuga, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the educational everyday life of students of the Yelabuga Teacher's Institute during the formation of the system of higher pedagogical education in the USSR. According to the Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR in 1939, 48 pedagogical schools were transformed into teachers'

institutes. Within a few years, a wide network of such institutions was created in the country. Only in the RSFSR in 1940 there were 130 teacher's institutes, and by 1945 there were already 187 of them. By the decree of the Government of the USSR in Yelabuga, by the beginning of the 1939–1940 academic year, a teacher's institute of republican significance was created on the basis of a pedagogical school. The study was carried out on the example of the Yelabuga Teachers' Institute based on the analysis of archival sources and materials from the periodical press.

The study analyzes the main structural components of the educational everyday life of students of the teacher's institute: temporal characteristics associated with educational activities; organization of the educational process at the institute; observance of generally accepted norms and rules of behavior of students, methods of spending leisure and recreation, culture of food and life. The housing and material and financial conditions of the life of student youth in the conditions of Soviet reality in the pre-war period were studied.

Keywords: Soviet student, Yelabuga Teacher's Institute, daily learning, pedagogical education

For citation: Maslova I.V. Educational everyday life of students of the Yelabuga Teacher's Institute in 1939–1941. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.164–175. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.164-175> (In Russian)

REFERENCES

1. Bud' gotov k PVKhO: posobie dlya podgotovki naseleniya k PVKhO [Get Ready for the Air and chemical defense: A Handbook for Preparing the Population for the Air and chemical defense]. Omsk: OGIZ: Omskoe oblastnoe gos. izd-vo, 1941. 44 p. (In Russian)

2. Vospominaniya Samooylovoy V.I. [Memoirs of Samoilova V.I.]. *Fondy muzeya Elabuzhskogo instituta KFU*. F.1. Op.5. (In Russian)

3. Doklad TsSU SSSR, Instituta ekonomiki Akademii nauk SSSR i Instituta pitaniya Akademii meditsinskikh nauk SSSR N.A. Bulganinu ob urovne potrebleniya osnovnykh prodovol'stvennykh i promyshlennykh tovarov v SSSR na dushu naseleniya [Report of the Central Statistical Administration of the USSR, the Institute of Economics of the Academy of Sciences of the USSR and the Institute of Nutrition of the Academy of Medical Sciences of the USSR N.A. Bulganin on the level of consumption of basic food and industrial goods in the USSR per capita]. *Sbornik dokumentov "Sovetskaya zhizn'. 1945–1953 gg."*. Moscow: ROSSPEN, 2003 [Electronic resource] URL: <http://istmat.org/node/18419> (accessed: 5.06.2022) (In Russian)

4. Elabuzhskiy uchitel'skiy institut. Prikazy direktora 1939–1940 gg. [Yelabuga Teacher's Institute. Director's orders 1939–1940]. *Arkhiv Elabuzhskogo instituta KFU*. F.1. Op.1. D.1. (In Russian)

5. K otkrytiyu Elabuzhskogo gosudarstvennogo uchitel'skogo instituta [To the opening of the Yelabuga State Teachers' Institute]. *Stalinskiy put'*, 1939, 18 iyulya. (In Russian)

6. Kon'kin N. V uchitel'skom institute [At the teacher's institute]. *Stalinskiy put'*, 1940, 24 noyabrya. (In Russian)

7. Kon'kin N. V uchitel'skom institute [At the teacher's institute]. *Stalinskiy put'*, 1941, 26 yanvarya. (In Russian)

8. Ovladevayte lyzhnym sportom [Master skiing]. *Stalinskiy put'*, 1940, 12 dekabrya. (In Russian)

9. Ovladevayut bol'shevizmom [Take over Bolshevism]. *Stalinskiy put'*, 1940, 25 iyulya. (In Russian)

10. Organizovanno provesti zimnyuyu ekzamenatsionnyuyu sessiyu [Organize the winter exam session]. *Stalinskiy put'*, 1940, 12 dekabrya. (In Russian)

11. Postanovlenie SNK RSFSR "O reorganizatsii pedagogicheskikh uchilishch Narkomprosa RSFSR v uchitel'skie instituty" [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR On the reorganization of pedagogical schools of the People's Commissariat of Education of the RSFSR into teachers' institutes]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)*. F.A259. Op.24. D.179. (In Russian)

12. Postanovlenie SNK SSSR «O vseobshchem obyazatel'nom nachal'nom obuchenii» ot 14 avgusta 1930 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR "On universal compulsory primary education" of August 14, 1930]. *Istoriya Sovetskoy Konstitutsii (v dokumentakh)*. Moscow, 1957. Pp.621–626. (In Russian)

13. Postanovlenie SNK SSSR № 638 «Ob ustanovlenii platnosti obucheniya v starshikh klassakh srednikh shkol i v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh SSSR, i ob izmenenii poryadka nachisleniya stipendiy» [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR No. 638 "On the establishment of tuition fees in senior classes of secondary schools and in higher educational institutions of the USSR, and on changing the procedure for accruing scholarships"]. *Sobranie postanovleniy i rasporyazheniy pravitel'stva Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh respublik 1940 g. №27. 26 oktyabrya*. Moscow: Tip. Upr. Delami SNK Soyuz SSR, 1940. Pp.901–932. (In Russian)

14. Spravochnik edinykh otpusnykh i roznichnykh tsen na prodovol'stvennyye tovary po g. Moskve za 1937 g. [Directory of unified selling and retail prices for food products in Moscow for 1937]. Moscow, 1937. 270 p. (In Russian)

15. Studenty edut v doma otdykha [Students go to holiday homes]. *Stalinskiy put'*, 1940, 17 iyulya. (In Russian)

16. Uchitel'skie instituty [Teachers' institutes]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (BSE)* [Electronic resource] URL: <http://bse.sci-lib.com/article114951.html> (accessed: 5.06.2022) (In Russian)

17. Uchitel'skiy institut. Dannye o vypolnenii uchebnogo plana v 1940–1941 gg. [Teacher's Institute. Data on the implementation of the curriculum in 1940–1941]. *Arkhiv Elabuzhskogo instituta KFU*. F.b/n. Op.b/n. D.9a. (In Russian)

About the author:

Maslova Inga Vladimirovna – Dr. Sci. (history), Associate professor, Professor of the Department of General and National History, Yelabuga Institute (branch) of the Kazan Federal University (Yelabuga, Russian Federation); e-mail: imaslovainga@gmail.com

Received August 2, 2022

Accepted for publication October 11, 2022

Высшее и среднее специальное педагогическое образование в Свердловске накануне Великой Отечественной войны

М.В. Попов, М.В. Суворов

*Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Российская Федерация*

В статье анализируются особенности подготовки учительских кадров в предвоенные годы на примере деятельности высших и средних специальных педагогических учреждений Свердловска в 1939 – первой половине 1941 гг. Делается вывод о том, что накануне фашистского нашествия в ходе начавшейся Второй мировой войны государство стремилось максимально расширить подготовку учителей. В конце 1930-х – начале 1941 гг. значительно увеличилось финансирование педвузов и педучилищ. Показаны изменения в составе педагогических учебных заведений Свердловска: наряду с существовавшим ранее Свердловским пединститутом появился учительский институт иностранных языков, произошло объединение русского и татаро-башкирского педтехникумов в единое педагогическое училище им. А.М. Горького. Изменилась система военной подготовки студентов и учащихся. В статье показано, что начиная с 1939 г. значительно снизилось по сравнению с 1937 – 1938 гг. влияние политических репрессий на общественную жизнь, в том числе в сфере народного образования, хотя беззакония властных структур продолжались. Об этом свидетельствуют судьбы руководителей педагогических учебных заведений Свердловска. Анализируются новые направления государственной политики по отношению к образовательным учреждениям, в том числе педагогическим, во многом связанные с введением в 1940 г. платности в образовании: борьба партийно-советского руководства с «либерализмом» и «процентоманией» со стороны чиновников и преподавателей, изменения в порядке выплаты стипендий и организации учебного процесса в вузах и педтехникумах.

Ключевые слова: Свердловск, высшие и средние специальные педагогические учебные заведения, Свердловский пединститут, военная подготовка студентов и учащихся, политические репрессии, организация учебного процесса в вузах и педтехникумах

Для цитирования: Попов М.В., Суворов М.В. Высшее и среднее специальное педагогическое образование в Свердловске накануне Великой Отечественной войны // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.176–185. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.176-185>

Подготовка учительских кадров в региональных педагогических учебных заведениях имела свои особенности в различные периоды советской истории. Проблемы деятельности современных педвузов и педколледжей в определенной степени закладывались ещё в первые десятилетия советской власти, а накануне Великой Отечественной войны направления государственной политики по подготовке педагогов общеобразовательных

школы имели много общего с теми задачами, которые органы народного образования решают на современном этапе. Введение платности в педагогическом образовании и проблемы его финансирования, акцент на улучшение качества подготовки будущих учителей, формирование системы повышения педагогической квалификации действующих школьных работников и т.д. Поэтому тема статьи представляется нам актуальной и вызывающей научный интерес.

История педагогических учебных заведений Свердловска в 1930-е – второй половине 1950 гг. нашла своё отражение в коллективной монографии екатеринбургских авторов «Очерки истории педагогического образования в Екатеринбурге – Свердловске (1930 – вторая половина 1950 гг.)» [6]. Однако в главе этого труда, посвященной второй половине 1930-х – началу 1941 гг. [10, с.42–63] авторы специально не анализируют особенности педагогического образования в предвоенные годы, включая период 1939 – начала 1941 гг. в общую картину процессов, проходивших в 1930-е гг. В то же время вновь выявленные источники, в том числе ставшие доступными для исследователей лишь в настоящее время, позволяют сделать вывод о том, что предвоенные годы в истории педагогических учебных заведений Свердловска имеют значительные отличия от того, что происходило в предшествующий период. Поэтому в настоящей статье авторами в качестве хронологических рамок выделяются 1939 – июнь 1941 гг., когда в деятельности свердловских педвузов и педучилищ произошли принципиально новые явления, характерные для всей системы педагогического образования в стране.

Прежде всего для этих лет характерно значительное увеличение финансирования высшего педагогического образования. В результате за два предвоенных года существенно расширилась материальная база Свердловского государственного педагогического института (далее СГПИ). Если в отчете СГПИ за 1938/39 учебный год констатируется, что материальная база свердловского педвуза не соответствует требованиям, предъявляемым к высшим учебным заведениям [3, л.2], то в 1940/41 учебный год на балансе института было уже три учебных здания и шесть общежитий [1, с.37]. В 1940/41 учебном году педвуз имел гимнастический зал и лыжную базу [4, л.28]. На 1 октября 1940 г. Свердловский пединститут имел 10160 кв. м. учебной и 1910 кв. м. жилой площади [7, с.39]. Хотелось бы отметить, что восстановление материальной базы СГПИ, утраченной в период военного лихолетья, завершилось лишь в начале 1950-х гг., спустя семь-восемь лет после великой победы.

Накануне войны значительно расширилось финансирование научной работы. В результате в свердловском педвузе стали возможны научные отпуска для преподавателей, готовящих диссертации. В 1940/41 учебном году был выпущен из печати сборник научных трудов по физике и математическим дисциплинам. С января 1941 г. дирекцией института были предоставлены научные командировки 29 преподавателям. Все это было одними из главных причин того, что работниками института в исследуе-

мый период были защищены кандидатские диссертации: по математике (В.А. Курбатов), физике (Ю.П. Буляшевич), истории (Н.П. Руткевич), педагогике (В.А. Меандров) [4, л.40–41].

Вторым фактом, свидетельствовавшим о расширении финансирования в исследуемый период государством педагогического образования, было открытие в Свердловске второго педагогического вуза – Свердловского учительского института иностранных языков (далее СУИИЯ). Поскольку деятельность института иностранных языков в Свердловске подробно изложена в статье М.В. Попова и А.К. Шитова [8, с.344–352], мы не будем подробно на ней останавливаться. Хотелось бы отметить только, что хотя официально СУИИЯ начал работать с октября 1938 г. его расширенное финансирование началось с осени 1939 г.: если в начале 1939 г. у института отсутствовало свое собственное учебное помещение и занятия проходили в городской свердловской школе № 12 им. А.М. Горького, то в 1940 г. СУИИЯ уже размещался в учебном корпусе на ул. Набережная рабочей молодёжи, 2, общей площадью 531,1 м², во Втузгородке функционировало студенческое общежитие в здании с печным отоплением, где проживал 41 студент. В начале 1940/41 учебного года контингент в Свердловском учительском институте иностранных языков составлял 359 человек [8, с.346]. Появление нового вуза накануне войны видимо было связано с тем, что одним из направлений работы СУИИЯ была подготовка военных переводчиков. Не случайно в учебном плане института в качестве самостоятельных дисциплин предусматривалось изучение курсов всеобщей истории и истории СССР. Но, что особенно важно, двое штатных преподавателей вели занятия по военной подготовке [8, с.346]. Характерно, что система военного обучения студентов существовала и в СГПИ, однако, с 1939 г. в вузе как и в большинстве других гражданских вузах страны военные кафедры для подготовки командного состава армии были упразднены и (в отличие от СУИИЯ) было введено первичное военное обучение студентов с целью их подготовки к действительной военной службе рядовыми сроком на один год после окончания вуза [5, с.43].

В начале 1940-х гг. произошли изменения и в учебном процессе в вузах, в том числе в педагогических. При этом вузовские чиновники исходили из установок высшего партийно-советского руководства. 16 мая 1940 г. в газете «Правда» была опубликована передовая статья «За отличное качество высшего образования», в которой излагалось постановление ЦК ВКП(б). В документе речь шла об ответственности вузовских управленцев, партийных и комсомольских организаций за качество обучения студентов. При этом главным злом считались недостатки в системе учёта успеваемости в вузах, когда «отличным, хорошим, удовлетворительным и неудовлетворительным оценкам, которые профессора ставят студентам, нередко пытаются придать значение оценки работы преподавателей кафедры, вуза. Если студент получает плохие оценки, значит плохо работает преподаватель» [11]. ЦК ВКП (б) «осудил практику искусственного повышения оценок успеваемости студентов при экзаменах в вузе и непра-

вильное поведение тех руководителей в вузе, партийных и комсомольских организаций в них, которые требуют от преподавателей выставления повышенных оценок студентам, не заслуживающих высоких оценок» [11].

Директор Свердловского пединститута А.Ф. Елютин, выступая на партийном собрании вуза 29 августа 1940 г. среди важнейших задач в новом учебном году назвал требование «покончить с имеющимся либерализмом отдельных организаций и работников». При этом директор СГПИ назвал конкретные фамилии деканов, проявлявших «либерализм» во время летней экзаменационной сессии, обвинив их в «антигосударственных тенденциях» [17, л.36].

В октябре 1940 г. в высших учебных заведениях страны была введена плата за обучение [12, с.910–911]. Согласно решению правительства на стипендию зачислялись лишь студенты, получившие на экзаменах не менее двух третей оценок «отлично», а остальные «хорошо». Кроме того, допускалось в высших учебных заведениях и свободное посещение по некоторым дисциплинам (не более 1/3 дисциплин, предусматриваемых учебным планом) с обязательным выполнением практических работ и сдачей всех экзаменов в установленные сроки [13, с.246–248]. В связи с этим руководство пединститута потребовало от деканов и заведующих кафедрами установить: 1) объем и характер практических работ, которые обязан выполнять каждый студент, не зависимо от посещения или не посещения им практикумов; 2) объём и характер знаний и навыков, которые обязан приобрести самостоятельно, если не посещает практических занятий. По всем видам практических занятий был установлен обязательный зачёт путем опроса, по гуманитарным наукам было запрещено выставлять зачёт без индивидуального опроса [4, л.4]. В 1940 г. для того, чтобы исключить выпуск специалистов со слабыми знаниями А.Ф. Елютиным была введена система, когда неуспевающие студенты могли быть оставлены для обучения на второй год [18, л.3]. В результате в 1940/41 учебном году в пединституте было оставлено на повторный курс 3,9% студентов, а в учительском институте 5,4% [4, л.29]. В то же время в результате новых правил назначения стипендий увеличение количества ударников и отличников позволило расширить число студентов-стипендиатов до 138 в первом семестре 1940/41 учебного года по сравнению с 96-ю – во втором семестре предыдущего года [19, л.3].

В предвоенные годы произошли серьезные изменения и в системе повышения педагогической квалификации действующих учителей г. Свердловска. Прежде всего произошло значительное увеличение финансирования методической работы среди школьных работников. Если в 1939 г. на эти цели в областном центре было выделено из бюджета 177 тыс. руб., то в 1940 г. уже 316 тыс. [2, л.2]. Кроме того, в 1939 г. в Свердловске был создан новый центр методической работы – Горметодкабинет – в 1940 г. его бюджет составлял 61 тыс. руб. [2, л.2]. Значительно расширилось участие преподавателей кафедры педагогики СГПИ в пропаганде педагогических знаний: за первую половину 1940/41 учебного года членами кафедры вне ин-

ститута было прочитано 73 лекции на педагогические темы для учителей, учащихся, пионервожатых, родителей. Ряд работников выезжали с докладами в Асбест, Нижний Тагил, Серов, Шалю. Доклады, популяризирующие педагогический опыт А.С. Макаренко, транслировались по радио [4, л.10].

В исследуемый период произошли изменения и в деятельности средних специальных педагогических учреждений. В конце 1930-х гг. в Свердловске существовало два таких учреждения готовящих учителей начальных школ – татаро-башкирское педагогическое училище и педагогическое русское училище им. А.М. Горького. Оба эти техникума занимали здания по ул. Толмачёва, 88: 22 комнаты – русский педтехникум, 7 – татаро-башкирский [6, с.53].

Более того, большая часть преподавателей училища им. А.М. Горького имели учебные поручения в техникуме татаро-башкирском. Наличие двух самостоятельных учебных заведений объяснялось, во-первых, тем, что уровень общеобразовательной подготовки выпускников национальных школ (преимущественно сельских), обучавшихся в татаро-башкирском техникуме, был гораздо ниже уровня подготовки выпускников русских школ и это требовалось учитывать в учебном процессе, имевшем свою специфику. Во-вторых, многие учащиеся, выходцы из национальных районов, стремившиеся получить педагогическое образование, часто в полной мере не знали русского языка, поэтому и преподавать в национальных техникумах могли лишь те, кто владел татарскими и башкирскими языками. Кроме того, по учебному плану на I курсе татаро-башкирского училища было предусмотрено одновременно изучать три языка – родной, русский и немецкий, что вызывало дополнительные трудности в организации учебного процесса [15, л.93].

В предвоенные годы ситуация начинает меняться. Согласно отчету руководства татаро-башкирского педучилища во вторую четверть 1939/40 учебного года успеваемость учащихся здесь достигла 93% [20, л.109]. Видимо этим объясняется установка партийно-советского руководства на объединение двух свердловских педтехникумов: в августе 1939 г. по решению облоно не проводился набор в первый класс татаро-башкирского училища [20, л.133], а с 1 января 1940 г. два Свердловских педтехникума были объединены и вошли в состав педагогического училища им. А.М. Горького [16, л.257]. Характерно, что на собрании партгруппы нового объединённого учебного заведения 3 февраля 1940 г. его директор В.К. Ватутин отметил, что среди части педагогического коллектива и учащихся татарского училища имеет место «несколько нездоровое отношение» к объединению двух педучилищ [22, л.5].

Так же, как и в педагогических вузах, в предвоенные годы в педагогических техникумах одной из главных задач становится повышение качества подготовки будущих учителей. Сложность решения этой проблемы заключалась в том, что в средние учебные заведения зачастую принимались учащиеся, имеющие недостаточную общеобразовательную подготовку в школах. В отчёте свердловского педучилища им. А.М. Горького за 1939/40

учебный год отмечается слабая успеваемость учащихся первого года обучения по русскому языку и математике в «связи с низким качеством набора в первые классы» [16, л.265]. Однако уже на третьем курсе выпускники в подавляющем большинстве успешно сдавали экзамены: в 1940 г. из 105 третьеклассников в Свердловском педучилище выпускные экзамены успешно сдали 102 человека [16, л.264]. Для повышения качества подготовки будущих учителей большое значение имела распространенная практика оставления на второй год тех, кто не смог справиться с программой обучения и организация осенней переэкзаменовки для не сдавших курсовые экзамены. В 1940 г., например, из 290 учащихся первых и вторых классов свердловского педучилища им. А.М. Горького в следующий класс было переведено 250 человек, оставлено на второй год трое, назначена осенняя переэкзаменовка для 37 учащихся. Расписание осенних испытания объявлялось до отпуска обучавшихся на каникулы, все они обеспечивались учебниками, в течение десяти дней, предшествующих экзаменам, преподавателями проводились консультации для экзаменуемых [16, л.264].

В 1939 г. прекратились связанные с «ежовщиной» массовые политические репрессии. Это коснулось и работников сферы педагогического образования, в первую очередь директорского корпуса. Ушедший с поста руководителя СГПИ весной 1939 г. И.И. Шаров был первым из директоров вуза, не подвергшимся политическим преследованиям. Арестованный в 1938 г. бывший директор свердловского института А.В. Козырев был освобожден, восстановлен в рядах ВКП(б), а в начале 1940 г. назначен руководителем Ставропольского педвуза [9, с.74]. Если в 1937 – 1938 гг. в результате ложных доносов находились под арестом директор татаро-башкирского педтехникума А.Ю. Енгальчев и директор свердловского педучилища им. А.М. Горького В.Н. Редько, то в 1939 г. они были освобождены и восстановлены в партии [6, с.59]. Более того, в педагогическом сообществе Свердловска в предвоенные годы стали настороженно и открыто негативно относиться к надуманным политическим обвинениям, прежде всего по отношению к коммунистам. Так, в марте 1939 г. партийное собрание татаро-башкирского педтехникума оценило как клеветническое заявление коммуниста Имайкина о том, что один из преподавателей – Валева был связан с «врагами народа» [20, л.98]. На партийном собрании в педучилище им. А.М. Горького в январе 1939 г. сообщалось, что бывший директор педучилища В.Н. Редько был необоснованно арестован в результате клеветнического доноса преподавателя военного дела Серебрякова, который входил в существовавшую в свердловском облоно так называемую «группу Войткевича», которая клеветала на членов партии [21, л.4].

В то же время преследования по политическим мотивам продолжали иметь место. Например, в декабре 1940 г. свердловский областной суд приговорил студента СГПИ С.А. Азаркина по статье 58 УК РСФСР за так называемую «контрреволюционную агитацию» к шести годам лишения свободы [14, л.104]; преподавателю татаро-башкирского педучилища коммунисту Алпутовой партийным собранием в ноябре 1939 г. был объ-

явлен строгий выговор за то, что она якобы сознательно «скрыла от партии» информацию о раскулаченном и высланном брате [20, л.95].

Таким образом, в предвоенные годы значительно расширилось по сравнению с предшествующим периодом финансирование учреждений педагогического образования в Свердловске. Материальная база СГПИ, финансовая поддержка научных исследований в институте достигли предвоенного уровня лишь в начале 1950-х гг. Для подготовки преподавателей иностранного языка и военных переводчиков в столице Урала был открыт второй педагогический вуз – Свердловский учительский институт иностранных языков (СУИИЯ), расширилась материальная база свердловского педагогического училища им. А.М. Горького в результате его объединения с татаро-башкирским педтехникумом.

Накануне войны установки партийно-государственного руководства страны были направлены на усиление качества подготовки выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений, в том числе педагогических. Характерным для этого периода была «борьба с либерализмом» преподавателей при выставлении оценок студентам и учащимся, требование отказа от определения качества работы преподавателей чиновниками в зависимости от процента успеваемости и числа «хороших» и «отличных» оценок. Заслуживает изучения опыт организации подготовки будущих учителей в условиях перехода к платности в педагогических учебных заведениях. В исследуемый период сложилась практика улучшения качества подготовки педагогических работников в том числе и путем оставления неуспевающих студентов и учащихся педучилищ для обучения на второй год и переноса курсовых выпускных экзаменационных испытаний на осенний период. С точки зрения органов народного образования главной целью было – не допустить неподготовленных выпускников к преподавательской работе в школе.

В 1939 – первой половине 1941 гг. характерно прекращение массовых политических репрессий, имевших место в предшествующий период, многие руководители сферы образования были освобождены из-под ареста и восстановлены в партии. Однако преследования по политическим причинам и беззаконие продолжились.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. В ответе за учительское счастье: 85 лет Уральскому государственному педагогическому университету. Екатеринбург, 2015. 189 с.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.Р–1427. Оп.2. Д.201.
3. ГАСО. Ф.Р–2162. Оп.1. Д.25.
4. ГАСО. Ф.Р–2162. Оп.1. Д.41.
5. *Добровольский В.С., Шпаков Г.Г.* Военная подготовка в гражданских вузах в СССР в 1924–1944 гг. // Военно-исторический журнал. 2020. №3. С.40–45.

6. Очерки истории педагогического образования в Екатеринбурге – Свердловске (1930 – вторая половина 1950 гг.). Екатеринбург, 2015. 189 с.

7. Очерки истории Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург, 2001. 225 с.

8. *Попов М.В., Шитов А.К.* Свердловский государственный педагогический институт иностранных языков (СУИИЯ-СГПИЯ) – второй педагогический ВУЗ Свердловска // Формирование общероссийской идентичности в поликультурном социуме: научно-теоретические подходы и образовательные практики: Материалы XXVI всероссийских с международным участием историко-педагогических чтений, Екатеринбург, 22–25 марта 2022 года / гл. ред. Г.А. Кругликова. Екатеринбург, 2022. С.344–352.

9. *Попов М.В., Суворов М.В.* Первые директора Свердловского пединститута: судьбы руководителей образования в 1930-е гг. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2020. 80 с.

10. *Попов М.В., Суворов М.В.* Подготовка учительских кадров в Свердловске во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. // Очерки истории педагогического образования в Екатеринбурге – Свердловске (1930 – вторая половина 1950-х гг.) Екатеринбург, 2015. С.42–62.

11. Правда. 1940. 16 мая.

12. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. №24.

13. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. №28.

14. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.120. Оп.1. Д.9.

15. ЦДООСО. Ф.161. Оп.1. Д.117.

16. ЦДООСО. Ф.161. Оп.6. Д.1006.

17. ЦДООСО. Ф.240. Оп.1. Д.9.

18. ЦДООСО. Ф.240. Оп.1. Д.10.

19. ЦДООСО. Ф.240. Оп.1. Д.41.

20. ЦДООСО. Ф.327. Оп.1. Д.6.

21. ЦДООСО. Ф.327. Оп.1. Д.9.

22. ЦДООСО. Ф.327. Оп.1. Д.10.

Информация об авторах:

Попов Михаил Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Российская Федерация); e-mail: m-v-porov@yandex.ru

Суворов Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Российская Федерация); e-mail: mvs-19771@ya.ru

Поступила 27.07.2022

Принята к публикации 11.10.2022

Higher and specialized secondary pedagogical education in Sverdlovsk on the eve of the Great Patriotic War

M.V. Popov, M.V. Suvorov
Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russian Federation

The article analyzes the peculiarities of teacher training in the pre-war years by the example of the activities of higher and specialized secondary pedagogical institutions of Sverdlovsk in 1939 – the first half of 1941. It is concluded that on the eve of the fascist invasion during the outbreak of the Second World War, the state sought to maximize the training of teachers. In the late 1930s – early 1941, the funding of pedagogical colleges and pedagogical schools increased significantly. Changes in the composition of pedagogical educational institutions of Sverdlovsk are shown: along with the previously existing Sverdlovsk Pedagogical Institute, a teacher's institute of foreign languages appeared, the Russian and Tatar-Bashkir pedagogical colleges were merged into a single pedagogical college named after A.M. Gorky. The system of military training of students has changed. The article shows that since 1939 the influence of political repressions on public life, including in the sphere of public opinion, has significantly decreased compared to 1937–1938.

Keywords: Sverdlovsk, higher and specialized secondary pedagogical educational institutions, Sverdlovsk Pedagogical Institute, military training of students, political repression, organization of the educational process in higher educational institutes and pedagogical colleges

For citation: Popov M.V., Suvorov M.V. Higher and secondary special pedagogical education in Sverdlovsk on the eve of the Great Patriotic War. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.176–185. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.176-185> (In Russian)

REFERENCES

1. V otvete za uchitel'skoe schast'e: 85 let Ural'skomu gosudarstvennomu pedagogicheskomu universitetu [Responsible for teacher's happiness: 85th anniversary of the Ural State Pedagogical University]. Ekaterinburg, 2015. 189 p. (In Russian)
2. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archive of the Sverdlovsk Region]. F.R–1427. Op.2. D.201. (In Russian)
3. GASO. F.R–2162. Op.1. D.25. (In Russian)
4. GASO. F.R–2162. Op.1. D.41. (In Russian)
5. Dobrovolskiy V.S. Voennaya podgotovka v grazhdanskikh vuzakh v SSSR v 1924–1944 gg. [Military training in civilian institutes of higher education in the USSR in 1924–1944] *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 2020, №3, pp.40–45. (In Russian)
6. Ocherki istorii pedagogicheskogo obrazovaniya v Ekaterinburge – Sverdlovске (1930 – vtoraya polovina 1950 gg.) [Studies on the history of teacher education in Yekaterinburg – Sverdlovsk (1930 – second half of 1950)]. Ekaterinburg, 2015. 189 p. (In Russian)
7. Ocherki istorii Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Studies on the history of the Ural State Pedagogical University]. Ekaterinburg, 2001. 225 p. (In Russian)

8. Popov M.V., Shitov A.K. Sverdlovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut inostrannykh yazykov (SUIIYa-SGPIYa) – vtoroy pedagogicheskiy VUZ Sverdlovskaya [Sverdlovsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages (SUIIYa-SGPIYa) – the second pedagogical institute in Sverdlovsk]. *Formirovaniye obshcherossiyskoy identichnosti v polikul'turnom sotsiume: nauchno-teoreticheskie podkhody i obrazovatel'nye praktiki: Materialy XXVI vserossiyskikh s mezhdunarodnym uchastiem istoriko-pedagogicheskikh chteniy, Ekaterinburg, 22–25 marta 2022 goda*. Ed. by G.A. Kruglikova. Ekaterinburg, 2022. Pp.344–352. (In Russian)

9. Popov M.V., Suvorov M.V. Pervye direktora Sverdlovskogo pedinstituta: sud'by rukovoditeley obrazovaniya v 1930-e gg. Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet [The first directors of the Sverdlovsk Pedagogical Institute: destinities of education leaders in the 1930s. Ural State Pedagogical University]. Ekaterinburg, 2020. 80 p. (In Russian)

10. Popov M.V., Suvorov M.V. Podgotovka uchitel'skikh kadrov v Sverdlovskoye vo vtoroy polovine 1930-kh – nachale 1940-kh gg. [Training of teachers in Sverdlovsk in the second half of the 1930s – early 1940s]. *Ocherki istorii pedagogicheskogo obrazovaniya v Ekaterinburge – Sverdlovskoye (1930 – vtoraya polovina 1950-kh gg.)* Ekaterinburg, 2015. Pp.42–62. (In Russian)

11. Pravda, 1940 16 maya [newspaper “Pravda”, May 16, 1940]. (In Russian)

12. Sobranie postanovleniy i rasporyazheniy pravitel'stva SSSR [Collection of decrees and orders of the government of the USSR]. 1940. №24. (In Russian)

13. Sobranie postanovleniy i rasporyazheniy pravitel'stva SSSR [Collection of decrees and orders of the government of the USSR]. 1940. №28. (In Russian)

14. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (TsDOOSO) [Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region]. F.120. Op.1. D.9. (In Russian)

15. TsDOOSO. F.161. Op.1. D.117. (In Russian)

16. TsDOOSO. F.161. Op.6. D.1006. (In Russian)

17. TsDOOSO. F.240. Op.1. D.9. (In Russian)

18. TsDOOSO. F.240. Op.1. D.10. (In Russian)

19. TsDOOSO. F.240. Op.1. D.41. (In Russian)

20. TsDOOSO. F.327. Op.1. D.6. (In Russian)

21. TsDOOSO. F.327. Op.1. D.9. (In Russian)

22. TsDOOSO. F.327. Op.1. D.10. (In Russian)

About the authors:

Popov Mikhail Valerievich – Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation); e-mail: m-v-popov@yandex.ru

Suvorov Maksim Viktorovich – Can. Sci. (history), Associate professor of the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation); e-mail: mvs-19771@ya.ru

Received July 27, 2022

Accepted for publication October 11, 2022

От учительского института к педагогическому: исторический опыт
подготовки педагогов в Елабуге в начале 1950-х годов

И.Е. Крапоткина

*Елабужский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета
Елабуга, Российская Федерация*

В статье раскрывается один из этапов развития педагогического образования в Елабужском институте (филиале) КФУ. На основе архивных материалов автор анализирует реорганизацию Елабужского Учительского института в Елабужский государственный педагогический институт в 1953 г. Источники позволяют выявить преподавательский состав, уровень и качество обучения в вузе, охарактеризовать культурно-образовательное пространство института. Проведённый источниковедческий анализ даёт возможность показать, какие требования Министерство просвещения РСФСР предъявляло к качеству подготовки советских педагогических кадров, каким был статус профессорско-преподавательского состава Елабужского института, уровень материально-технической обеспеченности вузов, какую финансовую поддержку от государства получали студенты, как оценивался труд педагогических работников, как была представлена повседневная жизнь преподавателей и студентов.

Ключевые слова: Елабужский учительский институт, Елабужский государственный педагогический институт, преподаватели, студенты, подготовка учителей, повседневная жизнь

Для цитирования: Крапоткина И.Е. От учительского института к педагогическому: исторический опыт подготовки педагогов в Елабуге в начале 1950-х годов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.186–191. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.186-191>

Одной из актуальных проблем современного общества является повышение качества образования. В течение жизни каждый человек пребывает в роли ученика, воспитанника, учителя, наставника. Поэтому значимость педагогической профессии и внимание к ней не вызывают сомнений.

В Елабуге располагается один из старейших в Прикамье педагогических вузов – Елабужский институт (филиал) Казанского федерального университета. В 1898 г. по инициативе потомственной почётной гражданки г. Елабуги Глафиры Фёдоровны Стахеевой было основано Епархиальное женское училище, сыгравшее значительную роль в деле развития отечественного просвещения и образования, а его воспитанницы достойно влились в ряды педагогической интеллигенции города и края, стояли у истоков формирования советской школы.

В здании Елабужского института за 124 года с момента его строительства действовали: Епархиальное женское училище, татарская семинария, педагогический техникум, педагогическое училище, учительский институт, государственный педагогический институт, университет, и с 2011 г. – Елабужский институт является структурным подразделением Казанского (Приволжского) федерального университета. При этом за всю богатую историю вуза не прерывалась подготовка педагогических кадров для образовательных заведений региона. В 2023 г. исполняется 70 лет со дня реорганизации Елабужского Учительского института в Елабужский государственный педагогический институт.

В данной статье анализируются неопубликованные источники, находящиеся в фондах Архива Елабужского института (филиала) КФУ. В оборот введены нормативные документы Учительского и педагогического института в начале 1950-х гг., приказы Министерства просвещения и Министерства высшего образования, документы, регламентирующие организацию учебной, воспитательной, методической работы при подготовке учителей. В ходе работы с документами выявилась одна особенность – секретари продолжали называть институт учительским и в 1954 г., что вносит определённую путаницу при исследовании.

19 августа 1952 г. Совет Министров РСФСР постановил создать на базе Елабужского учительского института новый педагогический вуз. Вопросы реорганизации, первым набором студентов в ЕГПИ занимался коллектив учительского института во главе с директором Константином Фёдоровичем Елизовым. 6 октября 1953 г. был издан Приказ по Министерству просвещения РСФСР за № 1789 о реорганизации Елабужского учительского института в педагогический институт. Исполняющим обязанности директора ЕГПИ назначался Абдулхак Галеевич Аминев [1, л.2]. В должности ректора А.Г. Аминев находился с 1953 по 1960 гг. Коллеги отзывались о нём как о деятельном педагоге, принципиальном руководителе. Абдулхак Галеевич был востоковедом, кандидатом филологических наук, доцент по специальности «Татарская литература». В 30-х годах XX в. окончил рабфак, затем Казанский пединститут и до начала Великой Отечественной войны работал учителем в школах Высокогорского и Красноборского районов ТАССР. Пройдя войну, работал инструктором партийной школы Красноборского района, окончил Высшую партийную школу, возглавлял отдел культуры [6]. Имеющийся административный опыт позволил Абдулхаку Галеевичу возглавить педагогический институт. Главной заботой А.Г. Аминевы стали обеспечение учебно-воспитательного процесса в ЕГПИ научно-педагогическими кадрами, создание учебно-методических кабинетов, лабораторий, решение жилищно-бытовых проблем преподавателей и студентов, а в перспективе – расширение вуза, открытие новых кафедр и специальностей. Первоначально было организовано пять кафедр: марксизма-ленинизма, педагогики, математики, физики, русской и зарубежной литературы (было задействовано 22 преподавателя) [6].

В структуре педагогического института функционировали следующие отделения:

– по заочной форме обучения: физико-математическое, естественно-географическое, историческое, русского языка и литературы, татарского языка и литературы (обучалось 200 студентов);

– по очной форме обучения: филологическое и физико-математическое (обучалось 150 чел.) [4, л.161–166об.]. Приказом № 69 от 9 июня 1954 г. со ссылкой на приказ заместителя министра просвещения РСФСР товарища Арсентьева в Елабужском учительском институте ликвидировались историческое и естественно-географическое заочные отделения. Студентов переводили в педагогические институты города Казани и Молотова (совр. Пермь) [4, л.169об.]. В приложении к приказу по ЕГПИ были представлены списки студентов-заочников, которые на основании личных заявлений делали выбор о переводе, как правило, в Казанский педагогический институт, при этом в списке были указаны фамилии студентов-второгодников. Студентам, не определившимся с вузом, рекомендовали перевестись в город Уфу [4, л.170].

Реконструируя повседневную жизнь преподавателей необходимо сказать о материальной обеспеченности. На основании приказа № 66 от 2 сентября 1953 г. можно наглядно продемонстрировать уровень оплаты преподавателей ЕГПИ: за 1 лекционный час в летнюю сессию 1953 г. преподаватель и старший преподаватель получали 20 руб., за 1 практический час – 10 руб. Доцент получал за 1 час лекций 25 руб., практический час – 12 руб.

Старшие преподаватели и преподаватели, являющиеся членами вступительных экзаменационных комиссий, получали за 1 час 12 руб., ассистенты – 10 руб., председатель комиссии получал за 1 час 15 руб. [4, л.158об.].

Обучаясь в институте, студенты оплачивали свою учёбу. К числу льготников относились учителя начальных, семилетних и средних школ, работники дошкольных учреждений и библиотекари на II и III курсах, являющиеся студентами заочного отделения; воспитанники детских домов и интернатов очной и заочной форм обучения; дети пенсионеров и учителей, а также погибших в годы Великой Отечественной войны [4, л.160об.].

Студенты-выпускники заочной формы обучения, во время сессии получали выплату проездных и квартирных денег: 1 руб. за сутки снимаемого жилья, за проезд – согласно тарифу литературы [4, л.178об.].

Отдельное внимание уделялось организации научно-исследовательской деятельности студентов. В источниках отмечалось, что научная работа студентов под руководством профессоров и преподавателей должна быть тесно связана с учебной работой, служить её развитию и углублению. Студенты принимали участие в конкурсах на лучшую студенческую работу, в научных конференциях, в городских и других научных смотрах. Студенты, активно участвующие в научно-исследовательской работе и добившиеся результатов (одобрение совета вуза, наличие публикаций –

И.К.), пользовались преимуществом при поступлении в аспирантуру, при направлении на работу в вузы или научно-исследовательские учреждения [2, л.42–44]. Нужно отметить, что массовым характером научно-исследовательская работа студентов не отличалась, в конференциях и конкурсах принимали участие наиболее способные ребята.

Так как основная масса учебно-вспомогательного персонала и профессорско-преподавательского состава была представлена женщинами, то интерес привлекают традиции праздничной культуры. Так, отмечая Международный женский день 8 Марта, руководитель вуза объявлял «благодарность за созидательное и добросовестное отношение к порученному делу» [3, л.19]. Далее перечислялись фамилии преподавателей, лаборантов и служащих.

Основной контингент студентов ЕГПИ тех лет составляла сельская молодежь. Учитывая это, а также отдаленность института от столичных культурных центров, А.Г. Аминев считал необходимым повышать общекультурный уровень студентов, много внимания уделял организации их досуга, проведению внеаудиторных культурно-массовых мероприятий. Приглашал преподавателей-музыкантов из Елабужского культпросветучилища для работы руководителями кружков художественной самодеятельности, композитора А.З. Бакирова из Казани, который организовал студенческий хор, вел уроки игры на скрипке, баяне, фортепьяно. В институте были созданы кружки народного, классического танца, фотокружок, драматическая студия. Все занятия организовывались в вечернее время, после 20:00, во втором полугодии предусматривалась сдача зачёта [3, л.20об.].

Большое значение придавал А.Г. Аминев встречам с деятелями литературы и искусства. По его просьбе в начале июня 1954 г. Елабугу посетили композиторы С.Сайдашев, Дж.Файзи, А.Ключарев, А.Бакиров, писатели Г.Кашшаф, Б.Рахмат, А.Исхак, А.Давыдов, певцы М.Рахманкулова, Р.Билалова [6].

В 1957 г. состоялся первый выпуск учителей ЕГПИ. Из 117 студентов, допущенных к государственным экзаменам, успешно выдержали испытания 106 человек, 18 из них получили дипломы с отличием. Студенты физико-математического отделения сдавали «Основы марксизма-ленинизма», «Элементарную математику», «Педагогику» и «Физику». Студенты филологического отделения – «Основы марксизма-ленинизма», «Русский язык», «Педагогику» и «Литературу». Ответы студентов оценивались критериями «отлично», «хорошо», «посредственно» и «неудовлетворительно» [5, л.12–16]. Все экзамены проходили в устной форме, предметы по специальности, кроме теоретических вопросов, содержали практические задания. Фотодокументы, хранящиеся в Музее истории Елабужского института, наглядно демонстрируют, каким образом проходила подготовка студентов к экзаменам, как проводилась итоговая аттестация. Студенты сидели в читальном зале, в коридорах института и повторяли материал, записанный в тетрадях. Аудитории, где проходили государственные экза-

мены, оформлялись цветами, на столах были скатерти, всё было торжественно [6].

Таким образом, в начале 1950-х гг. были заложены основы для дальнейшего развития Елабужского пединститута по всем основным направлениям его деятельности. Молодой педагогический вуз постепенно становится центром культуры и просвещения не только в городе, но и во всем Прикамском крае, сохраняя традиции, заложенные ещё в Епархиальном женском училище.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архив Елабужского института (филиала) КФУ. Ф.ЕГПИ. Д.1.
2. Архив Елабужского института (филиала) КФУ. Ф.ЕГПИ. Д.67.
3. Архив Елабужского института (филиала) КФУ. Ф.ЕГУИ. Д.123.
4. Архив Елабужского института (филиала) КФУ. Ф.ЕГУИ. Д. Приказы директора заочного отделения.
5. Архив Елабужского института (филиала) КФУ. Ф.ЕГУИ. Д.140.
6. Фонд Музея истории Елабужского института. Папка ЕГПИ (1953–2003 гг.).

Информация об авторе:

Крапоткина Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Елабуга, Российская Федерация); e-mail: ikrapotkina@mail.ru

Поступила 16.10.2022

Принята к публикации 25.11.2022

From a teacher's to a pedagogical institute: the historical experience
of teacher training in Yelabuga in the early 1950s

I.E. Krpotkina

*Yelabuga Institute (branch) of the Kazan Federal University
Yelabuga, Russian Federation*

The paper reveals one of the stages of the development of pedagogical education in the Elabuga Institute (branch) of the Kazan Federal University. Based on archival materials, the author analyzes the reorganization of the Yelabuga Teachers' Institute into the Yelabuga State Pedagogical Institute in 1953. The sources allow us to identify the teaching staff, the level and quality of education at the institute, to characterize the cultural and educational space of the institute. Source analysis makes it possible to show what requirements the Ministry of Education of the RSFSR imposed on the quality of training of Soviet pedagogical staff, what was the status of the faculty members of the Yelabuga Institute, the level of material facilities of institutes, what financial support from the state students received, how the work of teaching staff was evaluated, how the daily life of teachers and students was presented.

Keywords: Yelabuga Teachers' Institute, Yelabuga State Pedagogical Institute, teachers, students, teacher training, daily life

For citation: Krapotkina I.E. From a teacher's to a pedagogical institute: the historical experience of teacher training in Yelabuga in the early 1950s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.186–191. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.186-191> (In Russian)

REFERENCES

1. Arkhiv Elabuzhskogo instituta (filiala) KFU [Archive of the Yelabuga Institute (branch) of Kazan Federal University]. F.EGPI. D.1. (In Russian)
2. Arkhiv Elabuzhskogo instituta (filiala) KFU [Archive of the Yelabuga Institute (branch) of Kazan Federal University]. F.EGPI. D.67. (In Russian)
3. Arkhiv Elabuzhskogo instituta (filiala) KFU [Archive of the Yelabuga Institute (branch) of Kazan Federal University]. F.EGUI. D.123. (In Russian)
4. Arkhiv Elabuzhskogo instituta (filiala) KFU [Archive of the Yelabuga Institute (branch) of Kazan Federal University]. F.EGUI. D. Prikazy direktora zaochnogo otdelenija. (In Russian)
5. Arkhiv Elabuzhskogo instituta (filiala) KFU [Archive of the Yelabuga Institute (branch) of Kazan Federal University]. F.EGUI. D.140. (In Russian)
6. Fond Muzeya istorii Elabuzhskogo instituta [Fund of the Museum of the History of the Yelabuga Institute]. Papka EGPI (1953–2003 gg.). (In Russian)

About the author:

Krapotkina Irina Evgen'evna – Cand. Sci. (history), Associate professor of the Department of General and National History, Yelabuga Institute (branch) of the Kazan Federal University (Yelabuga, Russian Federation); e-mail: ikrapotkina@mail.ru

Received October 16, 2022 Accepted for publication November 25, 2022

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 94(47)

Список окончивших курс воспитанников
Казанской учительской семинарии (1875–1918 гг.)

Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация

В публикации представлен поименный список воспитанников Казанской учительской семинарии с 1875 по 1918 г., с указанием времени завершения обучения. Эти материалы расширяют знания о персональном составе выпускников одного из крупнейших педагогических учебных заведений Казани, которое готовило кадры для национальных школ народов Восточной России во второй половине XIX – начала XX в., а также помогают оценить роль семинарии в формировании «инородческой» интеллигенции и развитии просветительского движения народов Волго-Уралья и Сибири.

Ключевые слова: педагогическое образование, Казанская учительская семинария, национальное образование, Казань

Для цитирования: Исхаков Р.Р., Багаутдинова Х.З. Список окончивших курс воспитанников Казанской учительской семинарии (1875–1918 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.192–216. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.192-216>

В предлагаемой читателю публикации представлен документ, в котором даются сводные данные о выпускниках Казанской учительской (инородческой) семинарии (1872–1918) (КУС) по этнокультурному составу за 1875–1918 гг. [2]. КУС занимала особое место в системе среднеспециального педагогического образования России второй половины XIX – начала XX в. Это было первое учебное заведение, готовившее педагогические кадры для сети «инородческих» училищ Поволжья, Приуралья и Сибири, появившихся в результате Великих реформ 1860–1870-х гг. Созданная по инициативе известного православного миссионера и востоковеда Николая Ивановича Ильминского (1822–1892) КУС стала ключевым звеном созданной им просветительской системы, предполагавшей внедрение двуязычной системы преподавания в национальной школе. Важное место в работе КУС занимала не только подготовка учителей, но и воспитание «инородческой» интеллигенции. Для этого, в частности в практику обучения, была внедрена литературно-переводческая деятельность – ученики осваивали азы работы

над переводами, сверяли подготовленные к печати тексты, участвовали в составлении новых изданий, на факультативной основе изучали историю и этнографию своих народов. Ученики из представителей нерусских народностей, в большинстве своем происходившие из бедных крестьянских семей, попадая в стены семинарии, погружались в абсолютно новую обстановку, диктовавшую иные жизненные установки и модель поведения. Становясь частью студенческой корпорации, учащаяся молодежь быстро воспринимала идеи просветительства, учительского служения. Сама атмосфера жизни в КУС способствовала быстрому интеллектуальному и культурному росту, приводила, по словам Н.И. Ильминского, к «духовному перерождению» ученика. Общаясь со своими соплеменниками, обсуждая насущные проблемы культурного развития народа в неофициальных студенческих кружках, ученики проникались национальным чувством. Именно в годы учебы к ученикам приходило осознание, что они в будущем станут частью интеллектуальной и культурной элиты, рождалось стремление трудиться на благо своего народа. Благодаря таким педагогическим принципам и особой атмосфере, царившей в стенах КУС, отсюда выходили идейные и любящие свой народ учителя. Неслучайно, что выпускники семинарии в дальнейшем становились главными деятелями культурной модернизации местных народов, многие из них уже в советское время заняли заметные места в системе науки, образования и государственного управления национальных республик и областей Восточной России.

Предлагаемый список выпускников КУС помогает оценить роль данного учебного заведения в подготовке педагогических кадров для национальных школ, открывает неизвестные имена представителей русской и «иногородческой» интеллигенции, восполняет лакуны в биографиях деятелей школьного просвещения. Всего в нижеприводимом документе представлено 1427 фамилий. Согласно документу, наиболее многочисленной национальной группой среди выпускников были русские – 624 чел. (43,7%), значительным было присутствие также представителей православных нерусских народов Волго-Уральского региона: чувашей – 172 чел., крещеных татар (кряшен) – 154 чел., мари – 137 чел., мордвы (мокши и эрзи) – 127 чел., удмуртов – 80 чел., коми-пермяков – 13 чел., коми – 6 чел. Среди выпускников были представлены также православные калмыки – 10 чел., корейцы – 10 чел., арабы – 6 чел., алтайцы – 4 чел., якуты – 3 чел., абхазец и эстонец. Подавляющее большинство учеников и воспитанников относились к православной конфессии, исключение составляли мусульмане казахи – 17 чел. и башкиры – 3 чел. У 59 чел. национальность не указана. Списки воспитанников даются в алфавитно-хронологическом порядке (в случае нескольких фамилий на одну и ту же букву, авторы документа группировали их в порядке окончания КУС), указывается также год завершения ими учебного курса и в случае поступления в духовное звание – сан. В ряде случаев при обозначении этнокультурного (национального) статуса воспитанников в скобках указано современное название

данной народности. Ранее исследователи, занимавшиеся изучением истории национальной интеллигенции народов Волго-Уралья (чувашей и марийцев), обращались к публикуемому источнику, что нашло отражение в их публикациях [1, 3].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Александров Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997. 197 с.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.93. Оп.1. Д.1823.
3. Сергеев О.А., Федосеева Н.А. Выпускники-марийцы Казанской учительской семинарии // Финно-угроведение. 2012. №1. С.59–75.

Приложение

Алтайцы

1. Ташкинов Михаил – 1882 г.
2. Тодогошев Степан – 1882 г.
3. Укунаков Кузьма – 1885 г.
4. Штыгашев Иван (свящ[енник]) – 1885 г.

Арабы

1. Акие Абрам Христофоров – 1905 г.
2. Мшахар Савва Дмитриевич – 1905 г.
3. Сальфити Иван Христоф – 1905 г.
4. Фатгаие Ириной – 1904 г.
5. Хави Салим – 1904 г.
6. Шхаде Корий Яковлевич – 1905 г.

Абхазец

1. Чукбари Антон – 1903 г.

Башкиры

1. Арасланов Талип Шагиевич – 1907 г.
2. Исхаков Билал Абдрахманович – 1907 г.
3. Сеитдыков Харун Сеитдыкович – 1906 г.

Вотяки (удмурты)

1. Алпутов Петр Кириллович – 1908 г.

2. Андреев Даниил Косымич – 19 апр. 1916 г.
3. Афанасьев Димитрий Иванович – 1917 г.
4. Бианов Николай – 1902 г.
5. Бурбуров Павел Михайлов. – 1905 г.
6. Бигин Александр Каллистратович – 1907 г.
7. Батуев Семен Яковлевич – 1912 г.
8. Васильев Иван (свящ[енник]) – 1878 г.
9. Васильев Петр – 1890 г.
10. Волков Петр Фомич – 1914 г.
11. Григорьев Михаил – 1890 г.
12. Галичанин Григорий – 1899 г.
13. Главатских Павел – 1901 г.
14. Гаврилов Леонтий – 1903 г.
15. Главатских Прокопий Васильевич – 1905 г.
16. Давидов Прокопий Давыдович – 1910 г.
17. Дубовцев Петр Иванович – 1918 г.
18. Ефимов Степан – 1897 г.
19. Евсеев Димитрий – 1904 г.
20. Ефимов Александр Игнатъевич – 1908 г.
21. Захаров Карп – 1893 г.
22. Иванов Николай (свящ[енник]) – 1885 г.
23. Иванов Алексей – 1893 г.

24. Иванов Афанасий – 1893 г.
25. Ильин Михаил Ильич – 1895 г.
26. Иванов Яков – 1903 г.
27. Ившин Михаил – 1904 г.
28. Ишпаев Степан Ивановой – 1905 г.
29. Ившин Сергей Григорьевич – 1906 г.
30. Иванов Александр Павлович – 1915 г.
31. Кириллов Максим – 1888 г.
32. Кузьмин Василий Кузьмин – 1895 г.
33. Крылов Василий Дмитриев – 1896 г.
34. Куклин Филипп – 1901 г.
35. Кузнецов Константин – 1902 г.
36. Кирилов Осип – 1903 г.
37. Каньсаров Василий Фаддивич – 1907 г.
38. Корепанов Павел Федорович – 1914 г.
39. Кузьмин Петр Кузьмич – 1915 г.
40. Лукоянов Николай Лук[оянович] – 1894 г.
41. Ларионов Антон – 1899 г.
42. Лухин Василий – 1902 г.
43. Ларскин Егор Иванович – 1909 г.
44. Лукин Иван Григорьевич – 1909 г.
45. Лебедев Уерелия Якимович – 1914 г.
46. Михайлов Петр – 1891 г.
47. Михеев Иван Степанов[ич] – 1895 г.
48. Михайлов Павел – 1902 г.
49. Малых Иван Алексеевич – 1915 г.
50. Медведев Александр Семенович – 1918 г.
51. Николаев Александр – 1896 г.
52. Никитин Иван Никитич – 1915 г.
53. Наговицын Андрей Александрович – 19 апр. 1916 г.
54. Наговицын Анатолий Ильич – 12 янв. 1917 г.
55. Охотников Артемий Иванович – 1917 г.
56. Прокопьев Гавриил – 1892 г.
57. Пушин Александр – 1892 г.
58. Павлов Евдоким – 1898 г.
59. Прокопьев Максим – 1902 г.
60. Прокопьев Михаил Прокопьевич – 1908 г.
61. Пушкин Тихон Михайлович – 1908 г.
62. Поторочин Роман Михайлович – 1909 г.
63. Павлов Димитрий Павлович – 1915 г.
64. Русских Митрофан Павлович – 1906 г.
65. Русских Роман Диомидович – 1915 г.
66. Семенов Николай Сем[енович] – 1895 г.
67. Скворцов Егор Дмитриевич – 1906 г.
68. Сысоев Иван Николаевич – 19 апр. 1916 г.
69. Семакин Афанасий Николаевич – 12 янв. 1917 г.
70. Тихомиров Алексей Алексеевич – 1915 г.
71. Усков Спиридон Поликарпович – 1911 г.
72. Шкляев Илларион – 1899 г.
73. Ширококов Иван Григорьевич – 1908 г.
74. Шкляев Ефрем Павлович – 1909 г.
75. Шкляев Федор Никифорович – 1909 г.
76. Эсенькин Александр Иванов[ич] – 1910 г.
77. Юмьинский Николай – 1904 г.
78. Яковлев Козьма – 1890 г.
79. Яковлев Иван – 1900 г.
80. Яковлев Николай – 1904 г.

Зыряне (коми)

1. Анисимов Павел – 1904 г.
2. Матвеев Михаил Петр[ович] – 1887 г.
3. Нестеров Михаил – 1893 г.
4. Рогев Степан – 1906 г.
5. Совков Иван – 1899 г.
6. Савельев Василий – 1903 г.

Калмыки

1. Врецкий Степан Игнатьевич – 1908 г.
2. Давидов Василий – 1882 г.
3. Лопатин Леонид (свящ[енник]) – 1888 г.
4. Михайловский Павел Николаевич – 1905 г.
5. Маслов Алексей Иринархович – 19 апр. 1916 г.
6. Нормав Лиджи – 1896 г.
7. Паняков Докшен – 1896 г.
8. Перлеев Батыр – 1896 г.
9. Чабчаев Арши Чабчаевич – 1912 г.
10. Эренценов Семен – 1896 г.

Киргизцы (казахи)

1. Ажгиреев Сеид-Хан – 1899 г.
2. Ажгиреев Сафа – 1902 г.
3. Арунгазыев Камалетдин Юсупович – 1909 г.
4. Жарылгаганов Жаммухамед – 1901 г.
5. Жельбаев Сетдык – 1905 г.
6. Залиев Нугман Залиевич – 1909 г.
7. Куракбаев Атымтай – 1898 г.
8. Карабал Ибрай – 1903 г.
9. Курабаев Мухамет-Рахим Курабаевич – 1906 г.
10. Кушербаев Едрес Кипчакбаевич – 1907 г.
11. Мендешев Сейт-Галий – 1903 г.
12. Ниаз Галиев Юсупов – 1898 г.
13. Сатбаев Мухамедиар – 1897 г.
14. Саналиев Тимергалий – 1902 г.
15. Сарсембиев Махтар – 1905 г.
16. Тунгачик Мухамед-Яр – 1905 г.
17. Юсупов Шинтай Юсупович – 1906 г.

Корейцы

1. Ким Яков – 1901 г.
2. Кан Константин – 1904 г.
3. Ким Владимир Федотович – 1907 г.
4. Ким Роман Иванович – 1907 г.
5. Ким Федор Иванович – 1907 г.
6. Лянь Моисей – 1901 г.
7. Тень Михаил – 1911 г.
8. Хан Никита – 1904 г.

9. Шегай Глеб – 1904 г.
10. Шекь Константин Герпанович – 1908 г.

Мордва

1. Афанасьев Петр – 1878 г.
2. Артемьев Константин – 1903 г.
3. Атяктев Владимир – 1904 г.
4. Артемьев Григорий Филиппович – 1907 г.
5. Артемьев Прокопий Владимирович – 1915 г.
6. Атякшев Роман Антонович – 22 янв. 1916 г.
7. Андронкин Петр Михайлович – 1917 г.
8. Бояргов Лев – 1888 г.
9. Бутузов Филип – 1891 г.
10. Белов Федор Семенов – 1894 г.
11. Ботайкин Тимофей Федор[ович] – 1895 г.
12. Бурмистров Константин – 1897 г.
13. Бурмистров Петр – 1897 г.
14. Баюшев Василий – 1900 г.
15. Бормусов Алексей – 1902 г.
16. Безпалов Алексей – 1904 г.
17. Буртаев Ефим Борисович – 1906 г.
18. Берсаев Александр Петрович – 1907 г.
19. Бондяков Иван Яковлевич – 1915 г.
20. Булдымов Емельян Никанорович – 1917 г.
21. Воробьев Иван – 1886 г.
22. Васильев Илья – 1890 г.
23. Ворожейкин Иван – 1891 г.
24. Вождаев Сергей Прохоров (свящ[енник]) – 1894 г.
25. Ворожейкин Андрей Игнатьев – 1896 г.
26. Вальчин Родион – 1902 г.
27. Валдаев Павел – 1903 г.
28. Вергазов Григорий Владимирович – 1906 г.
29. Варламов Степан – 1906 г.
30. Воробьев Яков Иванович – 1917 г.
31. Горбунов Василий Егорович – 1906 г.
32. Губанов Федор Емельянович – 1906 г.

33. Гужов Михаил Федорович – 1910 г.
34. Гуляев Яков Антонович – 1911 г.
35. Гурьянов Никита Афанасьевич – 1912 г.
36. Губанов Петр Яковлевич – 1915 г.
37. Глухов Петр Семенович – 19 апр. 1916 г.
38. Губанов Сергей Яковлевич – 1918 г.
39. Дьяков Дмитрий – 1902 г.
40. Дорофеев Захар Федорович – 1909 г.
41. Евсевьев Макарий – 1883 г.
42. Евсевьев Федор – 1891 г.
43. Ефимов Павел Бурмистр[ович] – 1892 г.
44. Екамасов Илья – 1902 г.
45. Жирнов Федор Данил[ович] – 1885 г.
46. Жуканов Степан – 1902 г.
47. Жидов Иван Спиридонович – 1909 г.
48. Зубов Сергей Васильевич – 1917 г.
49. Игнатьев Матвей – 1888 г.
50. Ильин Яков – 1893 г.
51. Иванов Лука Ив[анович] – 1894 г.
52. Ильин Михаил – 1904 г.
53. Иванов-Сенькин Гавр[ил] Иванович – 22 янв. 1916 г.
54. Кондратьев Порфирий Изосимов – 1881 г.
55. Кильгамов Семен Ник[олаевич] – 1885 г.
56. Кузьмин Афанасий Кузьм[ич] – 1887 г.
57. Красногумов Василий – 1889 г.
58. Кирилов Герасим – 1890 г.
59. Курников Прохор – 1891 г.
60. Кручинин Михаил Игн[атьевич] – 1894 г.
61. Кадетов Бориев – 1897 г.
62. Курников Григорий – 1899 г.
63. Кудашев Григорий – 1900 г.
64. Калюжид Владимир – 1903 г.
65. Кутузов Сергей – 1903 г.
66. Крайнов Игнатий Андреевич – 1905 г.
67. Кошкин Семен Севастьянович – 1906 г.
68. Кирюков Леонтий Петрович – 1914 г.
69. Кечкин Иван Николаевич – 1915 г.
70. Кудяков Никита Клементьевич – 1915 г.
71. Кривошеев Илья Петрович – 1917 г.
72. Катаев Яков Герасимович – 1918 г.
73. Лазарев Федор Андреевич – 1912 г.
74. Лиськин Григорий Фомич – 12 янв. 1917 г.
75. Мураев Михаил Ефимов – 1879 г.
76. Максимов Архип – 1882 г.
77. Максимов Прохор – 1893 г.
78. Маринин Василий Ефим[ович] – 1895 г.
79. Меньшев Александр – 1900 г.
80. Малашкин Петр – 1904 г.
81. Михайлов Фапа Степанович – 1906 г.
82. Николаев Димитрий – 1891 г.
83. Нежкин Василий Степанович – 1896 г.
84. Нежкин Владимир Иванович – 1896 г.
85. Николаев Иван – 1903 г.
86. Надеев Григорий Моисеевич – 1908 г.
87. Неяскин Павел Алексеевич – 1908 г.
88. Надеев Степан Федорович – 1918 г.
89. Овчинников Иван Иван[ович] – 1895 г.
90. Осипов Сергей – 1901 г.
91. Овчинников Федор Егорович – 1911 г.
92. Петрушин Яков – 1897 г.
93. Петров Михаил – 1902 г.
94. Поверенов Иван – 1902 г.
95. Поверенов Андрей Андреевич – 1906 г.
96. Пыраев Алексей Федорович – 1906 г.
97. Поверенов Егор Андреевич – 1908 г.
98. Прокаев Иван Федорович – 1908 г.

99. Пугачев Виктор Трифионович – 1909 г.
100. Поверинов Михаил Саввич – 1912 г.
101. Попов Владимир Михайлович – 1912 г.
102. Петяев Флор Александрович – 1915 г.
103. Радаев Василий (свящ[енник]) – 1885 г.
104. Резяпкин Михаил Петрович – 22 янв. 1916 г.
105. Стрелков Федор (свящ[енник]) – 1881 г.
106. Старков Афанасий Аит. – 1887 г.
107. Суходеев Иван Ив[анович] – 1887 г.
108. Силкин Силуан – 1891 г.
109. Сергеев Иларион – 1896 г.
110. Семенов Александр – 1897 г.
111. Суксов Владимир – 1901 г.
112. Самсонов Емельян – 1903 г.
113. Сызганов Игим – 1903 г.
114. Садков Федор – 1904 г.
115. Снобелев Елисей Васильевич – 1906 г.
116. Садков Иван Киреевич – 1907 г.
117. Скобелев, он же Кочетков Алексей Васильевич – 1910 г.
118. Савкин Иван Кузьмич – 1914 г.
119. Тулапин Григорий Иванович – 1906 г.
120. Учаев Андрей Филиппович – 1918 г.
121. Французов Никанор Максимович – 19 апр. 1916 г.
122. Феоктистов Леонтий Иванович – 1918 г.
123. Чудейкин Василий – 1899 г.
124. Шутов Андрей – 1901 г.
125. Щербаков Алексей Фролов[ич] – 1895 г.
126. Юргов Авксентий (свящ[енник]) – 1876 г.
127. Юртаев Прокофий – 1887 г.

Пермяки (коми-пермяки)

1. Бушуев Андрей – 1901 г.

2. Кудымов Яков – 1902 г.
3. Кудымов Иван Ефимович – 1907 г.
4. Мошегов Кондратий – 1901 г.
5. Мехоношин Даниил – 1904 г.
6. Пагуянов Иван Васильевич – 1906 г.
7. Радостев Николай Степанович – 1905 г.
8. Седегов Иван – 1897 г.
9. Сторожев Павел – 1899 г.
10. Тараканов Иван – 1900 г.
11. Тотьянин Михаил – 1901 г.
12. Филимонов Николай – 1897 г.
13. Цапов Петр Васильевич – 1908 г.

Русские

1. Аввакумов Климент – 1877 г.
2. Авдеев Степан – 1877 г.
3. Алексеев Николай – 1877 г.
4. Александров Василий – 1878 г.
5. Алшнев Михаил Алексеев – 1881 г.
6. Афанасьев Яков – 1881 г.
7. Андронов Михаил – 1883 г.
8. Архипов Николай – 1883 г.
9. Алексеев Петр – 1884 г.
10. Аверьянов Василий Тимоф[еевич] – 1887 г.
11. Акифьев Иван Вас[ильевич] – 1887 г.
12. Агафонов Дмитрий – 1888 г.
13. Александров Иван – 1888 г.
14. Аржанухин Михаил – 1888 г.
15. Афанасьев Андрей – 1888 г.
16. Афанасьев Андрей – 1890 г.
17. Андреев Константин – 1892 г.
18. Атландеров Евгений – 1893 г.
19. Аверьянов Иван Феодоров[ич] – 1895 г.
20. Артемов Александр – 1898 г.
21. Агафонов Сергей – 1899 г.
22. Аксенов Федор – 1899 г.
23. Аксиньин Федор – 1902 г.
24. Аникин Михаил – 1902 г.
25. Абрамов Илья – 1903 г.
26. Андрианов Михаил – 1903 г.
27. Абрамов Георгий – 1904 г.
28. Андреев Алексей – 1904 г.
29. Анисимов Василий – 1904 г.

30. Абрамов Тихон Иванович – 1908 г.
31. Арбузов Иван Петрович – 1908 г.
32. Агафонов Михаил Алексеевич – 22 янв. 1916 г.
33. Абасев Григорий Никитич – 1917 г.
34. Андреев Николай Александрович – 1917 г.
35. Абзянов Михаил Васильевич – 1918 г.
36. Большаков Ефим – 1875 г.
37. Баранов Владимир (свящ[енник]) – 1876 г.
38. Бляблин Иван – 1877 г.
39. Багрянов Дмитрий – 1880 г.
40. Будников Петр – 1880 г.
41. Бочкарев Николай – 1881 г.
42. Боголюбов Андрей – 1882 г.
43. Бурнашевский Ефрем – 1882 г.
44. Башкиров Степан – 1883 г.
45. Бабин Александр – 1886 г.
46. Бадаев Николай – 1886 г.
47. Борков Гавриил Андреевич – 1887 г.
48. Брызгин Иван Андр[еевич] – 1887 г.
49. Батыгин Семен – 1888 г.
50. Борков Александр – 1888 г.
51. Бухалов Михаил – 1888 г.
52. Бушуев Петр – 1890 г.
53. Белов Михаил – 1890 г.
54. Бурцев Александр – 1891 г.
55. Боровков Андрей Иванович – 1896 г.
56. Благодаров Александр – 1897 г.
57. Бочкарев Андрей – 1898 г.
58. Березин Александр – 1899 г.
59. Березин Василий – 1899 г.
60. Бочкарев Дмитрий – 1901 г.
61. Будников Константин – 1902 г.
62. Бахорин Александр – 1904 г.
63. Березин Иван – 1904 г.
64. Бадаев Иван Николаевич – 1907 г.
65. Бояров Сергей Димитриевич – 1909 г.
66. Болтушкин Александр Григор[ьевич] – 1911 г.
67. Балакин Сергей Юнович – 1914 г.
68. Баранов Петр Григорьевич – 1918 г.
69. Белов Федор Гаврилович – 1918 г.
70. Белянин Василий Иванович – 1918 г.
71. Введенский Иван – 1875 г.
72. Вилнов Григорий – 1877 г.
73. Васильев Сергей – 1879 г.
74. Воробьев Иван Ильин – 1881 г.
75. Васюков Василий – 1886 г.
76. Васильев Федор Вас[ильевич] – 1887 г.
77. Виноградов Алексей – 1888 г.
78. Васильев Семен Львович – 1895 г.
79. Власов Михаил Васильев – 1896 г.
80. Ворсин Яков Артемьев – 1896 г.
81. Васильев Михаил – 1897 г.
82. Ветчинкин Адриан – 1897 г.
83. Волков Дмитрий – 1897 г.
84. Володин Александр – 1898 г.
85. Волков Кондратий – 1899 г.
86. Владимиров Алексей – 1900 г.
87. Волков Александр – 1904 г.
88. Воробьев Александр Иванович – 1907 г.
89. Воскресенский Клавдий Васильевич – 1907 г.
90. Волков Владимир Порфирьевич – 1909 г.
91. Воробьев Федор Иванович – 1912 г.
92. Ватагин Иван Васильевич – 19 апр. 1916 г.
93. Голубев Михаил – 1875 г.
94. Горюнов Петр (свящ[енник]) – 1876 г.
95. Горбунов Михаил – 1877 г.
96. Глонягин Галактион – 1878 г.
97. Григорьев Василий – 1878 г.
98. Гребнев Егор – 1880 г.
99. Горин Порфирий – 1881 г.
100. Григорьев Яков – 1883 г.
101. Голюшев Иван – 1884 г.
102. Гуров Спиридон – 1884 г.
103. Гаиев Константин – 1886 г.
104. Голубев Петр (диако[н]) – 1887 г.
105. Гасилов Федор – 1888 г.
106. Горбунов Яков – 1888 г.
107. Гусев Ефим – 1892 г.
108. Гаврилов Николай – 1893 г.

109. Гуршев Дмитрий – 1899 г.
110. Гладков Степан – 1900 г.
111. Гусев Григорий Яковлевич – 1906 г.
112. Гордеев Никанор Данилович – 19 апр. 1916 г.
113. Грачев Яков Семенович – 22 янв. 1916 г.
114. Греков Владимир Димитриевич – 22 янв. 1916 г.
115. Городилов Илья Денисович – 12 янв. 1917 г.
116. Демешев Иван – 1875г.
117. Данилов Федор – 1880 г.
118. Дятлов Алексей – 1880 г.
119. Диомидов Владимир – 1881 г.
120. Деманов Яков – 1883 г.
121. Денисов Сергей (диак[он]) – 1884 г.
122. Далмангов Павел Петр[ович] (свящ[енник]) – 1885 г.
123. Дурицин Дмитрий – 1889 г.
124. Димитриев Петр – 1890 г.
125. Данилов Семен – 1891 г.
126. Дуринцын Василий – 1892 г.
127. Дадыкин Степан Гуриев – 1894 г.
128. Допукин Иван Андр[еевич] – 1894 г.
129. Деведенис Петр Яковл[евич] – 1895 г.
130. Данилов Трофим – 1899 г.
131. Далматов Петр Иванович – 1906 г.
132. Державин Степан Алексеевич – 1909 г.
133. Дунаев Павел Михайлович – 1915 г.
134. Дементьев Михаил Николаевич – 1916 г.
135. Диомидов Алексей Иванович – 1918 г.
136. Евстафьев Николай – 1878 г.
137. Евдокимов Александр (свящ[енник]) – 1881 г.
138. Евставьев Алексей – 1882 г.
139. Ермаков Иван – 1882 г.
140. Егоров Степан – 1884 г.
141. Егоров Семен – 1885 г.
142. Егоров Гавриил Егор[ович] – 1887 г.
143. Ефимов Петр – 1888 г.
144. Евдокимов Михаил – 1889 г.
145. Ерлыгин Иван – 1890 г.
146. Егоров Андрей – 1901 г.
147. Егоров Федор – 1903 г.
148. Ефимов Семен – 1904 г.
149. Егоров Михаил Гаврилович – 1911 г.
150. Егосин Иван Кириллович – 1912 г.
151. Елагин Иван Иванович – 1918 г.
152. Журавлев Иван – 1875 г.
153. Журавлев Петр – 1878 г.
154. Жулин Николай – 1882 г.
155. Жиряков Григорий – 1890 г.
156. Желтухин Гавриил Якимов – 1894 г.
157. Жарехин Петр – 1900 г.
158. Жаров Александр – 1900 г.
159. Жуков Леонтий Павлович – 1915 г.
160. Загибенин Григорий – 1875 г.
161. Зароатский Николай (умер) – 1875 г.
162. Зайцев Семен (умер) – 1878 г.
163. Запускалов Матвей – 1878 г.
164. Зороатский Иван – 1878 г.
165. Земенов Никандр – 1880 г.
166. Завьялов Василий – 1882 г.
167. Захаров Тарас – 1882 г.
168. Зверев Григорий – 1884 г.
169. Зимин Дмитрий – 1886 г.
170. Захаров Константин Семенов[ич] – 1894 г.
171. Зефилов Виктор – 1896 г.
172. Завалин Павел – 1899 г.
173. Зверев Михаил – 1899 г.
174. Земсков Сергей – 1901 г.
175. Зиновейкин Федор Андреевич – 1906 г.
176. Зюзин Григорий Петрович – 1918 г.
177. Исаев Димитрий – 1875 г.
178. Иванов Капитон (свящ[енник]) – 1876 г.
179. Иванов Матвей – 1878 г.

180. Иванов Иван – 1881 г.
 181. Иванов Михаил (свящ[енник]) – 1881 г.
 182. Игношин Димитрий – 1884 г.
 183. Иванов Тихон – 1893 г.
 184. Иголкин Евгений Николаев – 1896 г.
 185. Иванов Николай – 1899 г.
 186. Иванов Александр Васильевич – 1905 г.
 187. Иванов Павел Васильевич – 1906 г.
 188. Игошин Александр Семенович – 1906 г.
 189. Иванов Александр Иванович – 1908 г.
 190. Игошин Петр Семенов[ич] – 1910 г.
 191. Казанский Константин (умер) – 1875 г.
 192. Кружков Диомид (умер) – 1875 г.
 193. Косарев Венедикт – 1875 г.
 194. Князев Гавриил – 1875 г.
 195. Кондратьев Киприан – 1871 г.
 196. Карчагин Александр – 1874 г.
 197. Крылов Петр – 1877 г.
 198. Кузьмин Степан I-й – 1878 г.
 199. Кутеминский Гурий – 1878 г.
 200. Козельский Василий – 1878 г.
 201. Кузьмин Степан II – 1878 г.
 202. Клоков Петр – 1878 г.
 203. Климин Андрей Терентьев – 1879 г.
 204. Коломенцев Димитрий Алексеев[ич] – 1879 г.
 205. Королев Логин Лазарев – 1879 г.
 206. Кузнецов Евгений Иванов – 1879 г.
 207. Красновидов Николай (умер) – 1879 г.
 208. Кукареткин Александр (умер) – 1879 г.
 209. Канаев Несторъ – 1880 г.
 210. Колокольчиков Степан – 1880 г.
 211. Куреньщиков Алексей – 1880 г.
 212. Кузьмин Кузьма – 1881 г.
 213. Курьлев Григорий Ефимов – 1881 г.
 214. Корнеев Флегент – 1882 г.
 215. Кузнецов Александр Ив[анович] – 1882 г.
 216. Кондручин Сергей – 1882 г.
 217. Калагинов Иван – 1883 г.
 218. Копычев Иван – 1883 г.
 219. Кочергин Григорий – 1883 г.
 220. Крылов Петр – 1883 г.
 221. Колокольчиков Михаил (свящ[енник]) – 1884 г.
 222. Крапивин Иван Сем[енович] (диак[он]) – 1885 г.
 223. Красильников Василий Димитрий – 1885 г.
 224. Кречетов Григорий Осипов – 1885 г.
 225. Кочуров Иван (умер) – 1886 г.
 226. Куренщиков Варфоломей – 1886 г.
 227. Казанцев Иван Федор[ович] – 1887 г.
 228. Курбатов Александр Ив[анович] – 1887 г.
 229. Калинин Павел – 1887 г.
 230. Кибардин Максим – 1888 г.
 231. Кибардин Павел – 1888 г.
 232. Килячков Алексей – 1888 г.
 233. Коновалов Никита – 1889 г.
 234. Козлов Григорий – 1890 г.
 235. Комаров Николай – 1891 г.
 236. Конькин Константин – 1891 г.
 237. Кибардин Матвей – 1892 г.
 238. Князев Степан – 1892 г.
 239. Казачихин Андрей – 1893 г.
 240. Коростин Арефа – 1893 г.
 241. Коржнев Кирилл Филипов – 1894 г.
 242. Кулясов Алексей Кузьмин (свящ[енник]) – 1894 г.
 243. Кириллов Семен Мих[айлович] – 1895 г.
 244. Крайнов Иван Алексеев – 1895 г.
 245. Козлов Евлампий – 1897 г.
 246. Корнилов Андрей – 1897 г.
 247. Камаев Василий – 1898 г.
 248. Князев Петр – 1898 г.
 249. Колдаков Михаил – 1898 г.
 250. Кузьмин Константин – 1900 г.

251. Комаров Константин – 1901 г.
252. Кремнев Андрей – 1901 г.
253. Кузнецов Александр – 1901 г.
254. Клячин Петр – 1902 г.
255. Колчин Иван – 1902 г.
256. Крылов Петр – 1902 г.
257. Козлов Григорий – 1904 г.
258. Кутасов Василий – 1904 г.
259. Крыков Константин Ильич – 1905 г.
260. Колотинин Федот Федорович – 1906 г.
261. Колпаков Николай Николаевич – 1906 г.
262. Куликов Александр Павлович – 1906 г.
263. Камишкерцев Михаил Ефимович – 1907 г.
264. Кузнецов Иван Григорьевич – 1907 г.
265. Катин Николай Федорович – 1909 г.
266. Клишин Алексей Яковлевич – 1909 г.
267. Клюев Иван – 1906 г.
268. Калинин Василий Петрович – 1911 г.
269. Коняев Иван Иванович – 1911 г.
270. Куликов Илья Варфоломеевич – 1911 г.
271. Крючков-Козьмин Владимир Ник[олаевич] – 1912 г.
272. Курганов Иван Аверкиевич – 1914 г.
273. Костин Вячеслав Николаевич – 1915 г.
274. Кутрунов Семен Гаврилович – 1916 г. 19 апр.
275. Калашников Константин Иванович – 1918 г.
276. Лазарев Александр – 1877 г.
277. Локтионов Александр – 1877 г.
278. Лосанов Алексей – 1877 г.
279. Ломов Михаил – 1879 г.
280. Ларионов Константин – 1881 г.
281. Лаптев Тимофей – 1883 г.
282. Лобанов Матвей – 1883 г.
283. Любутин Михаил – 1884 г.
284. Лузганов Михаил – 1888 г.
285. Левахин Павел – 1889 г.
286. Леонтьев Николай – 1889 г.
287. Лапшин Егор – 1890 г.
288. Лукоянов Кондратий – 1890 г.
289. Лукьянов Виктор – 1891 г.
290. Лазарев Григорий – 1892 г.
291. Лазарев Иван – 1893 г.
292. Лебедев Максим Иван[ович] – 1895 г.
293. Левушкин Александр Серг[еевич] – 1895 г.
294. Липатов Алексей Андреев – 1896 г.
295. Лукоянов Сергей – 1899 г.
296. Лазарев Федор – 1902 г.
297. Луппов Александр Иванович – 1909 г.
298. Лысов Алексей Дмитриевич – 1911 г.
299. Лисин Амплий Николаевич – 1912 г.
300. Локтионов Евгений Александрович – 1912 г.
301. Литвинов Степан Андреевич – 19 апр. 1916 г.
302. Лядов Иван Иванович – 1918 г.
303. Мальгин Флор (свящ[енник]) – 1876 г.
304. Медведков Аким – 1876 г.
305. Маракин Федор – 1879 г.
306. Минсеев Андрей Осипов – 1879 г.
307. Мишутин Диомид – 1879 г.
308. Медведков Илья – 1881 г.
309. Мозохин Арсений (свящ[енник]) – 1881 г.
310. Моисеев Семен – 1882 г.
311. Мелентьев Семен – 1883 г.
312. Михайлов Иван – 1883 г.
313. Мичурин Михаил – 1883 г.
314. Матросов Константин Гер[асимович] – 1885 г.
315. Медведков Егор – 1886 г.
316. Малев Сергей Степан[ович] – 1887 г.
317. Маракин Флегонт – 1887 г.
318. Маловский Николай – 1889 г.
319. Маркеев Михаил – 1889 г.

320. Матвеев Владимир – 1889 г.
 321. Мельников Василий – 1889 г.
 322. Михайлов Николай – 1890 г.
 323. Мурин Михаил – 1890 г.
 324. Мурзин Иван – 1891 г.
 325. Матвеев Александр – 1892 г.
 326. Мельников Петр – 1892 г.
 327. Меньшов Алексей – 1893 г.
 328. Марков Александр Ив[анович] – 1895 г.
 329. Михайлов Сергей Иван[ович] – 1895 г.
 330. Михайлов Константин – 1897 г.
 331. Москвин Дмитрий – 1897 г.
 332. Мосин Василий – 1901 г.
 333. Муханов Алексей – 1901 г.
 334. Малов Владимир – 1903 г.
 335. Мусин Осип – 1903 г.
 336. Михайлов Петр – 1904 г.
 337. Мухачев Петр – 1904 г.
 338. Малышев Василий Семенович – 1905 г.
 339. Медянцеv Петр Иванович – 1906 г.
 340. Мельников Петр Сергеевич – 1907 г.
 341. Минеев Федор Васильевич – 1907 г.
 342. Михайлов Николай Михайлович – 1908 г.
 343. Мордовин Павел Петрович – 1909 г.
 344. Митрофанов Спиридон Иванович – 1912 г.
 345. Мухин Илья Сергеевич – 1914 г.
 346. Максимов Александр Иванович – 1915 г.
 347. Михайлов Сергей Архипович – 12 янв. 1917 г.
 348. Маслов Игнатий Яковлевич – 12 янв. 1917 г.
 349. Муравьев Филипп Павлович – 12 янв. 1917 г.
 350. Менов Михаил Николаевич – 1918 г.
 351. Никитин Федор (умер) – 1876 г.
 352. Назаров Тимофей – 1886 г.
 353. Немшанов Кирилл – 1889 г.
 354. Николаев Алексей – 1890 г.
 355. Неукисов Александр Прокопьев – 1896 г.
 356. Николаев Петр – 1898 г.
 357. Нилоv Михаил – 1901 г.
 358. Неукисов Иван – 1902 г.
 359. Никифоров Павел – 1904 г.
 360. Николаев Алексей Николаевич – 1905 г.
 361. Новиков Иван Степанович – 1906 г.
 362. Наумов Василий Иванович – 1907 г.
 363. Никаноров Василий Алексеевич – 1908 г.
 364. Некрасов Иван Васильевич – 1909 г.
 365. Наумычев Александр Иванович – 19 апр. 1916 г.
 366. Николаев Иван Гурьянович – 22 янв. 1916 г.
 367. Новиков Андрей Никифорович – 22 янв. 1916 г.
 368. Отланов Михаил – 1877 г.
 369. Овсянников Николай – 1880 г.
 370. Остяпец Константин – 1880 г.
 371. Осипов Василий Петр[ович] (диак[он]) – 1887 г.
 372. Ольховиков Антон – 1890 г.
 373. Орлов Семен – 1890 г.
 374. Очков Сергей – 1893 г.
 375. Осипов Тимофей Герас[имович] – 1894 г.
 376. Овечкин Дмитрий Киприанов – 1896 г.
 377. Осипов Николай Михайл[ович] – 1896 г.
 378. Орлов Михаил – 1903 г.
 379. Оборкин Яков Васильевич – 1905 г.
 380. Осипов Кузьма Ефимович – 1905 г.
 381. Орлов Константин Егоров[ич] – 1910 г.
 382. Осипов Николай Константи[нович] – 1911 г.
 383. Петров Григорий – 1875 г.
 384. Падерин Степан – 1875 г.

385. Переухин Степан – 1876 г.
386. Пенкин Дмитрий диакон – 1877 г.
387. Петропавловский Иван – 1878 г.
388. Павлов Николай – 1879 г.
389. Пронин Алексей – 1879 г.
390. Павлов Константин – 1880 г.
391. Плотников Евдоким – 1880 г.
392. Панов Егор – 1881 г.
393. Полетаев Иван – 1881 г.
394. Пчелкин Алексей – 1881 г.
395. Пяткин Осип Акимов – 1881 г.
396. Паркачев Кирилл – 1882 г.
397. Петров Семен – 1882 г.
398. Порфирьев Михаил – 1882 г.
399. Пчелин Александр – 1883 г.
400. Панин Егор – 1884 г.
401. Петровский Хримсанф – 1884 г.
402. Плашихин Павел – 1884 г.
403. Плотников Николай – 1884 г.
404. Петряев Александр – 1885 г.
405. Платонов Федор Платон[ович] – 1885 г.
406. Протодяконов Александр Федор[ович] – 1885 г.
407. Пшеничных Василий – 1886 г.
408. Постников Илья Тимоф[еевич] – 1887 г.
409. Павлов Флор – 1889 г.
410. Пирожков Константин – 1889 г.
411. Полимушин Ефим – 1889 г.
412. Песнов Николай – 1889 г.
413. Петров Антон – 1890 г.
414. Плотов Михаил – 1890 г.
415. Подъячев Сергей – 1891 г.
416. Почтарев Тимофей – 1891 г.
417. Пикалкин Илья – 1893 г.
418. Петров Пантелеймон Петр[ович] – 1894 г.
419. Пронин Павел Ефимович – 1894 г.
420. Панков Михаил
Конст[антинович] – 1895 г.
421. Писчиков Петр Карпов[ич] – 1895 г.
422. Пасютин Феодор – 1896 г.
423. Полежаев Иван – 1897 г.
424. Постников Иван – 1897 г.
425. Проскуров Евдоким Гаврилов – 1897 г.
426. Петров Евгений – 1900 г.
427. Петрушин Иван – 1901 г.
428. Погодин Тихон – 1903 г.
429. Попосов Андрей – 1904 г.
430. Перепелкин Николай Семенович – 1906 г.
431. Петров Павел Григорьевич – 1906 г.
432. Платонов Иван Федорович – 1906 г.
433. Попов Иван Егорович – 1906 г.
434. Попов Николай Михайлович – 1906 г.
435. Понамарев Александр Адрианович – 1907 г.
436. Погодин Осип Никандрович – 1908 г.
437. Пронькин Василий Михайлович – 1909 г.
438. Пестряков Иван – 1906 г.
439. Пирогов Иван Адрианов – 1910 г.
440. Попков Ириной Алексеевич – 1911 г.
441. Паньшин Семен Иванович – 1912 г.
442. Павлычев Георгий Иванович – 1915 г.
443. Паньшин Василий Иванович – 1915 г.
444. Попов Михаил Елевфериевич – 1915 г.
445. Перец Николай Гаврилович – 1917 г.
446. Петухов Николай Сергеевич – 1918 г.
447. Писарев Григорий Петрович – 1918 г.
448. Потапов Василий Силуанович – 1918 г.
449. Роднин Григорий – 1877 г.
450. Роднин Тимофей – 1877 г.
451. Русаковский Василий – 1880 г.
452. Раков Василий Ив[анович] – 1882 г.
453. Рогожин Леонид – 1887 г.
454. Разбегаев Герасим – 1889 г.

455. Рыскин Никита – 1889 г.
 456. Разскащиков Иван – 1890 г.
 457. Рогожкин Флор Лаврентьев – 1896 г.
 458. Романов Николай – 1902 г.
 459. Разенков Иван Петрович – 1908 г.
 460. Разскащиков Николай Иванович – 1909 г.
 461. Рубцов Федор Алексеев – 1910 г.
 462. Рябков Никита Петрович – 1915 г.
 463. Рыжов Николай Борисович – 1918 г.
 464. Смотроков Степан – 1878 г.
 465. Сергеев Иван – 1878 г.
 466. Семякин Александр – 1880 г.
 467. Синдячкин Михаил (свящ[енник]) – 1880 г.
 468. Сомов Павел – 1880 г.
 469. Соловьев Михаил – 1881 г.
 470. Страхов Павел – 1881 г.
 471. Симаков Федор Афанась[евич] – 1882 г.
 472. Сергиев Михаил – 1883 г.
 473. Смирнов Лавр – 1883 г.
 474. Сабашников Иван – 1883 г.
 475. Соколов Федор (свящ[енник]) – 1883 г.
 476. Сучков Даниил Петр[ович] – 1883 г.
 477. Семякин Алексей – 1884 г.
 478. Соколов Степан Федор[ович] – 1885 г.
 479. Сорокин Александр. Мих[айлович] – 1886 г.
 480. Суворов Николай – 1886 г.
 481. Садовников Даниил Михайл[ович] – 1887 г.
 482. Софронов Анисим – 1887 г.
 483. Сночков Николай – 1887 г.
 484. Самохин Григорий – 1888 г.
 485. Суряков Михаил – 1888 г.
 486. Садовников Павел – 1889 г.
 487. Сакулин Николай – 1889 г.
 488. Семякин Андрей – 1889 г.
 489. Симонов Порфирий – 1889 г.
 490. Сорокин Григорий – 1889 г.
 491. Скворцов Иларионов – 1891 г.
 492. Сомов Филипп – 1891 г.
 493. Степанов Иван – 1891 г.
 494. Смирнов Алексей – 1892 г.
 495. Сапаров Федор – 1893 г.
 496. Симонов Николай – 1893 г.
 497. Синцов Василий – 1893 г.
 498. Сиротов Иван (свящ[енник]) в Бук[еевской] Орде – 1893 г.
 499. Сорокин Иван – 1893 г.
 500. Сотников Алексей – 1893 г.
 501. Садовников Григорий Степ[анович] – 1894 г.
 502. Сидоров Василий Макара[евич] – 1895 г.
 503. Спиридонов Василий – 1897 г.
 504. Струздюмов Георгий – 1899 г.
 505. Суслов Степан – 1900 г.
 506. Самарин Степан – 1901 г.
 507. Селянкин Федор – 1901 г.
 508. Симонов Владимир – 1901 г.
 509. Самойлов Иван – 1902 г.
 510. Сидоров Петр – 1903 г.
 511. Сурсов Адриан – 1903 г.
 512. Сковцов Георгий – 1904 г.
 513. Силантьев Иван Прокопьевич – 1905 г.
 514. Старостин Николай Степанович – 1905 г.
 515. Семенов Петр Григорьевич – 1906 г.
 516. Семенкин Федор Михайлович – 1907 г.
 517. Соколов Александр Ильич 1908 г.
 518. Соколов Петр Федорович – 1908 г.
 519. Строкин Павел Степанович – 1908 г.
 520. Седельников Иван Федорович – 1908 г.
 521. Сковородников Петр Тимофеевич – 1909 г.
 522. Суханов Иван Михайлович – 1907 г.
 523. Сомов Григорий Иванович – 1911 г.
 524. Смирнов Виктор Максимович – 1912 г.

525. Соколов Анатолий Ильич – 1912 г.
526. Соломкин Петр Семенович – 1912 г.
527. Савин Василий Тимофеевич – 1915 г.
528. Сафонов Алексей Васильевич – 1915 г.
529. Спиридонов Петр Михайлович – 1915 г.
530. Смирнов Георгий Максимович – 12 янв. 1917 г.
531. Скосырев Петр Николаевич – 1918 г.
532. Свинцов Павел Матвеевич – 1918 г.
533. Тихонов Петр – 1875 г.
534. Теняев Василий (свящ[енник]) – 1876 г.
535. Трофимов Иван – 1876 г.
536. Торонов Борис – 1876 г.
537. Тимохин Андрей Захаров – 1879 г.
538. Тихонов Василий Павлов – 1879 г.
539. Тихонов Алексей (умер) – 1882 г.
540. Тарасов Николай – 1883 г.
541. Тихонов Наум Тихон[ович] – 1883 г.
542. Троицкий Семен Александр[ович] – 1886 г.
543. Троицкий Иван Александр[ович] – 1887 г.
544. Торопов Никифор – 1888 г.
545. Тресвятский Михаил – 1888 г.
546. Толкунов Иван – 1889 г.
547. Трошин Павел Филиппов – 1894 г.
548. Торопов Александр Аверк[иевич] – 1895 г.
549. Трифонов Федор Федор[ович] – 1896 г.
550. Тимофеев Григорий – 1898 г.
551. Тимонин Михаил – 1900 г.
552. Темин Владимир – 1903 г.
553. Топоров Иван – 1903 г.
554. Тюляманов Иван – 1903 г.
555. Тижанин Яким – 1904 г.
556. Тошев Дмитрий Никитич – 1905 г.
557. Трифонов Михаил Федорович – 1905 г.
558. Трякин Алексей Егорович – 1906 г.
559. Тчимонин Семен Захарович – 1909 г.
560. Тимрясов Владимир – 1906 г.
561. Тимрясов Михаил – 1906 г.
562. Токин Михаил – 1906 г.
563. Трофимов Митрофан Прокопьевич – 1918 г.
564. Ураевский Порфирий (свящ[енник]) – 1879 г.
565. Узелков Степан – 1886 г.
566. Устюгов Василий – 1886 г.
567. Урмаев Андрей Емельян. – 1890 г.
568. Утробин Алексей – 1904 г.
569. Утробин Василий – 1906 г.
570. Фадеев Сергей (свящ[енник]) – 1875 г.
571. Филиппов Андриан Филип[пович] – 1895 г.
572. Федоров Федор Антонович – 1918 г.
573. Хаинов Михаил – 1881 г.
574. Хвастунов Федор – 1881 г.
575. Харитонов Алексей – 1882 г.
576. Хмогин Афанасий – 1889 г.
577. Хохлов Иван – 1893 г.
578. Хлопин Яков Петров – 1896 г.
579. Халапсин Борис Яковлевич – 1905 г.
580. Хворов Владимир Петрович – 1912 г.
581. Храмов Степан Иванович – 1915 г.
582. Царегородцев Николай – 1887 г.
583. Цветницкий Валим (свящ[енник]) – 1893 г.
584. Чигарин Андрей – 1882 г.
585. Чугунов Терентий Андр[еевич] (свящ[енник]) – 1885 г.
586. Чухланцев Егор – 1889 г.
587. Чурилин Андриан Алексеев. – 1894 г.

588. Чипчин Алексей – 1900 г.
 589. Ченайкин Григорий – 1901 г.
 590. Ченцов Дмитрий – 1903 г.
 591. Шляхтин Михаил – 1875 г.
 592. Шебалов Матвей – 1876 г.
 593. Шафеев Петр – 1878 г.
 594. Шляхтин Тимофей – 1884 г.
 595. Шляпников Тимофей – 1889 г.
 596. Шабанов Алексей – 1897 г.
 597. Шафиров Иван – 1897 г.
 598. Шляхтин Дмитрий – 1898 г.
 599. Шеклеин Александр – 1901 г.
 600. Шишкин Федор – 1903 г.
 601. Шаров Федор – 1904 г.
 602. Шведов Гавриил – 1904 г.
 603. Шишкин Владимир Сергеевич – 1907 г.
 604. Ширяев Михаил Иванович – 1908 г.
 605. Шмелев Иван Алексеевич – 1909 г.
 606. Штатнов Владимир Иванович – 1909 г.
 607. Шилов Илья Иванович – 1911 г.
 608. Шишкин Яким Петрович – 1911 г.
 609. Ширяев Николай Осипович – 1912 г.
 610. Ширяев Димитрий Иванович – 19 апр. 1916 г.
 611. Шувалов Сергей Васильевич – 22 янв. 1916 г.
 612. Шевырев Петр Георгиевич – 1917 г.
 613. Ширяев Михаил Гаврилович – 1917 г.
 614. Шипунов Афанасий Яковлевич – 1918 г.
 615. Щербаков Яков Васильев[ич] – 1895 г.
 616. Юрганов Апполон – 1882 г.
 617. Юдин Иван Андр[еевич] – 1885 г.
 618. Юнусов Василий Федорович – 1906 г.
 619. Якимов Филип – 1875 г.
 620. Яндашевский Петр Никол[аевич] (псал[омщик]) – 1885 г.
 621. Яндашевский Викентий – 1890 г.

622. Яковлев Иван – 1897 г.
 623. Янкин Григорий Тимофеевич – 1907 г.
 624. Яковлев Николай Яковлевич – 1917 г.

**Татары, старокрещеные татары
(татары-кряшены)**

1. Александров Кондратий – 1880 г.
2. Асанов Владимир – 1883 г.
3. Алексеев Александр – 1891 г.
4. Афанасьев Семен Афан[асьевич] – 1894 г.
5. Альметев Федор Михайл[ович] – 1895 г.
6. Афанасьев Александр – 1899 г.
7. Алексеев Игнатий – 1901 г.
8. Арентов Иван – 1902 г.
9. Анисимов Иван Констан[тинович] – 1905 г.
10. Адрианов Борис Осипович – 1907 г.
11. Агачев Павел Егорович – 1909 г.
12. Алексеев Роман Терентьевич – 1909 г.
13. Асанов Григорий Феодорович – 1912 г.
14. Анисимов Семен Данилович – 1915 г.
15. Бубенов Конон – 1878 г.
16. Бакланов Сергей Николаев – 1896 г.
17. Бустеряков Аристарх – 1897 г.
18. Бикбов Ефим – 1902 г.
19. Борисов Гурий – 1902 г.
20. Брюхов Герасим Павлович – 1912 г.
21. Белугин Григорий Никитич – 1918 г.
22. Васильев Тарас – 1876 г.
23. Власов Елиазар – 1878 г.
24. Владимиров Василий Антонович – 1908 г.
25. Васильев Николай Василь[евич] – 1915 г.
26. Васильев Иван Васильевич – 19 апр. 1916 г.

27. Васильев Петр Васильевич – 19 апр. 1916 г.
28. Григорьев Иван – 1879 г.
29. Гаврилов Семен (свящ[енник]) – 1880 г.
30. Григорьев Давид Гр[игорьевич] – 1894
31. Гаврилов Василий Федорович – 1909 г.
32. Горохов Василий Михайлович – 1911 г.
33. Гумнов Павел Сергеевич – 1912 г.
34. Григорьев Николай Григорьевич – 1915 г.
35. Данилов Сергей – 1881 г.
36. Даулей Роман – 1893 г.
37. Даулей Емельян – 1899 г.
38. Данилов Федор Николаевич – 1906
39. Елисеев Андрей – 1876 г.
40. Евдокимов Егор Денисов – 1879 г.
41. Ермолаев Терентий – 1880 г.
42. Емельянов Степан – 1882 г.
43. Егоров Тимофей (свящ[енник]) – 1885 г.
44. Елисеев Ефрем (свящ[енник]) – 1886 г.
45. Егоров Иван – 1891 г.
46. Емекеев Семен – 1898 г.
47. Емельянов Петр – 1898 г.
48. Елисеев Максим – 1899 г.
49. Ермолаев Дмитрий – 1901 г.
50. Ефимов Евстигней – 1904 г.
51. Егоров Семен Егорович – 1905 г.
52. Егоров Феодор Прокопьевич – 1905 г.
53. Егоров Игнатий Егорович – 1911 г.
54. Егоров Димитрий Егорович – 1912 г.
55. Егоров Георгий Прокопьевич – 1914 г.
56. Егоров Иван Андреевич – 1915 г.
57. Емекеев Павел Васильевич – 1915 г.
58. Иванов Максим (свящ[енник]) – 1884 г.
59. Ишкинов Лев (свящ[енник] с 1907/8 г.) – 1898 г.
60. Игнатъев Петр – 1904 г.
61. Иванов Назар Иванович – 1905 г.
62. Иванов Авраамий Иванович – 1915 г.
63. Иванов Василий Ионович – 1915 г.
64. Кирилов Степан – 1880 г.
65. Константинов Иван – 1898 г.
66. Касимов Иван Иванович – 1905 г.
67. Казанков Пимень Петрович – 1906 г.
68. Каранаев Терентий Михайлович – 1907 г.
69. Калинин Игнатий Семенович – 1908 г.
70. Костылев Митрофан Федорович – 1908 г.
71. Кузнецов Артемий Игнатъев[ич] – 1910 г.
72. Кибяков Назарий Васильевич – 1912 г.
73. Кузнецов Петр Леонтьевич – 1914 г.
74. Леонтьев Василий (свящ[енник]) – 1876 г.
75. Левшин Иван Феодоров – 1896 г.
76. Лаврентьев Афанасий Лаврентьевич – 1906 г.
77. Максимов Семен (свящ[енник]) – 1875 г.
78. Макаров Ефрем (свящ[енник]) – 1876 г.
79. Макаров Василий – 1878 г.
80. Меркурьев Семен – 1879 г.
81. Михайлов Павел (свящ[енник]) – 1884 г.
82. Мещеряков Александр – 1888 г.
83. Матвеев Петр Трофим[ович] – 1895 г.
84. Михайлов Гурий – 1899 г.
85. Миронов Дмитрий – 1901 г.
86. Матвеев Прокопий Андреевич – 1908 г.
87. Матвеев Ефим Петрович – 1911 г.
88. Михайлов Василий Михайлович – 12 янв. 1917 г.
89. Никифоров Михаил – 1875 г.
90. Никитин Яков – 1875 г.
91. Никифоров Михаил – 1876 г.
92. Нуждин Степан – 1880 г.

93. Никитин Василий – 1884 г.
 94. Никифоров Семен – 1886 г.
 95. Никифоров Филип (свящ[енник]) – 1886 г.
 96. Никифоров Василий – 1888 г.
 97. Николаев Гурий – 1892 г.
 98. Никифоров Александр Никиф[орович] – 1894 г.
 99. Никифоров Семен – 1900 г.
 100. Николаев Гурий – 1903 г.
 101. Николаев Степан – 1904 г.
 102. Никифоров Дмитрий Яковлевич – 1906 г.
 103. Никифоров Петр Терентьевич – 1912 г.
 104. Осипов Семен Феодоров – 1894 г.
 105. Овечкин Алексей Михайлович – 1908 г.
 106. Оспенников Николай Иванович – 1909 г.
 107. Панфилов Яков – 1876 г.
 108. Проковьев Николай – 1878 г.
 109. Петров Семен – 1879 г.
 110. Павлов Осип – 1883 г.
 111. Павлов Лев – 1888 г.
 112. Петров Григорий – 1891 г.
 113. Попов Иван – 1891 г.
 114. Парфенов Павел Васильев – 1896 г.
 115. Павлов Архип – 1897 г.
 116. Петров Яков – 1901 г.
 117. Порфирьев Ал-р Порфирьевич – 1918 г.
 118. Романов Даниил – 1898 г.
 119. Спиридонов Иван – 1881 г.
 120. Софронов Макар – 1882 г.
 121. Сейфуллин Николай (свящ[енник]) – 1883 г.
 122. Сидоров Иван (свящ[енник]) – 1883 г.
 123. Сизов Сергей (свящ[енник]) – 1883 г.
 124. Сизов Порфирий – 1899 г.
 125. Смирнов Иван – 1899 г.
 126. Семенов Козьма – 1900 г.
 127. Сердинский Федор – 1903 г.
 128. Смирнов Андрей – 1904 г.
 129. Степанов Иван Алексеевич – 1907 г.
 130. Смирнов Павел Яковлевич – 1911 г.
 131. Степанов Василий Кириллович – 1911 г.
 132. Степанов Иван Романович – 1911 г.
 133. Тимофеев Сергей – 1880 г.
 134. Токмаков Егор – 1889 г.
 135. Трофимов Григорий – 1889 г.
 136. Тимей Александр Тимоф[еевич] – 1896 г.
 137. Тимей Всеволод – 1898 г.
 138. Токманов Александр – 1900 г.
 139. Табанаков Иван – 1901 г.
 140. Тарасов Петр – 1902 г.
 141. Тупаев Яков Степанович – 1908 г.
 142. Тимофеев Василий Тимофеевич – 22 янв. 1916 г.
 143. Тимофеев Николай Васильевич – 12 янв. 1917 г.
 144. Филипов Емельян – 1880 г.
 145. Филипов Давид – 1882 г.
 146. Филипов Александр – 1889 г.
 147. Цесаркин Павел – 1901 г.
 148. Чебешев Матвей – 1899 г.
 149. Чернов Иван – 1899 г.
 150. Шиябешев Игнатий – 1892 г.
 151. Юзеев Семен Николаевич – 1906 г.
 152. Яковлев Григорий – 1878 г.
 153. Яковлев Илья – 1880 г.
 154. Ястребов Макар – 1900 г.
- Черемисы (марийцы)**
1. Афанасьев Яков – 1876 г.
 2. Антриев Дмитрий – 1876 г.
 3. Афанасьев Николай Аф[анасьевич] – 1887 г.
 4. Аस्याнов Василий – 1889
 5. Алексеев Егор Алек[сеевич] – 1895 г.
 6. Аптриев Алексей – 1898 г.
 7. Александров Михаил – 1900 г.
 8. Александров Иван – 1904 г.

9. Алексеев Василий Алексеевич – 1906 г.
10. Афанасьев Александр Иванович – 1908 г.
11. Алешкин Константин Егорович – 1909 г.
12. Анисимов Сергей Григорьевич – 1909 г.
13. Анисимов Михаил Анисимов[ич] – 1910 г.
14. Атласкин Алексей Тимофеевич – 1911 г.
15. Алексеев Иван Сидорович – 1914 г.
16. Артюшкин Матвей Димитриевич – 1915 г.
17. Бурнаев Константин – 1878 г.
18. Белогусьев Егор – 1886 г.
19. Белугин Николай Федосеев – 1894 г.
20. Баронов Алексей Михайлович (арестован, в ссылке в Великом Устюге 1908 г.) – 1901 г.
21. Бутенин Николай – 1903 г.
22. Быстров Антон Сергеевич – 1914 г.
23. Васильев Михаил – 1876 г.
24. Васильев Роман – 1893 г.
25. Ватютов Петр Семенов – 1894 г.
26. Васильев Афанасий – 1901 г.
27. Васильев Григорий – 1901 г.
28. Васильев Василий – 1902 г.
29. Васильев Александр – 1903 г.
30. Веткин Михаил Иванович – 1907 г.
31. Веткин Игнатий Иванович – 1912 г.
32. Васютин Иван Петрович – 19 апр. 1916 г.
33. Громов Сергей Гавр[илович] (свящ[енник]) – 1881 г.
34. Гурьянов Василий (диакон) – 1882 г.
35. Григорьев Алексей Плат[онович] – 1887 г.
36. Гутков Илья – 1902 г.
37. Григорьев Петр – 1903 г.
38. Гаврилов Сергей Гаврилович – 1906 г.
39. Григорьев Трофим Григорьевич – 1906 г.
40. Григорьев Сергей Григорьевич – 1908 г.
41. Данилов Иван Павлович – 1917 г.
42. Ерусланов Петр – 1882 г.
43. Ефремов Тихон Ефримов[ич] – 1887 г.
44. Егоров Федор – 1888 г.
45. Еремеев Емельян – 1906 г.
46. Еремеев Григорий Еремеевич – 1907 г.
47. Егоров Павел Григорьевич – 1909 г.
48. Захаров Василий – 1878 г.
49. Зверев Матвей – 1891 г.
50. Иванов Михаил – 1880 г.
51. Иванов Павел (свящ[енник]) – 1886 г.
52. Иванов Иван Иванов[ич] – 1895 г.
53. Ишпайкин Иван Павл[ович] – 1895 г.
54. Ильин Петр Ильин (Адаев) – 1896 г.
55. Иванаев Ефим – 1900 г.
56. Ильин Димитрий – 1901 г.
57. Ивайков Яков – 1903 г.
58. Ипатов Василий Александрович – 1908 г.
59. Иванов Николай Иванович – 1909 г.
60. Иванов Василий – 1910 г.
61. Игнатъев Егор Игнатъевич – 1914 г.
62. Королев Кузьма (свящ[енник]) – 1880 г.
63. Клопский Михаил (диак[он]) – 1882 г.
64. Колибров Владимир – 1884 г.
65. Кидалмиев Александр – 1885 г.
66. Клопский Андрей (диак[он]) – 1888 г.
67. Кириллов Иван – 1891 г.
68. Кунаев Петр – 1891 г.
69. Коведяев Николай Николаев – 1894 г.
70. Кельбедин Николай – 1901 г.
71. Каллистратов Алексей – 1903 г.
72. Кидалашев Александр Николаевич – 1911 г.

73. Коротков Иван Васильевич – 1912 г.
74. Казанцев Алексей Васильевич – 1915 г.
75. Крылов Александр Александрович – 22 янв. 1916 г.
76. Ласточкин Иван – 1876 г.
77. Ласточкин Алексей – 1878 г.
78. Любимов Михаил – 1882 г.
79. Лютерсолский Василий – 1889 г.
80. Леонтьев Гавриил – 1902 г.
81. Мухин Семен – 1883 г.
82. Маляров Иван Иванов – 1896 г.
83. Матюков Игнатий – 1902 г.
84. Мухин Григорий – 1902 г.
85. Мухин Владимир Алексеевич – 1906 г.
86. Минеев Сергей Петрович – 1909 г.
87. Мальшев Петр Васильев[ич] – 1910 г.
88. Митрусков Михаил Васильевич – 12 янв. 1917 г.
89. Михайлов Иван Михайлович – 1918 г.
90. Низкий Григорий Савельев – 1879 г.
91. Никифоров Александр – 1890 г.
92. Николаев Антон – 1891 г.
93. Никифоров Петр – 1893 г.
94. Никитин Иван – 1899 г.
95. Николаев Михаил – 1899 г.
96. Никитин Василий Степанович – 1906 г.
97. Николаев Яков Сергеевич – 1907 г.
98. Николаев Николай Алексеевич – 1915 г.
99. Орлов Иван – 1900 г.
100. Петров Филип – 1889 г.
101. Павлов Николай – 1890 г.
102. Петров Константин – 1897 г.
103. Павлов Иван Дмитриевич – 1907 г.
104. Паткиев Николай Сергеевич – 1915 г.
105. Романов Михаил – 1897 г.
106. Смирнов Иван – 1879 г.
107. Семенов Тимофей – 1884 г.
108. Смирнов Николай Александр[ович] (свящ[енник]) – 1885 г.
109. Сидоров Михаил – 1888 г.
110. Скворцов Константин – 1890 г.
111. Стратилатов Иван – 1892 г.
112. Семенов Алексей – 1893 г.
113. Спиридонов Ефим – 1893 г.
114. Семенов Василий – 1896 г.
115. Сапараев Михаил – 1901 г.
116. Степанов Алексей – 1902 г.
117. Сергеев Николай Андреевич – 1905 г.
118. Спиридонов Алексей Стужданович – 1915 г.
119. Смирнов Алексей Петрович – 1915 г.
120. Смирнов Григорий Романович – 19 апр. 1916 г.
121. Соколов Константин Митрофан[ович] – 22 янв. 1916 г.
122. Сидушкин Нифонт Афанасьевич – 19 апр. 1916 г.
123. Тимоков Григорий Никол[аевич] – 1896 г.
124. Тарасов Тимофей Тарасович – 1911 г.
125. Тихонов Василий Тихонович – 1915 г.
126. Тихонов Андрей Петрович – 22 янв. 1916 г.
127. Тимофеев Василий Тимофеевич – 1917 г.
128. Хлебников Емельян Григор[ьевич] – 1894 г.
129. Цветаев Семен Степ[анович] – 1885 г.
130. Черняков Сергей Алексеевич – 1908 г.
131. Шишков Карп – 1878 г.
132. Шабруков Григорий (свящ[енник]) в с. Кукмурат Урж[умский] у[езд] – 1901 г.
133. Якимов Яков – 1893 г.
134. Яковлев Василий Михайлович – 1908 г.
135. Яковлев Ефрем Михайлович – 1911 г.

136. Яманкин Герасим Иванович – 1912 г.
137. Якимов Степан Якимович – 1918 г.

Чуваши

1. Александров Нестор – 1884 г.
2. Александров Николай – 1884 г.
3. Архипов Анисим (умер) – 1885 г.
4. Антонов Степан – 1899 г.
5. Афанасьев Василий – 1899 г.
6. Афанасьев Иван – 1899 г.
7. Алексеев Иван – 1903 г.
8. Андреев Евдоким Андреевич – 1905 г.
9. Абрамов Григорий – 1912 г.
10. Афанасьев Иван Афанасьевич – 1912 г.
11. Андреев Никита Андреевич – 1915 г.
12. Богданов Архип – 1877 г.
13. Бюргановский Илья (свящ[енник]) – 1877 г.
14. Быстров Арсений – 1881 г.
15. Брагин Василий Петр[ович] – 1887 г.
16. Бемеев Василий Федоров[ич] – 1895 г.
17. Брагин Петр – 1897 г.
18. Баймяшкин Федор – 1901 г.
19. Беляев Николай – 1901 г.
20. Белорусов Михаил Апанаевич – 1905 г.
21. Васильев Петр (свящ[енник]) – 1877 г.
22. Вассл Гавриил – 1877 г.
23. Васильев Андрей (свящ[енник]) – 1880 г.
24. Васильев Федор – 1882 г.
25. Васильев Егор (священ[ник]) – 1883 г.
26. Васильев Захар – 1891 г.
27. Васильев Яков Васильев[ич] – 1895 г.
28. Васильев Иван I – 1901 г.
29. Васильев Иван II – 1901 г.
30. Васильев Василий – 1904 г.
31. Васильев Василий Васильевич – 1909 г.
32. Васильев Тимофей Васильев – 1910 г.
33. Васильев Марк Васильев – 1911 г.
34. Васильев Никита Васильев – 1911 г.
35. Григорьев Яков (умер) – 1879 г.
36. Гаврилов Григорий – 1884 г.
37. Гиляров Петр – 1888 г.
38. Григорьев Герасим – 1892 г.
39. Гаврилов Иван – 1899 г.
40. Григорьев Алексей – 1900 г.
41. Герасимов Никифор Герасимович – 1908 г.
42. Григорьев Иван Григорьевич – 1908 г.
43. Данилов Федор – 1878 г.
44. Димитриев Димитрий – 1891 г.
45. Демьянов Николай – 1902 г.
46. Демидов Иван Ильич – 1906 г.
47. Еливанов Павел (свящ[енник]) – 1877 г.
48. Евграфов Никита Евграфович – 1888 г.
49. Ефремов Петр – 1898 г.
50. Епифанов Григорий – 1899 г.
51. Ефремов Григорий – 1900 г.
52. Ефремов Никифор – 1900 г.
53. Ефремов Павел Алексеевич – 1905 г.
54. Ефимов Илья Ефимович – 1908 г.
55. Иванов Иван – 1877 г.
56. Игнатьев Павел – 1885 г.
57. Иванов Яким (свящ[енник]) – 1886 г.
58. Ильгачев Григорий – 1888 г.
59. Иванов Антон – 1890 г.
60. Иванов Александр Иванов – 1896 г.
61. Иванов Степан – 1898 г.
62. Ильин Николай – 1898 г.
63. Илларионов Степан – 1900 г.
64. Иванов Иван – 1901 г.
65. Иванов Василий – 1903 г.
66. Иванов Степан – 1903 г.
67. Ишмуков Максим Николаевич – 1905 г.
68. Иванов Федор Иванович – 1909 г.

69. Иванов Георгий Иванович – 1914 г.
70. Кузьмин Павел – 1877 г.
71. Кондратьев Никанор (свящ[енник]) – 1886 г.
72. Кузьмин Алексей – 1892 г.
73. Краснов Василий – 1894 г.
74. Кириллов Тарас – 1899 г.
75. Кузьмин Василий – 1901 г.
76. Колсанов Федор Сергеевич – 1909 г.
77. Ложкин Осип – 1883 г.
78. Лаврентьев Николай Лавр[ентьевич] – 1887 г.
79. Лазарев Николай Лаз[аревич] – 1895 г.
80. Михайлов Прокопий – 1877 г.
81. Михайлов Матвей – 1882 г.
82. Медведев Ефим – 1886 г.
83. Мясников Захар – 1891 г.
84. Михайлов Сильвестр – 1901 г.
85. Михайлов Василий – 1902 г.
86. Макаров Иван – 1903 г.
87. Михайлов Павел Михайлович – 1907 г.
88. Марков Лукьян Захаров[ич] – 1910 г.
89. Можаров Семен Исаевич – 1917 г.
90. Меценатов Николай Сергеевич – 1918 г.
91. Никитин Матвей (свящ[енник]) – 1876 г.
92. Николаев Матвей – 1888 г.
93. Николаев Степан – 1892 г.
94. Никольский Зосим – 1892 г.
95. Назаров Алексей Наз[аров] – 1894 г.
96. Николаев Иван Никол[аевич] – 1895 г.
97. Николаев Даниил – 1898 г.
98. Николаев Тимофей – 1898 г.
99. Никифоров Тарас – 1899 г.
100. Николаев Александр – 1899 г.
101. Николаев Алексей – 1900 г.
102. Никифоров Яким – 1901 г.
103. Николаев Михаил Николаевич – 1906 г.
104. Нифонтов Никифор Нифонтович – 1908 г.
105. Никитин Николай Никитич – 1908 г.
106. Никифоров Кондратий Никифорович – 1909 г.
107. Осипов Петр – 1904 г.
108. Павлов Даниил свящ[енник]– 1876 г.
109. Петров Андрей – 1877 г.
110. Петров Николай – 1879 г.
111. Павлов Максим – 1888 г.
112. Павлов Степан Павлов – 1896 г.
113. Павлов Сергей – 1897 г.
114. Прокопьев Василий – 1900 г.
115. Павлов Емельян Павлович – 1905 г.
116. Порфирьев Степан Порфирьевич – 1912 г.
117. Петров Семен Петрович – 1915 г.
118. Перов Николай Павлович – 12 апр. 1916 г.
119. Петров Никандр Петрович – 1917 г.
120. Романов Осип – 1893 г.
121. Рекеев Филимон – 1898 г.
122. Разумов Алексей – 1904 г.
123. Рапанов Василий Рапанович – 1907 г.
124. Разумов Василий Иванович – 1911 г.
125. Соколов Андрей Маркович свящ[енник]– 1876 г.
126. Скворцов Петр – 1878 г.
127. Скворцов Василий – 1878 г.
128. Сидоров Николай – 1878 г.
129. Степанов Николай – 1880 г.
130. Степанов Алексей (умер) – 1881 г.
131. Степанов Михаил – 1881 г.
132. Семенов Сергей – 1882 г.
133. Салтыков Дмитрий – 1884 г.
134. Спиридонов Гавриил свящ[енник] – 1886 г.
135. Семенов Адриан – 1891 г.
136. Степанов Евдоким – 1892 г.
137. Сергеев Иван Сергеевич – 1895 г.
138. Столяров Павел – 1898 г.
139. Смирнов Архип – 1903 г.
140. Степанов Андрей – 1904 г.

141. Смирнов Иоиль Максимович – 1906 г.
142. Стеклов Василий Кузьмич – 1907 г.
143. Сергеев Василий Сергеевич – 1907 г.
144. Степанов Трофим Степанович – 1908 г.
145. Степанов Максим Степанович (умер 29 ноября 1911 г.) – 1909 г.
146. Сергеев Даниил Григорьевич – 1909 г.
147. Семенов Алексей Семенович – 1911 г.
148. Семенов Александр Семенович – 1915 г.
149. Скорняков Ефим Васильевич – 22 апр. 1916 г. –
150. Семенов Иван Семенович – 1917 г.
151. Самарин Иван Прокопьевич – 1918 г.
152. Тимрясов Сергей – 1877 г.
153. Трофимов Лука – 1891 г.
154. Тихонов Павел – 1901 г.
155. Титов Гермоген – 1909 г.
156. Тимофеев Федор Тимофеевич – 1907 г.
157. Турхан Андрей Васильевич – 1907 г.
158. Токмаков Иван Кириллович – 1909 г.
159. Трофимов Антон Трофимович – 1909 г.
160. Умов Алексей свящ[енник] – 1884 г.
161. Уресметов Демьян Алексеевич – 1911 г.
162. Филимонов Даниил свящ[енник] – 1875 г.
163. Филиппов Павел Филиппович – 12 янв. 1917 г.
164. Христофоров Семен – 1884 г.
165. Чураев Василий – 1904 г.
166. Черновский Герасим Васильевич – 1906 г.
167. Шленский Степан – 1877 г.
168. Шумилов Петр – 1884 г.

169. Эсливанов Петр – 1900 г.
170. Яковлев Гурий (свящ[енник]) – 1884 г.
171. Ямщиков Михаил – 1892 г.
172. Яковлев Спиридон – 1903 г.

Эстонец

1. Лакс Василий – 1902 г.

Якуты

1. Бояркин Авксентий – 1902 г.
2. Ушницкий Платон Афанасьевич – 1906 г.
3. Чириков Инокентий – 1902 г.

Беженец

1. Малинский Лука – 12 янв. 1917 г.

Национальность не указана

1. Александров Виктор Николаевич – 1913 г.
2. Александров Афанасий Александрович – 1913 г.
3. Богданов Петр – 1906 г.
4. Бухарин Павел Владимирович – 1914 г.
5. Бушенев Яков Арсентьевич – 1914 г.
6. Васильев Георгий Васильевич – 1913 г.
7. Васильев Григорий Васильевич – 1913 г.
8. Василий Александр Степанович – 1914 г.
9. Горбушин Дмитрий Алексеевич – 1913 г.
10. Герасимов Семен Герасимович – 1913 г.
11. Гаиев Алексей Михайлович – 1914 г.
12. Григорьев Егор Григорьевич – 1914 г.
13. Голубцов Иван Сергеевич – 1914 г.
14. Загуменнов Степан Михайлович – 1917 г.
15. Запускалов Филипп Петрович – 1917 г.

16. Игошин Григорий Семенович – 1913 г.
17. Иванов Иван Алексеевич – 1913 г.
18. Иванов Никита Иванович – 1913 г.
19. Кожевников Яков Варфоломеевич – 1913 г.
20. Кузин Дмитрий Петрович – 1913 г.
21. Кирсульев Никита Родионович – 1913 г.
22. Курносков Георгий Алексеевич – 1913 г.
23. Леушин Иван Петрович – 1913 г.
24. Летанин Яков Иванович – 1913 г.
25. Ломшин Федор Алексеевич – 1914 г.
26. Лукин Алексей Александрович – 1914 г.
27. Матвеев Анатолий – 1906 г.
28. Мальшев Роман Семенович – 1913 г.
29. Михайлов Григорий Михайлович – 1913 г.
30. Матвеев Иван Матвеевич – 1913 г.
31. Малов Яков Васильевич – 1913 г.
32. Медведев Александр Степанович – 1914 г.
33. Николаев Александр Николаевич – 1913 г.
34. Орлов Василий Васильевич – 1913 г.
35. Охотин Яков Якимович – 1913 г.
36. Пикторинский Василий Павлович – 1913 г.
37. Погудин Иван Васильевич – 1913 г.
38. Поляков Николай Федорович – 1913 г.
39. Павхушкин Николай Константинович – 1914 г.
40. Петров Георгий Михайлович – 1914 г.
41. Платонов Леонид Федорович – 1914 г.
42. Плотников Павел Алексеевич – 1914 г.
43. Прокаев Маргимиан Егорович – 1914 г.
44. Русских Александр Диомидович – 1912 г.
45. Рочев Семен Михайлович – 1913 г.
46. Романов Андрей Самаилович – 1914 г.
47. Степанов Михаил – 1889 г.
48. Степанов Никодим Степанович – 1913 г.
49. Сидушкин Семен Афанасьевич – 1913 г.
50. Соловьев Никифор Сергеевич – 1913 г.
51. Савельев Петр Михайлович – 1914 г.
52. Терентьев Василий Прокофьевич – 1913 г.
53. Чиняев Николай Львович – 1913 г.
54. Чугунов Авраам Андреевич – 1914 г.
55. Янкин Константин Тимофеевич – 1913 г.
56. Яковлев Николай Яковлевич – 1913 г.
57. Яковлев Иван Кондратьевич – 1914 г.
58. Ярославцев Иннокентий Гаврилов – 1914 г.

ГА РТ. Ф.93. Оп.1. Д.1823. Л.1–38 (подлинник).

Информация об авторах:

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: ishakovist@gmail.com

Багаутдинова Халида Зиннатовна – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: halida12_61@mail.ru

Поступила 01.11.2022

Принята к публикации 06.12.2022

The list of completed the course pupils
of the Kazan Teachers' Seminary (1875–1918)

R.R. Iskhakov, Kh.Z. Bagautdinova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication presents a list of pupils of the Kazan Teachers' Seminary from 1875 to 1918, indicating the time of completion of training. These materials expand knowledge about the personal composition of graduates of one of the largest pedagogical institutions of Kazan, who prepared personnel for national schools of the peoples of Eastern in the second half of the 19th – early 20th century, and also help to evaluate the role of the seminary in the formation of the "foreign" intelligentsia and educational movement of the peoples of the Volga-Urals and Siberia.

Keywords: pedagogical education, Kazan Teachers' Seminary, Kazan, national education

For citation: Iskhakov R.R., Bagautdinova Kh.Z. The list of completed the course pupils of the Kazan Teachers' Seminary (1875–1918). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.192–216. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.192-216> (In Russian)

REFERENCES

1. Aleksandrov G.A. Chuvashskaya intelligentsiya: istoki [Chuvash intelligentsia: origins]. Cheboksary, 1997. 197 p. (In Russian)
2. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT) [State Archive of the Republic of Tatarstan]. F.93. Op.1. D.1823. (In Russian)
3. Sergeev O.A., Fedoseeva N.A. Vypuskniki-mariytsy Kazanskoy uchitel'skoy seminarii [Mari graduates of the Kazan Teachers' Seminary]. *Finno-ugrovedenie*, 2012, no.1, pp.59–75. (In Russian)

About the authors:

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); e-mail: ishakovist@gmail.com

Bagautdinova Khalida Zinnatovna – Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); e-mail: halida12_61@mail.ru

Received November 1, 2022

Accepted for publication December 6, 2022

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94 (47) "17/18"

Рецензия на книгу: Экономическое положение сельского населения Заказанья (XIX – начало XX века): сборник документов и материалов (Казань, 2022)

Н.А. Кореева

*Федеральный исследовательский центр
«Казанский научный центр РАН»*

*Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В отзыве представлена характеристика содержания сборника документов, предназначенного для изучения экономического положения сельского населения Заказанья в XIX – начале XX в. В рецензии с историографических позиций рассматриваются такие проблемы, как научная актуальность, практическая значимость (востребованность) документального корпуса сборника. Отмечаются некоторые недостатки археографического оформления опубликованных документов – в составлении заголовков и контрольно-справочных сведений о документах.

Ключевые слова: Заказанье, Казанский уезд, Царевokokшайский уезд, Казанская губерния, экономическое развитие, торговля, помещики, кустари, крестьяне, сельское хозяйство

Для цитирования: Кореева Н.А. Рецензия на книгу: Экономическое положение сельского населения Заказанья (XIX – начало XX века): сборник документов и материалов (Казань, 2022) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.217–225. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.217-225>

В процессе изучения истории сельского населения России накоплен огромный научный потенциал, установлены и объяснены многие факты, относящиеся к разным этапам становления аграрной сферы, развитию крестьянских промыслов, но до полномасштабной картины еще далеко. Поэтому имеет большое значение появление многоаспектных трудов, нацеленных на глубокое погружение в историческую конкретику и выполненных с привлечением региональных исторических источников. К таким исследованиям относится сборник документов [12], составленный научным сотрудником Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан Халидой Зиннатовой Багаутдиновой, которая являет-

ся автором и соавтором многочисленных публикаций по истории населенных пунктов Казанского края [1; 2; 3; 11].

Предлагаемая к рецензированию книга содержит документы и материалы по экономическому положению сельского населения Заказанья в XIX – начале XX в. Территория Заказанья определена автором в границах Казанского и Царевококшайского уездов Казанской губернии, а ныне – в пределах Арского, Атнинского, Балтасинского, Высокогорского, частично Зеленодольского и Пестречинского районов Татарстана.

Выбор географического пространства для изучения осуществлен Х.З. Багаутдиновой не случайно. По мнению ряда ученых, Заказанье оказало определяющее влияние на развитие татарской общенациональной культуры, именно здесь сформировались основы единого татарского этноса и сохранились следы средневековой городской культуры [4, с.20]. Массовое освоение этой территории произошло, по оценкам историков, в XIV в. [10, с.9]. Часть населенных пунктов Заказанья начала формироваться после взятия Казани, в конце XVI в., и в дальнейшем пополнялась татарскими крестьянами, спасавшимися «от православных миссионеров, непомерных налогов и неурожаев» [10, с.20]. В XVIII–XIX вв. Заказанье стало важнейшим центром концентрации торгового капитала – на базе существовавших промыслов здесь сложились скорняжные, ткацкие, валяльно-войлочные, ичижные, золотошвейные и прочие мануфактуры. К проблеме изучения духовной и материальной культуры населения, проживавшего на этой территории, обращались, в частности, в XX в. Н.И. Воробьев, Н.Ф. Калинин, Ф.Х. Валеев и другие исследователи. Тема вызывает живой интерес и у современных ученых – Р.Р. Салихова, А.И. Ногманова, А.М. Гайнутдинова, Е.В. Мироновой, Л.Р. Габдрафиковой, Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, Р.Р. Исакова, З.Н. Мирсияповой и др. [5; 6; 7; 8; 9]. Несмотря на это, заявленная автором проблематика едва ли может считаться в достаточной степени изученной в отечественной историографии. Предлагаемый к рецензированию сборник документов и материалов органично вписывается в серию трудов по истории материальной культуры Заказанья, являясь своеобразным продолжением этих исследований, восполняет некоторые лакуны, на конкретном историческом материале позволяет показать развитие населенных пунктов, прилегающих к губернскому городу Казани.

В основу подборки материалов для сборника документов и материалов выбран период, который интересен прежде всего тем, что крестьяне получили право покупать и продавать землю, владеть и распоряжаться ею по собственному усмотрению, что было ростками новых явлений XIX века, которые в XVIII век безраздельного господства дворянско-феодальных отношений были бы беспощадно задавлены. В XIX веке же они имели свою будущность. В связи с этим вполне оправданно обращение автора-составителя сборника к данному, еще малоизученному, периоду.

Книга начинается с предисловия, в котором содержатся необходимые предварительные пояснения к публикуемым документам, что помо-

гает исследователям в понимании содержательного контента материалов сборника.

Исторические источники сгруппированы по четырем разделам: «Землепользование и хозяйственная культура», «Промышленность», «Промыслы и ремесла», «Торговля». В процессе подготовки сборника Х.З. Багаутдиновой комплексно проанализированы неопубликованные документы из фондов Государственных архивов Республики Татарстан, Республики Марий Эл, Кировской области, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов и некоторых других. Источниками выявления опубликованных документов стала периодическая печать – официальные издания правительственных органов Российской империи – «Журнал мануфактур и торговли», «Казанские губернские ведомости», а также «Волжский вестник», «Волжско-Камская речь», «Казанские известия». В сборник вошли в основном делопроизводственные и этнографические материалы.

Несомненным достоинством книги является публикация в ней документов о поместных владениях дворян, о землевладельцах Казанского уезда, материалов о распределении земельных наделов, хозяйственные описания земель. Особый интерес представляют материалы, позволяющие охарактеризовать имения Л.Н. Энгельгарда, Н.Е. Боратынского, дворянок О.А. Берстель, В.П. Львовой, А.И. Кукурановой и других, в которых проиллюстрированы стоимость построек, особенности ведения хозяйства помещиками, наличие или отсутствие в них технических новшеств.

Заказанье являлось территорией, где проживали разные социальные группы, по своему статусу приближенные к государственным крестьянам, которые обладали большей свободой по сравнению с крепостными, и, вполне понятно, почему именно среди них наиболее интенсивно начинают развиваться отхожие промыслы, домашние ремесла, фабрики, из них формировалось купечество. Одновременно здесь располагались помещичьи имения, в которые постепенно проникали капиталистические отношения. Отрадно, что составитель сборника Х.З. Багаутдинова уделяет внимание социально-экономическому развитию и государственной, и частновладельческой деревень. Это позволяет взглянуть на их историю с разных сторон, провести сопоставительный анализ. Наиболее полно в сборнике представлены документы, относящиеся к пореформенному периоду.

Х.З. Багаутдинова приблизила читателя к пониманию особенностей налогообложения в Казанском уезде (на примере д. Мульма Мульминской волости), опубликовав документ о размерах ежегодных платежей крестьян (подушной, оброчной подати, государственного поземельного, лесного налогов, общественного, мирского и земского сборов, сбора в продовольственный сельский капитал) и видах натуральных повинностей (стр. 44–48). Известно, что излишнее обременение крестьянского хозяйства налогами являлось одной из главных причин, затруднявших ведение сельского хозяйства. Полагаем, что тема эта нуждается в дальнейшем исследовании

и выявлении новых источников по налогообложению помещичьей, государственной и удельной деревни.

Но не только крестьяне и помещики как основное сельское население стали объектом изучения автора. В книге приводятся тексты документов о выдаче купцам и мещанам, проживавшим, как правило, в городах, разрешений на постройку фабрик, заводов и мельниц в сельской местности (например, об открытии в Казанском уезде суконной, красильно-бязевой и кумачных фабрик, так называемых спичечных заводов, салотопенных заведений, паровых и ветряных мукомольных мельниц). Предпринята удачная, на наш взгляд, попытка хотя бы частично восполнить недостаток источников, касающихся данной темы.

Методологической основой отбора документов для публикации выбран принцип историзма, одним из проявлений которого стал показ изучаемых вопросов в развитии – особенно это хорошо получилось у Халиды Зиннатовны при раскрытии темы «Участие в выставках»: ею обнаружены источники об участии фабрикантов, ремесленников, кустарей, земледельцев Казанского уезда в казанских и всероссийских выставках 1837, 1886, 1890, 1896, 1902, 1913 гг. Извлеченные автором архивные документы позволяют проследить развитие питейного дела, промышленного производства, торговли на территории Казанского и Царевококшайского уездов во второй половине XIX – начале XX в. Все документы датированы по юлианскому календарю.

Материалы сборника подтверждают мнение Х.З. Багаутдиновой об успешном развитии капиталистических отношений в населенных пунктах Заказанья, позволяют восстановить некоторые факты из истории предприятий, даже реконструировать повседневный труд работников – все это должно побудить исследователей взглянуть по-иному на историю региона, учитывая новые данные. В целом отбор документов для издания соответствует задаче, поставленной автором-составителем сборника. Все документы были переданы при помощи научно-критических методов, с сохранением стилистических и языковых особенностей текста.

Сборник документов и материалов содержит богатый научно-справочный аппарат: словарь устаревших и малоупотребительных слов и выражений, географический указатель, список использованных источников и литературы, перечень документов, опубликованных в книге, список сокращений. Безусловно, это облегчает работу с книгой, позволяет достаточно быстро найти документ нужной тематической направленности. Географический указатель содержит несколько возможных наименований одного и того же населенного пункта, что позволяет с высокой степенью достоверности идентифицировать его. Приятно, что сборник снабжен комментариями, адаптирующими понятия, широко использовавшиеся в конце XVIII – начале XX в., но не вполне понятные широкому кругу читателей XXI в. В подстрочных комментариях отражен результат научной критики источников – в некоторых случаях приводятся сведения о совре-

менном названии и административной принадлежности населенного пункта, упоминаемого в тексте (автор сочла необходимым дать перевод некоторых сел и деревень на татарский язык), даны выборочные комментарии в отношении фамилий (например, на стр. 171 сборника документов приводится краткая биографическая справка о дворянине А.Д. Желтухине, на стр. 181 дается информация о казанских купцах и предпринимателях Апаняевых). В качестве источников подобной информации автор использует историческую литературу и интернет-ресурсы.

В тексте сборника, к сожалению, встречаются археографические и орфографические погрешности. Чаще всего это связано с попыткой автора дать правильное написание татарских имен и фамилий, которые в русской транскрипции претерпевали значительные искажения, что мы наблюдаем и на страницах дореволюционной периодической печати, и в оригиналах исторических источников; в частности, на стр. 114 упоминаются купцы Курмангалей и Байрамгалий Бурлаевы. Составитель сборника приводит другой вариант их фамилии, наиболее вероятный (Бурнаевы), непосредственно в тексте источника, без авторского комментария, что может породить множество вопросов у читателей – «Бурл[н]аев» – Бурлаев, Бурнаев или Бурлнаев? На стр. 115 использование квадратных скобок внутри текста источника лишь усугубляет проблему написания личных имен – купец Ибетуи[л]ла (или Ибетулла?) Апи[а]ков (Апиков, Апаков или Апиаков?). Подобный вариант написания обнаруживает себя и на стр. 169 («купца Сулги[ей]мана Хозесен[и]това») – Сулеймана Хозесенитова или Сулгиеймана Хозесенитова? На наш взгляд, подобные разночтения было бы уместно привести в текстуальных примечаниях. В других случаях автор использует квадратные скобки для пропущенных в документе и восстановленных по смыслу слов. Таким образом, мы наблюдаем отсутствие единообразия приемов устранения неисправностей текста в издании.

В некоторых случаях (особенно когда приводятся извлечения из ведомостей или статистические сведения, как, например, на стр. 336, 460, 497, 525 и др.) отсутствует атрибуция выявленных материалов; хотелось бы узнать обстоятельства происхождения текста – условия его создания, авторство, адресата (кем и для кого эта информация собиралась), степень полноты, представительности содержащейся в источнике информации, сведения о его подлинности (является документ подлинником или копией). В заголовках к ряду документов мы также не находим сведений об авторе и адресате (например, на стр. 186–219, 295–299 и др.). Если текст воспроизводится по журналу входящих и исходящих бумаг, то, согласно «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1990), необходимы краткие сведения об исполнении документа и его движении, делопроизводственный номер, пометы, резолюции.

В некоторых местах сборника приводятся примечания к документам, которые сложно понять неподготовленному читателю (например, на стр. 179), и они нуждаются, на наш взгляд, в археографических пояснениях.

Отметим, что эти замечания не умаляют достоинств книги, которая является важным шагом на пути объективного изучения экономического положения сельского населения Казанского уезда. В целом сборник материалов и документов производит положительное впечатление, на его основе возможна реконструкция региональной истории. Х.З. Багаутдиновой проделана многослойная и комплексная работа, которая, на наш взгляд, будет востребована как специалистами, так и всеми теми, кто интересуется историей экономического развития Казанской губернии, историей населенных пунктов Татарстана.

Подготовкой и изданием сборника было реализовано две цели – введение в научный оборот нового комплекса исторических источников, недоступных или неизвестных широкому кругу исследователей, и расширение пропаганды исторических знаний. Это, безусловно, важное событие в научной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Багаутдинова Х.З. Из истории деревни Урнашбаш // Историческая этнология. 2019. Т.4. №1. С.171–178.
2. Багаутдинова Х.З. Основные вехи истории д. Ташкичу (XVIII – начало XX в.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. №3–4. С.267–275.
3. Багаутдинова Х.З. Развитие промыслов по выделке мочал в Заказанье во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. №2 (58). С.87–92.
4. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Заказанье – центр развития национальных художественных традиций татар: к проблеме «высокой культуры» // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2021. №4. С.20–24.
5. Габдрафикова Л.Р. «Новые люди» Заказанья: возвратная миграция и сельская повседневность XIX – начала XX вв. // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV Региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: ФГБОУ ВО «Марийский гос. ун-т». 2018. С.188–194.
6. История селений Ашитского джиена Заказанья: коллективная монография / под ред. А.И. Ногманова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 240 с.
7. Исхаков Р.Р., Багаутдинова Х.З. Из истории материальной и духовной культуры татар Заказанья (этнографический очерк И.Лукина) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2013. №3–4. С.301–307.
8. Миронова Е.В. Экономика помещичьей деревни Заказанья во второй половине XIX века // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV Региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: ФГБОУ ВО «Марийский гос. ун-т». 2018. С.218–225.
9. Мирсиятова З.Н. Коллекция фотографий Н.И.Воробьева из собрания НМ РТ как источник по этнографии татар Заказанья (к 125-летию со дня рождения

ученого) // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты. 2019. №14. С.40–46.

10. *Салихов Р.Р.* Ранняя история селений Ашитского джиена. Заселение края // История селений Ашитского джиена Заказанья: коллективная монография / под ред. А.И. Ногманова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. С.8–25.

11. *Хамитбаева Н.С., Багаутдинова Х.З.* Численность и занятость сельского населения Казанского уезда в конце XIX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. №6. С.173–184.

12. Экономическое положение сельского населения Заказанья (XIX – начало XX века): сборник документов и материалов / сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата Х.З. Багаутдинова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2022. 596 с.

Информация об авторе:

Корева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии ФИЦ «Казанский научный центр РАН»; старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Поступила 13.01.2023

Принята к публикации 10.02.2023

Book review: The economic situation of the rural population of the Zakazany'e (19th – early 20th century): collection of documents and materials (Kazan, 2022)

*N.A. Koreeva
Federal Research Center “Kazan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences”
Institute of the Tatar encyclopedia and regional studies
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The review describes the content of the collection of documents intended to study the economic situation of the rural population of the Zakazany'e in the 19th – early 20th century. The review examines such problems as scientific relevance, practical significance (relevance) of the collection's documentary corpus from a historiographical perspective. Some shortcomings of the archeographic design of published documents are noted – in the preparation of headings and reference information about documents.

Keywords: Zakazany'e, Kazan county, Tsarevokokshaysky county, Kazan province, economic development, trade, landowners, artisans, peasants, agriculture

For citation: Koreeva N.A. Book review: The economic situation of the rural population of the Zakazany'e (19th – early 20th century): collection of documents and materials (Kazan, 2022). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.217–225. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.217-225> (In Russian)

REFERENCES

1. Bagautdinova Kh.Z. Iz istorii derevni Urnashbash [Excerpts on the history of Urnashbash village]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2019, т.4, №1, pp.171–178. (In Russian)

2. Bagautdinova Kh.Z. Osnovnye vekhi istorii d. Tashkichu (XVIII – nachalo XX v.) [The main stages of the history of Tashkichu village (the 18th – early 20th century)]. *Ekho vekov*, 2017, №3–4, pp.267–275. (In Russian)

3. Bagautdinova Kh.Z. Razvitie promyslov po vydelke mochal v Zakazan'e vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Development of crafts for bast fiber processing in the Transkazania region in the second half of the 19th – the early 20th century]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 2021, №2 (58), pp.87–92. (In Russian)

4. Valeeva-Suleymanova G.F. Zakazan'e – tsentr razvitiya natsional'nykh khudozhestvennykh traditsiy tatar: k probleme «vysokoy kul'tury» [Zakazany'e – center for development of national artistic traditions of the tatars: statement of «high culture» problem]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2021, №4, pp.20–24. (In Russian)

5. Gabdrafikova L.R. «Novye lyudi» Zakazan'ya: vozvratnaya migratsiya i sel'skaya povsednevnost' XIX – nachala XX vv. [«New people» of the Zakazany'e: return migration and rural everyday life of the 19th – early 20th centuries]. *Rossiyskoe krest'yanstvo i sel'skoe khozyaystvo v kontekste regional'noy istorii: materialy VII Vserossiyskoy (XV Regional'noy) s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya*. Yoshkar-Ola: FGBOU VO «Mariyskiy gos. un-t». 2018. Pp.188–194. (In Russian)

6. Istoriya seleniy Ashitskogo dzhiena Zakazan'ya [History of the villages of Zakazan'ya]: kollektivnaya monografiya. Ed. by A.I. Nogmanov. Kazan: Institut istorii im. Sh.Marjani AN RT, 2017. 240 p. (In Russian)

7. Iskhakov R.R., Bagautdinova Kh.Z. Iz istorii material'noy i dukhovnoy kul'tury tatar Zakazan'ya (etnograficheskiy ocherk I.Lukina) [From the history of material and spiritual culture of tatars of Zakazanye (I. Lukin's ethnographic sketch)]. *Ekho vekov*, 2013, №3–4, pp.301–307. (In Russian)

8. Mironova E.V. Ekonomika pomeshchich'ey derevni Zakazan'ya vo vtoroy polovine XIX veka [Economy of the landowner village of Zakazan'ya in the second half of the 19th century]. *Rossiyskoe krest'yanstvo i sel'skoe khozyaystvo v kontekste regional'noy istorii: materialy VII Vserossiyskoy (XV Regional'noy) s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya*. Yoshkar-Ola: FGBOU VO «Mariyskiy gos. un-t». 2018. Pp.218–225. (In Russian)

9. Mirsiyapova Z.N. Kolleksiya fotografii N.I.Vorob'eva iz sobraniya NM RT kak istochnik po etnografii tatar Zakazan'ya (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) [Collection of photos of N.I. Vorobiev from the collection of NM RT as a source on the ethnography of the Transkazania tatars (to the 125-th anniversary of the

scientist)]. *Chuvashskiy Natsional'nyy muzey: lyudi, sobytiya, fakty*, 2019, №14, pp.40–46. (In Russian)

10. Salikhov R.R. Rannyyaya istoriya seleniy Ashitskogo dzhiena. Zaselenie kraya [The early history of the villages of Zakazan'ya. Settlement of the edge]. *Istoriya seleniy Ashitskogo dzhiena Zakazan'ya: kollektivnaya monografiya*. Ed. by A.I. Nogmanov. Kazan: Institut istorii im. Sh.Marjani AN RT, 2017. Pp.8–25. (In Russian)

11. Khamitbaeva N.S., Bagautdinova Kh.Z. Chislennost' i zanyatost' sel'skogo naseleniya Kazanskogo uezda v kontse XIX veka [Number and employment of rural population of the Kazan County at the end 19th century]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2016, №6, pp.173–184. (In Russian)

12. Ekonomicheskoe polozhenie sel'skogo naseleniya Zakazan'ya (XIX – nachalo XX veka): sbornik dokumentov i materialov [The economic situation of the rural population of the Zakazany'e (19th – early 20th century): collection of documents and materials]. Compiler, author of the preface, notes, scientific reference apparatus Kh.Z. Bagautdinova. Kazan: Institut istorii im. Sh.Marjani AN RT, 2022. 596 p. (In Russian)

About the author:

Koreeva Natalya Anatolyevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center «Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»; Senior Researcher, Institute of the Tatar encyclopedia and regional studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Received January 13, 2023

Accepted for publication February 10, 2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929

«Дорогу осилит идущий».

К 60-летию юбилею Ильдуса Котдусовича Загидуллина

Р.Р. Исхаков

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В публикации представлены материалы, характеризующие научную деятельность известного ученого, специалиста по истории татар Нового времени, доктора исторических наук Ильдуса Котдусовича Загидуллина. Предпринята попытка оценки его вклада в изучение исторического наследия татарского народа, политики Российского государства в отношении мусульман. Автор приводит сведения о наиболее значимых страницах биографии и основных научных достижениях ученого.

Ключевые слова: И.К. Загидуллин, историография, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, отдел средневековой истории, отдел новой истории, история татарского народа

Для цитирования: Исхаков Р.Р. «Дорогу осилит идущий». К 60-летию юбилею Ильдуса Котдусовича Загидуллина // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.226–239. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.226-239>

В судьбе каждого человека есть встречи, которые существенно влияют на его мировосприятие, дают импульс в развитии, меняют жизненные приоритеты. Для меня одним из таких поворотных моментов жизни стала встреча с Ильдусом Котдусовичем Загидуллиным, отметившим в этом году свой 60-летний юбилей. Поступив в аспирантуру после окончания университета, мне посчастливилось познакомиться с ним и стать его учеником. Научная школа И.К. Загидуллина позволила мне сформироваться как профессиональному историку, выработать критический подход и свое видение исторического дискурса прошлого многонациональной России. Во многом благодаря помощи и поддержке Ильдуса Котдусовича мною были подготовлены диссертации и монографии, выявлен круг научных проблем, разработкой которых я занимаюсь и поныне. Среди качеств юбиляра как представителя научной корпорации и человека я хотел бы выделить: удивительную работоспособность, стремление к новым научным открытиям, перфекционизм, сочувственное, душевное отношение к коллегам и ученикам, исключительную корректность.

Биография И.К. Загидуллина и весь его жизненный путь тесно связаны с развитием татарской гуманитарной науки и изучением историко-культурного наследия татарского народа. Ильдус Котдусович родился 1 января 1963 г. в деревне Янгулово Балтасинского района ТАССР. После окончания Янгильской средней общеобразовательной школы поступил и успешно окончил исторический факультет Казанского государственного университета. В 1985–1988 гг. работал учителем истории и обществоведения Тюнтерской средней школы Балтасинского района ТАССР. В 1988 г. поступил в аспирантуру Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР им. Г. Ибрагимова, а с апреля 1990 г. стал научным сотрудником отдела истории данного академического учреждения. В это время он активно включается в научно-исследовательскую работу, готовит диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Татарские крестьяне Казанской губернии (60–90-е гг. XIX в.)» (научный руководитель – доктор исторических наук З.И. Гильманов), которую успешно защитил в 1992 г.

В 1993 г. был назначен директором вновь образованного Татарского государственного колледжа Министерства образования РТ, который должен был готовить педагогические кадры гуманитарного профиля для татарских школ. Таким образом, И.К. Загидуллин стал одним из организаторов национального педагогического образования в постсоветском Татарстане. Несмотря на свою сильную загруженность административными обязанностями, он находит время и для образовательной деятельности, стараясь привить студентам любовь к прошлому своего народа. Весьма интересные и емкие воспоминания об этом периоде жизни ученого приводит его ученица Л.Ф. Байбулатова: «Осень 1994 года. В одной из аудиторий Татарского государственного гуманитарного колледжа (позже Татарский государственный гуманитарный институт – ТГГИ) сидят студенты-первокурсники. И вот входит преподаватель – высокий импозантный мужчина, Ильдус Котдусович Загидуллин, который читал лекции по истории татарского народа и Татарстана. С первых же минут лекции стало понятно, что студентам легко не будет, преподаватель оказался дотошный, въедливый, не дающий «спуска» по своему предмету. Его лекции всегда были подробными, усыпанные многочисленными фактами, «приправленные» собственными суждениями и выводами. То ли строгость преподавателя, то ли его ректорство оказывали на студентов гипнотизирующее влияние, благодаря чему в аудитории всегда была тишина, чем и пользо-

вался Ильдус Котдусович, с увлечением рассказывая об очередном периоде в истории татар. Иногда он, правда, недоумевал, почему мы не реагируем на смешные моменты или плохо отвечаем на его ремарки, а мы, студенты, просто не решались чуть громче рассмеяться или боялись попасть в неловкую ситуацию своими тогда «недалекими» ответами. Но как оказалось, суровость преподавателя ограничивалась, в основном, его внешним видом. Ильдус Котдусович – преподаватель требовательный, но в первую очередь он был требователен к себе. Все, что касалось истории, научных исследований должно было быть сделано максимально точно, доказательно, объективно, с приведением фактов. Но при этом, особенно на экзаменах и семинарах, Ильдус Котдусович старался помогать студенту, хотя мы часто этого не понимали и считали его наводящие вопросы еще более запутывающими. Ну, что еще нужно трясущемуся от страха перед экзаменом и преподавателем студенту – только лишние вопросы, в то время как он судорожно пытается рассказать то, что вспомнил и записал корявым почерком на листе бумаги. Но в итоге, студенты, любящие историю, поняли историческую «сущность» Ильдуса Котдусовича, начали спокойно реагировать на его «грозную» внешность и стали действительно учиться «азам» исторического исследования» [1, с.178–179].

После преобразования колледжа в 1997 г. в Татарский государственный гуманитарный институт Ильдус Котдусович стал его первым ректором. Под его руководством к этому времени в вузе были сформированы факультеты и кафедры, получены лицензии Министерства образования РФ и налажено обучение по специальностям: «Татарский язык», «Английский язык», «История», «Педагогика», «Методика начального образования» [2].

В 1998 г. И.К. Загидуллин переходит на работу в Институт истории Академии наук Республики Татарстан, где возглавляет отдел средневековой истории. С этого времени он полностью сосредотачивает свое внимание на разработке слабоизученных аспектов истории татарского народа XVI – начала XX в. Особое внимание ученого привлекала тема социокультурного развития мусульман и исламские институты в Российской империи. Этой проблеме посвящена его докторская диссертация, успешно защищенная в 2006 г. в диссертационном совете Института истории им. Ш.Марджани АН РТ [17].

Будучи заведующим отдела средневековой истории, И.К. Загидуллин выступил организатором Всероссийских научных конференций/форумов по истории постзолотоордынских тюрко-татарских государств (2008–2014 гг.) и историческим судьбам народов Поволжья и Приуралья (с 2009 г.).

В качестве ответственного секретаря, заместителя ответственного редактора и научного редактора он руководил подготовкой в печать I, II, VI томов семитомной «Истории татар с древнейших времен» (2002, 2006, 2013). Он являлся создателем, главным редактором и членом редколлегии изданий, ставших научными журналами «Средневековые тюрко-татарские государства» (2009–2020 гг.) и «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья» (с 2011 г.); является членом редколлегий журналов «Научный

Татарстан» (с 2008 г.), «Исторический поиск» (с 2020 г.), редактором отдела по истории журнала «Фэнни Татарстан» (с 2014 г.).

Ильдус Котдусович был идейным вдохновителем и научным редактором серий «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» и «Исламские институты в Российской империи». В общей сложности под его редакцией было издано более 50 научных трудов: монографий, сборников материалов и документов, учебно-методических пособий, сборников материалов конференций.

Параллельно с работой в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ И.К. Загидуллин занимал должности ректора Российского исламского университета (2006 г.), заведующего отделом по истории и главного редактора научно-популярного журнала «Чын Мирас» / Безнең мирас (Настоящее наследие / Наше наследие) (2012–2013 гг.). В 2015 г. И.К. Загидуллин возглавляет отдел новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, с сентября 2021 г. по 2022 г. работает главным редактором научно-документального журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков», в настоящее время является старшим научным сотрудником Центра исламоведческих исследований АН РТ.

Важными аспектами научно-организационной работы И.К. Загидуллина являются участие в научно-консультативных и диссертационных советах, а также подготовка научных кадров – он руководитель Научно-консультативного совета при Главном архивном управлении при Кабинете Министров РТ (2013–2015 гг.) и член Научно-консультативного совета при Государственном комитете Республики Татарстан по архивному делу (2015–2016 гг.), отраслевой научной редакционной коллегии Татарской энциклопедии, диссертационных советов по истории Института истории им. Ш. Марджани (2006–2014 гг.), Казанского федерального университета (2008–2009, 2017–2019, с 2022 гг.), Академии наук Республики Татарстан (с 2022 г.).

Особого внимания заслуживает деятельность ученого по подготовке научных кадров. Руководимые им отделы института стали кузницей подготовки молодых специалистов для татарстанской исторической науки – подготовлены 18 кандидатов наук, в том числе среди его учеников – 10 кандидатов и 1 доктор наук. Благодаря многолетней системной работе И.К. Загидуллиным была создана научная школа, представители которой являются признанными специалистами в области истории национальной политики Российского государства по отношению к тюркским и финно-угорским народам Волго-Уральского региона, этнотерриториальным, конфессиональным и сословным группам татар, а также культурно-просветительского движения татарского народа дореволюционного периода. Все воспитанники Ильдуса Котдусовича сохраняют о нем самые теплые воспоминания. «За время учебы в аспирантуре, пишет одна из его учениц, к.и.н., Н.А. Кореева, он стал для меня мудрым Наставником и Учителем, и таковым является и сейчас. Научил ценить время, правильно расставлять приоритеты. Он умеет активизировать процесс мышления в той ситуации, когда исследование, кажется, зашло в «тупик», и не знаешь, как продол-

жить его. Ильдус Котдусович – творческая личность, вдохновенно работающая на благо науки. Уже ранним утром он за компьютером, его письма в электронном почтовом ящике лежат с 5 утра, он постоянно находится в попечительских заботах о своих аспирантах, часто снабжает литературой, которую приносит в своем чемоданчике. Мне посчастливилось быть среди его аспирантов – заседания отдела всегда проходили оживленно и интересно. Здесь отчеты о своей деятельности зачитывали все сотрудники, независимо от статуса и званий. Отчитывался и сам Ильдус Котдусович. Это было удивительно, в связи с практикой многих руководителей отчитываться за дела отдела, но не за себя лично. И нас, аспирантов, слушали, давали рекомендации... После заседаний отдела организовывались чаепития, общение аспирантов и состоявшихся маститых ученых. Ильдус Котдусович до настоящего времени, когда обучение в аспирантуре и защита диссертации позади, заботится о том, чтобы я не пропустила ни одной важной конференции, была вовлечена в научную деятельность, подталкивает мягко, осторожно, вежливо. Он умеет поддержать в трудную минуту, говоря: «Главное, не сорвись, не прекращай поиск истины». Ильдус Котдусович умеет мотивировать, поддержать интерес к науке, одним словом, вдохновить. Его критика всегда конструктивна и полезна. Я думаю, нам, аспирантам, очень повезло с нашим научным руководителем» [34, с.174].

В научном багаже И.К. Загидуллина более 400 публикаций. Условно его труды можно разделить на несколько тематических блоков:

Политика государства по отношению к татарам. Национальное движение татар. В начале 1990-х гг. на волне демократизации, политики гласности и роста национального самосознания, татарстанские историки начинают активно разрабатывать проблемы связанные с взаимоотношениями Российского государства и его подданных татар-мусульман, национального движения татарского народа. В ходе подготовки кандидатской диссертации И.К. Загидуллин обращает внимание на изучение антиправительственных выступлений татарского сельского населения Среднего Поволжья. Одному из аспектов этой темы – массовому отходу новокрещеных татар от православия в ислам во второй половине XIX в., посвящена первая публикация ученого [8]. В последующих статьях автор, стремясь проанализировать не только ход этого движения, но и его причины, расширяет хронологические рамки своего исследования, обращаясь к истории христианизации во второй половине XVI–XVII вв. [4; 18; 24]. В обобщенном виде выводы ученого представлены в разделе коллективной монографии «История и культура татар-кряшен», увидевшей свет в 2017 г. [20]. В данной статье в контексте религиозной политики Московского государства в отношении народов Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. рассмотрено и комплексно исследовано формирование конфессиональной группы новокрещен (крещеных татар).

Другим направлением научного осмысления этой темы стало изучение движений татар-хлебопашцев, связанных с социально-политическими мотивами в 1870 [3] и 1890-х гг. [5; 19]. В 2014 г. увидела свет его моно-

графия, посвященная участию различных социальных слоев мусульманского населения – дворян, купцов, духовных лиц и крестьян – в татарском национальном движении 1860–1905 гг. по защите и развитию религиозно-культурной автономии, причинам, предпосылкам, формам проявления данного общественного движения [22].

Логическим продолжением этой работы стала серия статей [9; 13; 14; 16] и монографий [11; 23] о развитии национального движения татар на начальном периоде Первой русской революции 1905–1907 гг. Данная эпоха занимает особое место в истории татарского народа, именно в это время отмечается наивысший подъем политической активности татар в позднеимперской истории России, окончательно формируются институты национально-культурной автономии, создаются политические объединения, национальная пресса. Несмотря на то, что национальная мобилизация татар в «эпоху эмансипации» не раз становилась объектом специальных исследований, И.К. Загидуллину удалось, с привлечением комплекса неопубликованных документов, по-новому взглянуть и осветить данную проблему, сконцентрировав внимание на социальной активности татарских элит в продвижении национальных интересов народа.

С начала 2000-х гг. в рамках подготовки докторской диссертации Ильдусом Котдусовичем разрабатывается тема реализации религиозных прав татар-мусульман в Российской империи в традиционных общинах, в общественных, гражданских правительственных учреждениях, а также в российских регулярных и иррегулярных войсках. Результатом стала публикация нескольких десятков научных статей [2], а также четырех монографий [6; 7; 10; 40]. В этих работах впервые в историографии рассмотрены особенности функционирования традиционных мусульманских институтов в Российской империи, показано законодательное регулирование важнейших аспектов религиозной жизни мусульман Внутренней России, проанализирован процесс интеграции татар-мусульман в политико-правовое пространство «православного» государства.

Во время работы над этой многогранной темой И.К. Загидуллиным был собран обширный комплекс разноплановых исторических источников связанных с *известными мусульманскими религиозными деятелями и просветителями*. Эти материалы стали основой его монографии, посвященной малоизвестным страницам биографий руководителей Оренбургского магометанского духовного собрания – муфтиев и казыев (духовных судей) (1788–1917 гг.), изданной на татарском языке в 2021 г. [25].

В спектре научного внимания И.К. Загидуллина, как одного из ведущих исследователей истории татар Нового времени, находятся *демографические процессы и сословная стратификация татарского общества Волго-Уральского региона в дореволюционный период*. Особое внимание ученый уделил изучению материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. и событий, связанных с ее проведением [15]. Ученый обращает свое внимание и на ретроспективный анализ демографического и этносоциального учета татар. Методике проведения государственного статисти-

ческого учета со второй половины XVI по начало XX в. в Волго-Уральском регионе, а также реконструкции демографического и социального развития татар по материалам писцовых и переписных книг, ревизских сказок, данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и сведениям комплексного обследования российских городов 1910 г. посвящена книга, увидевшая свет в 2021 г. [21].

Одной из характерных особенностей «научной лаборатории» И.К. Загидуллина является использование в своих исследованиях максимально широкого комплекса неопубликованных документов из центральных и региональных архивохранилищ России, их критический разбор и анализ. Значительная часть выявленных в ходе архивной и археографической работы исторических источников были введены им в научный оборот. Он является автором-составителем 11 тематических сборников материалов и документов. Среди них – изданный коллективом авторов и его участием и под его научным руководством пятитомный сборник по истории Казани XIX в. [26; 27; 28; 29; 30], сборники: законодательных актов XIX – начала XX в., отражающих политику Российского государства в отношении нетитульного населения империи [12], делопроизводственных материалов межведомственных совещаний 1910, 1911, 1914 гг., проводившихся центральными органами исполнительной власти для выработки внутривластного курса правительства в отношении мусульман [35; 38; 39], а также разноплановых материалов и документов, характеризующих деятельность крымскотатарского духовенства в конце XIX в. [37] и модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг. [36].

Нельзя обойти вниманием большую работу И.К. Загидуллина по популяризации научных знаний и подготовке учебных пособий. Он является автором пяти учебников для средних общеобразовательных школ по истории татарского народа и Татарстана на русском и татарском языках [30; 31; 32; 33; 41; 42], более ста статей для энциклопедических словарей, более десятка научно-популярных статей [2]. За успешную научно-исследовательскую и научно-организаторскую работу И.К. Загидуллин награжден медалью РФ «В память 1000-летия Казани» (2009 г.) и медалью РТ «За доблестный труд» (2016 г.).

Несмотря на солидный научный задел, общественное и научное признание, Ильдус Котдусович не останавливается на достигнутом. Руководствуясь принципом «дорогу осилит идущий», он покоряет новые научные вершины, берется за решение сложных задач, направленных на заполнение исторических лакун в прошлом родного народа. Пожелаем юбиляру новых творческих свершений, научных открытий и здоровья!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Байбулатова Л.Ф.* Преподаватель, наставник, руководитель. К юбилею Ильдуса Котдусовича Загидуллина // Народы Волго-Уралья в зеркале российской истории. Сборник научных статей, посвященный юбилею доктора исторических наук И.К. За-

гидуллина / под общ. ред. Р.Р. Аминова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. С.178–181.

2. Загидуллин Ильдус Котдусович // Татарская энциклопедия: [Электронный ресурс] URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/zagidullin-ildus-kotdusovich> (дата обращения: 15.02.2023).

3. *Загидуллин И.К.* Бунт (по страницам национально-освободительного движения) // Идель. 1992. №1–2. С.50–56.

4. *Загидуллин И.К.* Взаимоотношения православия и ислама в Среднем Поволжье // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан: Материалы научно-практической конференции, состоявшейся 9 июня 1993 года в г. Казани. Ч.2. Казань, 1994. С.131–136.

5. *Загидуллин И.К.* Движение татарских крестьян Казанского уезда против проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. 1998. Вып.4. С.53–79.

6. *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 416 с.

7. *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII – начало XX вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 179 с.

8. *Загидуллин И.К.* К вопросу отпадения крещеных татар Казанской губернии в мусульманство 1866 года // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1990. С.66–78.

9. *Загидуллин И.К.* Компания меджлисов мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т.162. №1. С.44–54.

10. *Загидуллин И.К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006.

11. *Загидуллин И.К.* Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг. Казань: Центр инновационных технологий, 2019. 256 с.

12. «Национальный вопрос» в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX вв.): сборник материалов / сост., авт. вст. ст., списка сокр. терминов и слов И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2009. 131 с.

13. *Загидуллин И.К.* Новая форма этноконфессиональной консолидации: совещание доверенных мусульман Уфимской губернии 1905 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2016. №3–4. С.50–56.

14. *Загидуллин И.К.* О Первом Всероссийском съезде мусульман (13–18 августа 1905 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. Т.10. №1. С.15–29.

15. *Загидуллин И.К.* Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 220 с.

16. *Загидуллин И.К.* Петиции мусульман Казани 1905 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. №1–2. С.46–63.

17. *Загидуллин И.К.* Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII – начале XX в.: исламское богослужение и мечети: дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2006. 544 с.

18. *Загидуллин И.К.* Причины отпадения старокрещеных татар Среднего Поволжья в мусульманство в XIX в. // Ислам в татарском мире, история и современность, Материалы международного симпозиума. Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. Казань, 1997. С.34–56.

19. Загидуллин И.К. Прошения татарских крестьян Казанской губернии в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. 1997. №2. С.219–233.

20. Загидуллин И.К. Религиозная политика Московского государства в Среднем Поволжье (вторая половина XVI–XVII вв.) // История и культура татар-кряшен: коллективная монография / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2007. С.74–142.

21. Загидуллин И.К. Татары Волго-Уральского региона в материалах правительственной статистики (вторая половина XVI – начало XX в.): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 324 с.

22. Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.

23. Загидуллин И.К. Уфимский курултай 1905 года. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 328 с.

24. Загидуллин И.К. Христианизация татар Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. // Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. 1997. №1. С.111–165.

25. Загидуллин И.К. Мөфтиләр һәм казыйлар (Мәхкәмәи шәрғия (1788–1917) рәисләре һәм әгъзалары турында очерктар): монография. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. 266 б.

26. История Казани в документах и материалах. XIX век: Промышленность, торговля, финансы / авторы-сост. И.К. Загидуллин, Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова, Л.М. Свердлова, М.З. Гибадуллин; под ред. И.К. Загидуллина. Казань: Магариф, 2005. 718 с.

27. История Казани в документах и материалах. XIX в. Кн. 2. Население, конфессии, благотворительность / авторы-сост.: И.К. Загидуллин, Н.С. Хамитбаева, Л.М. Свердлова, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; науч. ред. И.К. Загидуллин, отв. ред. Н.С. Хамитбаева. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 703 с.

28. История Казани в документах и материалах. XIX в. Кн. 3. Управление, бюджет, хозяйство / авторы-сост.: И.К. Загидуллин, Д.И. Ибрагимов, Н.С. Хамитбаева, Л.М. Свердлова, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; науч. ред. И.К. Загидуллин, отв. ред. Н.С. Хамитбаева. Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2011. 820 с.

29. История Казани в документах и материалах. XIX в. Кн. 4. Образование: высшее, среднее, начальное / авторы-сост.: И.К. Загидуллин, Л.М. Свердлова, Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; науч. ред. И.К. Загидуллин, отв. ред. Н.С. Хамитбаева. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 784 с.

30. История Казани в документах и материалах. XIX век. Кн. 5. Культурная жизнь города / авторы-сост.: И.К. Загидуллин, Л.М. Свердлова, Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; науч. ред. И.К. Загидуллин, отв. ред. Н.С. Хамитбаева. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 671 с.

31. История татарского народа и Татарстана: электронное учебное пособие. Для учащихся 6–7 классов / авторы-сост.: Ф.М. Султанов, И.К. Загидуллин, М.М. Гибатдинов, И.М. Миргалеев. Казань, 2008.

32. История татарского народа. XVIII – начало XX вв.: учеб. пособие для 11 кл. шк. с рус. яз. обучения (профильный уровень) / авторы-сост.: И.К. Загидуллин, М.М. Гибатдинов, Д.Ф. Загидуллина. Казань: Магариф, 2010. 320 с.

33. История Татарстана и татарского народа. XIX – начало XX века: 9 класс: учебное пособие для общеобразовательных организаций / А.Г. Галлямова, И.К. Загидуллин, Р.Р. Фахрутдинов. Казань: Татар. дет. изд-во, 2019. 96 с.

34. Кореева Н.А. Моему учителю // Народы Волго-Уралья в зеркале российской истории. Сборник научных статей, посвященный юбилею доктора исторических наук

И.К. Загидуллина / под общ. ред. Р.Р. Аминова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. С.174–175.

35. Межведомственное совещание 1910–1911 годов о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением: Журнал / сост. И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 292 с.

36. Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы / сост. И.К. Загидуллин, Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; под ред. И.К. Загидуллина. Казань: ЯЗ, 2014. 532 с.

37. Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В.В. Вашкевича: сборник документов / сост., авт. предисл., прим. и сокр., сост. указ. И.К. Загидуллин. Казань: Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу, 2016. 200 с.

38. Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К. Загидуллин; сост. указ. Р.М. Залялетдинова. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2015. 588 с.

39. Особое совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К. Загидуллин. Казань: Ихлас; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. 296 с.

40. *Сенюткина О.Н., Загидуллин И.К.* Нижегородская ярмарочная мечеть – центр общения татарских и зарубежных мусульман. Нижний Новгород: Махинур, 2006. 176 с.

41. Татар халкы тарихы (XVIII гасыр – XX гасыр башы): татар телендә урта гомуми белем бирү мәкт. 11 нче с-фы өчен уку әсбабы / И.К. Загидуллин, Д.Ф. Загидуллина, М.М. Гибатдинов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. 327 б.

42. Татарстан һәм татар халкы тарихы. XIX гасыр – XX гасыр башы: 9 сыйныф: Татар телендә гомуми белем бирү оешмалары өчен уку әсбабы / Ә.Г. Галләмова, И.К. Загидуллин, Р.Р. Фәхретдинов. Казан: Татар балалар нәшрияты, 2019. 96 б.

Информация об авторе:

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: ishakovist@gmail.com

Поступила 10.01.2023

Принята к публикации 27.01.2023

**“The road will be mastered by the walking one.”
To the 60th anniversary of Ildus Kotdusovich Zagidullin**

R.R. Iskhakov
*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication presents materials characterizing the scientific activities of the famous scientist, specialist in the history of the Tatars of the New Age, Doctor of Historical Sciences Ildus Kotdusovich Zagidullin. An attempt was made to evaluate his contribution to the study of the historical heritage of the Tatar people, the policy of the

Russian state towards Muslims. The author provides information about the most significant pages of the biography and the main scientific achievements of the scientist.

Keywords: I.K. Zagidullin, historiography, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Department of Medieval History, Department of Modern History, History of the Tatar people

For citation: Iskhakov R.R. “The road will be mastered by the walking one”. To the 60th anniversary of Ildus Kotdusovich Zagidullin. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.226–239. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.226-239> (In Russian)

REFERENCES

1. Baybulatova L.F. Prepodavatel', nastavnik, rukovoditel'. K yubileyu Il'dusa Kotdusovicha Zagidullina [Lecturer, mentor, leader. To the anniversary of Ildus Kotdusovich Zagidullin]. *Narody Volgo-Ural'ya v zerkale rossiyskoy istorii. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny yubileyu doktora istoricheskikh nauk I.K. Zagidullina*. Ed. by R.R. Aminov. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of AS RT, 2017. Pp.178–181. (In Russian)

2. Zagidullin Ildus Kotdusovich // Tatar Encyclopedia [Electronic resource] URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/zagidullin-ildus-kotdusovich> (accessed: 15.02.2023) (In Russian)

3. Zagidullin I.K. Bunt (po stranitsam natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya) [Riot (through the pages of the national liberation movement)]. *Idel*, 1992, no. 1–2, pp.50–56. (In Russian)

4. Zagidullin I.K. Vzaimootnosheniya pravoslaviya i islama v Srednem Povolzh'e [Relations between Orthodoxy and Islam in the Middle Volga region]. *Mezhetnicheskie i mezkhkonnatsional'nye otnosheniya v Respublike Tatarstan: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya 9 iyunya 1993 goda v g. Kazani, part 2*. Kazan, 1994. Pp.131–136. (In Russian)

5. Zagidullin I.K. Dvizhenie tatarskikh krest'yan Kazanskogo uyezda protiv provedeniya Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda [The movement of the Tatar peasants of the Kazan district against the conduct of the First general census of the population of the Russian Empire in 1897]. *Uchenye zapiski Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo instituta*, 1998, issue 4, pp.53–79. (In Russian)

6. Zagidullin I.K. Islamskie instituty v Rossiyskoy imperii: mecheti v evropeyskoy chasti Rossii i Sibiri [Islamic Institutions in the Russian Empire: Mosques in European Russia and Siberia]. Kazan: Tatar book Publ., 2007. 416 p. (In Russian)

7. Zagidullin I.K. Islamskie instituty v Rossiyskoy imperii: Musul'manskaya obshchina v Sankt-Peterburge. XVIII – nachalo XX vv. [Islamic Institutions in the Russian Empire: The Muslim Community in St. Petersburg. 18th – early 20th centuries]. Kazan: Kazan university Publ., 2003. 179 p. (In Russian)

8. Zagidullin I.K. K K voprosu otpadeniya kreshchenykh tatar Kazanskoy gubernii v musul'manstvo 1866 goda [On the issue of falling away of the baptized Tatars of the Kazan province into Islam in 1866]. *Natsional'nyy vopros v Tatarii dooktyabr'skogo perioda*. Kazan, 1990. Pp.66–78. (In Russian)

9. Zagidullin I.K. Kompaniya medzhlisov musul'man Volgo-Ural'skogo regiona v nachal'nyy period revolyutsii 1905–1907 gg. [Company of Mejlises of Muslims of the Volga-Ural region in the initial period of the revolution of 1905–1907]. *Uchenye zapiski*

Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 2020, v.162, no. 1, pp.44–54. (In Russian)

10. Zagidullin I.K. Musul'manskoe bogosluzhenie v uchrezhdeniyakh Rossiyskoy imperii (Evropeyskaya chast' Rossii i Sibir') [Muslim worship in the institutions of the Russian Empire (European part of Russia and Siberia)]. Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2006. 462 p. (In Russian)

11. Zagidullin I.K. Natsional'noe dvizhenie musul'man Volgo-Ural'skogo regiona v nachal'nyy period revolyutsii 1905–1907 gg. [National movement of Muslims of the Volga-Ural region in the initial period of the revolution of 1905–1907]. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2019. 256 p. (In Russian)

12. «Natsional'nyy vopros» v Rossii v zerkale obshcheimperskogo zakonodatel'stva (XIX – nachalo XX vv.): sbornik materialov ["The national question" in Russia in the mirror of the general imperial legislation (18th – early 20th centuries): collection of materials]. Compiler, author of the introduction, list of abbreviated terms and words I.K. Zagidullin. Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2009. 131 p. (In Russian)

13. Zagidullin I.K. Novaya forma etnokonfessional'noy konsolidatsii: soveshchanie doverennykh musul'man Ufimskoy gubernii 1905 g. [A new form of ethno-confessional consolidation: a meeting of trusted Muslims of the Ufa province in 1905]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2016, no. 3–4, pp.50–56. (In Russian)

14. Zagidullin I.K. O Pervom Vserossiyskom s"ezde musul'man (13–18 avgusta 1905 g.) [On the First All-Russian Congress of Muslims (August 13–18, 1905)]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*. 2020, vol.10, no.1, pp.15–29. (In Russian)

15. Zagidullin I.K. Perepis' 1897 goda i tatory Kazanskoy gubernii [Census of 1897 and the Tatars of the Kazan province]. Kazan: Tatar book Publ., 2000. 220 p. (In Russian)

16. Zagidullin I.K. Peticii musul'man Kazani 1905 g. [Petitions of the Muslims of Kazan in 1905]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2015, no.1–2, pp.46–63. (In Russian)

17. Zagidullin I.K. Polozhenie islama v Evropeyskoy chasti Rossii i Sibiri v seredine XVIII – nachale XX v.: islamskoe bogosluzhenie i mecheti: diss. ... d-ra ist. nauk [The position of Islam in the European part of Russia and Siberia in the middle of the 18th – early 20th centuries: Islamic worship and mosques: diss. ... of Dr. Sci. (history)]. Kazan, 2006. 544 p. (In Russian)

18. Zagidullin I.K. Prichiny otpadeniya starokreshchennykh tatar Srednego Povolzh'ya v musul'manstvo v XIX v. [Reasons for the falling away of the old-baptized Tatars of the Middle Volga region to Islam in the 19th century]. *Islam v tatarskom mire, istoriya i sovremennost', Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Kazan', 29 aprelya – 1 maya 1996 g.* Kazan, 1997. Pp.34–56. (In Russian)

19. Zagidullin I.K. Prosheniya tatarskikh krest'yan Kazanskoy gubernii v svyazi s provedeniem Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 1897 g. [Petitions of the Tatar peasants of the Kazan province in connection with the conduct of the First general population census in 1897]. *Uchenye zapiski Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo instituta*, 1997, no.2, pp.219–233. (In Russian)

20. Zagidullin I.K. Religioznaya politika Moskovskogo gosudarstva v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI–XVII vv.) [Religious policy of the Moscow State in the Middle Volga region (second half of the 16th – 17th centuries)]. *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen: kollektivnaya monografiya*. Ed. by R.R. Iskhakov. Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2007. Pp.74–142. (In Russian)

21. Zagidullin I.K. Tatory Volgo-Ural'skogo regiona v materialakh pravitel'stvennoy statistiki (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.): monografiya [Tatars of the Volga-Ural region in the materials of government statistics (second half of the 16th – early 20th centuries)]. Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2021. 324 p. (In Russian)

22. Zagidullin I.K. Tatarskoe natsional'noe dvizhenie v 1860–1905 gg. [Tatar national movement in 1860–1905]. Kazan: Tatar book Publ., 2014. 423 p. (In Russian)

23. Zagidullin I.K. Ufimskiy kurultay 1905 goda [Ufa Kurultai in 1905]. Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2018. 328 p. (In Russian)

24. Zagidullin I.K. Khristianizatsiya tatar Srednego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XVI–XVII vv. [Christianization of the Tatars of the Middle Volga region in the second half of the 16th–17th centuries]. *Uchenye zapiski Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo instituta*, 1997, no. 1, pp.111–165. (In Russian)

25. Zagidullin I.K. Möftilär häm kazyylar (Mäkhkämäi shärgyya (1788–1917) räisläre häm äg"zalary turynda ocherklar): monografiya [Muftii i kazyi (Makhkamaai shargyya (1788–1917) essays on leaders and employees)]. Kazan: Tatar book Publ., 2021. 266 p. (In Tatar)

26. Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XIX vek: Promyshlennost', togovlya, finansy [History of Kazan in documents and materials. 19th century: Industry, trade, finance]. Compilers I.K. Zagidullin, N.S. Khamitbaeva, L.F. Baybulatova, Kh.Z. Bagautdinova, L.M. Sverdlova, M.Z. Gibadullin; ed. by I.K. Zagidullin. Kazan: Magarif, 2005. 718 p. (In Russian)

27. Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XIX v. Kn. 2. Naselenie, konfessii, blagotvoritel'nost' [History of Kazan in documents and materials. 19th century Book 2. Population, confessions, charity]. Compilers: I.K. Zagidullin, N.S. Khamitbaeva, L.M. Sverdlova, L.F. Baybulatova, Kh.Z. Bagautdinova; ed. by I.K. Zagidullin, N.S. Khamitbaeva. Kazan: Tatar book Publ., 2011. 703 p. (In Russian)

28. Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XIX v. Kn. 3. Upravlenie, byudzheth, khozyaystvo [History of Kazan in documents and materials. 19th century Book 3. Management, budget, economy]. Compilers: I.K. Zagidullin, N.S. Khamitbaeva, L.M. Sverdlova, L.F. Baybulatova, Kh.Z. Bagautdinova; ed. by I.K. Zagidullin, N.S. Khamitbaeva. Kazan: Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri KM RT, 2011. 820 p. (In Russian)

29. Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XIX v. Kn. 4. Obrazovanie: vysshee, srednee, nachal'noe [History of Kazan in documents and materials. 19th century Book 4. Education: higher, secondary, primary]. Compilers: I.K. Zagidullin, L.M. Sverdlova, N.S. Khamitbaeva, L.F. Baybulatova, Kh.Z. Bagautdinova; ed. by I.K. Zagidullin, N.S. Khamitbaeva. Kazan: Tatar book Publ., 2012. 784 p. (In Russian)

30. Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XIX v. Kn. 5. Kul'turnaya zhizn' goroda [History of Kazan in documents and materials. 19th century Book 5. Cultural life of the city]. Compilers: I.K. Zagidullin, L.M. Sverdlova, N.S. Khamitbaeva, L.F. Baybulatova, Kh.Z. Bagautdinova; ed. by I.K. Zagidullin, N.S. Khamitbaeva. Kazan: Tatar book Publ., 2014. 671 p. (In Russian)

31. Istoriya tatarskogo naroda i Tatarstana: elektronnoe uchebnoe posobie. Dlya uchashchikhsya 6–7 klassov [History of the Tatar people and Tatarstan: an electronic textbook. For students in grades 6–7]. Compilers: F.M. Sultanov, I.K. Zagidullin, M.M. Gibatdinov, I.M. Mirgaleev. Kazan, 2008. (In Russian)

32. Istoriya tatarskogo naroda. XVIII – nachalo XX vv.: ucheb. posobie dlya 11 kl. shk. s rus. yaz. obucheniya (profil'nyy uroven') [History of the Tatar people. 18th – early 20th centuries: textbook. allowance for 11 cells. general school (profile level)]. Compilers: I.K. Zagidullin, M.M. Gibatdinov, D.F. Zagidullina. Kazan: Magarif, 2010. 320 p. (In Russian)

33. Istoriya Tatarstana i tatarskogo naroda. XIX – nachalo XX veka: 9 klass: uchebnoe posobie dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy [History of Tatarstan and the Tatar people. 19 – early 20 century: Grade 9: a textbook for educational organizations]. Compilers: A.G. Gallyamova, I.K. Zagidullin, R.R. Fakhrutdinov. Kazan: Tatar children's Publ., 2019. 96 p. (In Russian)

34. Koreeva N.A. Moemu uchitel'yu [To my teacher]. *Narody Volgo-Ural'ya v zerkale rossiyской istorii. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny yubileyu doktora*

istoricheskikh nauk I.K. Zagidullina. Ed. by R.R. Aminov. Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2017. Pp.174–175. (In Russian)

35. *Mezhvedomstvennoe soveshchanie 1910–1911 godov o postanovke shkol'nogo obrazovaniya v mestnostyakh s inorodcheskim i inoslavnym naseleniem: Zhurnal [Interdepartmental meeting of 1910–1911 on the establishment of school education in areas with a foreign and non-Orthodox population: Journal]*. Compiler I.K. Zagidullin. Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2017. 292 p. (In Russian)

36. *Modernizatsionnye protsessy v tatarsko-musul'manskom soobshchestve v 1880-e – 1905 gg.: dokumenty i materialy [Modernization processes in the Tatar-Muslim community in the 1880s – 1905: documents and materials]*. Compilers: I.K. Zagidullin, N.S. Khamitbaeva, L.F. Baybulatova, Kh.Z. Bagautdinova; ed. by I.K. Zagidullin. Kazan: YaZ, 2014. 532 p. (In Russian)

37. *Musul'manskoe dukhovenstvo Tavricheskoy gubernii v kontse XIX veka: raport V.V. Vashkevicha: sbornik dokumentov [Muslim clergy of the Taurida province at the end of the 19th century: report by V.V. Vashkevich: collection of documents]*. Compiler, author of forewords, notes and abbreviations, compiler of indexes I.K. Zagidullin. Kazan: State Committee of the Republic of Tatarstan for Archival Affairs, 2016. 200 p. (In Russian)

38. *Osoboe soveshchanie po vyrabotke mer dlya protivodeystviya tatarsko-musul'manskomu vliyaniyu v Privolzhskom krae 1910 goda: dokumenty i materialy [Special meeting on the development of measures to counter the Tatar-Muslim influence in the Volga region in 1910: documents and materials]*. Compiler, author of forewords, notes and abbreviations I.K. Zagidullin; compiler of indexes R.M. Zalyaletdinova. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 588 p. (In Russian)

39. *Osoboe soveshchanie po musul'manskim delam 1914 goda: Zhurnaly [Special meeting on the development of measures to counter the Tatar-Muslim influence in the Volga region in 1910: documents and materials]*. Compiler, author of forewords, notes and abbreviations I.K. Zagidullin. Kazan: Ikhlas; Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2011. 296 p. (In Russian)

40. *Senyutkina O.N., Zagidullin I.K. Nizhegorodskaya yarmarochnaya mechet' – tsentr obshcheniya tatarskikh i zarubezhnykh musul'man [The Nizhny Novgorod Fair Mosque is the center of communication between Tatar and foreign Muslims]*. Nizhny Novgorod: Makhinur, 2006. 176 p. (In Russian)

41. *Tatar khalky tarikhy (XVIII gasyr – XX gasyr bashy): tatar telendä urta gomumi belem birü mäkt. 11 nche s-fy öchen uku äsbaby [History of the Tatar people (18th – early 20th century)]*. Authors I.K. Zagidullin, D.F. Zagidullina, M.M. Gibatdinov. Kazan: Tatar book Publ., 2012. 327 p. (In Tatar)

42. *Tatarstan häm tatar khalky tarikhy. XIX gasyr – XX gasyr bashy: 9 synnyf: Tatar telendä gomumi belem birü oeshmalary öchen uku äsbaby [History of Tatarstan and the Tatar people. 19th – early 20th century: Grade 9: a textbook for educational organizations]*. Authors A.G. Gallyamova, I.K. Zagidullin, R.R. Fakhrutdinov. Kazan: Tatar children's Publ., 2019. 96 p. (In Tatar)

About the author:

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); e-mail: ishakovist@gmail.com

Received January 10, 2023

Accepted for publication January 27, 2023

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2023. Том 13, № 1

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2023, vol. 13, no. 1

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 28.03.2023 г. Дата выхода в свет 04.04.2023 г.

Формат 70×100^{1/16} Усл. печ. л. 15,0 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «АПРЕСС»

420054, г. Казань, ул. Актайская, д. 21/2

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф